

ВЕСТНИК
РГУ

Философия
Социология
Искусствоведение

Academic Journal
RSUH / RGGU Bulletin

Philosophy •
Sociology • Art Studies

1
2025

ISSN 2073-6401

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Philosophy. Sociology. Art Studies”

Series

Academic Journal

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

1
2025

VESTNIK RGGU. Seriya "Filosofiya. Sociologiya. Iskuststvovedenie"

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series Academic Journal

There are 4 issues of printed version of the journal a year

Founder and Publisher – Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU BULLETIN. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series is included: in the system of the Russian Science Citation Index (RISC); in the List of peer-reviewed scientific publications, in which the essential research findings of dissertations for the Ph.D. and Dr. degree in the following scientific specialties and the branches of science corresponding to them should be published:

09.00.00 Philosophy:

09.00.03 History of philosophy

09.00.11 Social philosophy

17.00.00 Art Studies:

17.00.03 Film, television and other screen arts

17.00.04 Fine and decorative-applied arts and architecture

17.00.09 Theory and history of art

22.00.00 Sociology:

22.00.01 Theory, methodology and history of sociology

22.00.04 Social structure, social institutions and processes

22.00.06 Sociology of Culture

Goals of the journal: representation of the newest research findings in the fields of philosophy, sociology, and art studies which have undoubted theoretical and practical significance and which are promising for the research development in that field and for its state as a whole.

Objectives of the journal: realization and development of examination of scientific articles, using the advanced modern interdisciplinary and complex approaches; representation of the most paradigmatic achievements in the fields that are significant for the progress of science and suitable for implementation into the educational process as the examples of proper scientific work; attracting new authors, researchers showing a high theoretical culture and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of the academic and university science; translation of scientific experience between the generations and institutions.

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61882 of 25.05.2015. Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-73403 of 03.08.2018.

Editorial staff office: bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047

Philosophy – Anna I. Reznichenko, annarezn@yandex.ru

Sociology – Olga V. Kitaitseva, olga_kitaitseva@mail.ru

Art Studies – Aleksandr V. Markov, vestnik-art@rggu.ru

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»

Научный журнал

Выходит 4 номера печатной версии журнала в год.

Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение» включен: в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

09.00.00 Философия:

09.00.03 История философии

09.00.11 Социальная философия

17.00.00 Искусствоведение:

17.00.03 Кино-, теле- и другие экранные искусства

17.00.04 Изобразительное и декоративно-прикладное искусство и архитектура

17.00.09 Теория и история искусства

22.00.00 Социология:

22.00.01 Теория, методология и история социологии

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

22.00.06 Социология культуры

Цель журнала: представление новейших результатов исследований в области философии, социологии и искусствоведения, имеющих несомненное теоретическое и практическое значение и перспективных для развития исследований в этой области и для состояния отрасли.

Задачи журнала: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее парадигматичных достижений отраслей, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и вузовской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-61882 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.

Адрес редакции: Россия, 125047, Москва, Мнусская пл., 6

Философия – Анна Игоревна Резниченко, annarezn@yandex.ru

Социология – Ольга Вячеславовна Китайцева, olga_kitaitseva@mail.ru

Искусствоведение – Александр Викторович Марков, vestnik-art@rggu.ru

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

Toschenko Zhan T., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RAS corresponding member,
Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Editorial Board

Vargas Julio César, Cand. of Sci. (Philosophy), professor, University of Valle, Cali,
Columbia

Velikaya Natalia M., Dr. of Sci. (Political Science), professor, RAS Institute of
Socio-Political Research, Moscow, Russia

Vinogradov Vladimir V., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Gerasimov
Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Vdovichenko Larisa N., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Wiatr Jerzy Jozef, Dr. of Sci. (Sociology), professor, University of Warsaw, Warsaw,
Poland

Zvegintseva Irina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Gerasimov Russian State
Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Kalugina Olga V., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia

Kitaitseva Olga V., Cand. of Sci. (Sociology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Kolotaev Vladimir A., Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for
the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Konacheva Svetlana A., Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Limanskaya Lyudmila Yu., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Russian State Uni-
versity for the Humanities, Moscow, Russia

Dieter Lohmar, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Köln, Köln, Ger-
many

Malinina Tatyana G., Dr. of Sci. (Art Studies), Research Institute of Theory and
History of Arts, Russian Academy of Arts, Moscow, Russia

Markov Aleksandr V., Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State
University for the Humanities, Moscow, Russia

Molchanov Victor I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia

Nowak Piotr, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, University of Białystok, Poland

Rapic Smail, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Wuppertal University, Wuppertal,
Germany

Reznichenko Anna I., Dr. of Sci. (Philosophy), professor, Russian State University
for the Humanities, Moscow, Russia (*deputy editor-in-chief*)

Masamichi Sasaki, Dr. of Sci. (Sociology), professor of sociology, Chuo University,
Tokyo, Japan

Sipovskaya Natalia V., Cand. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russia

Fomin Valery I., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Tsyrkun Nina A., Dr. of Sci. (Art Studies), professor, Research Institute of Gerasimov Russian State Institute of Cinematography, Moscow, Russia

Shevchenko Irina O., Dr. of Sci. (Sociology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Shtein Sergey Yu., Cand. of Sci. (Art Studies), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Executives editors

A.I. Reznichenko, Dr. of Sci. (Philosophy), professor, RSUH

A.V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, RSUH

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

Ж.Т. Тощенко, доктор философских наук, профессор, член-корреспондент
РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Х.Ц. Варгас, кандидат философских наук, Университет Валле, Колумбия

Н.М. Великая, доктор политических наук, профессор, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Российская Федерация

В.В. Виноградов, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

Л.Н. Вдовиченко, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

Е. Вятр, доктор политических наук, профессор, Варшавский университет, Республика Польша

И.А. Звегинцева, доктор искусствоведения, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация

О.В. Калугина, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

О.В. Китайцева, кандидат социологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.А. Колотаев, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

С.А. Коначева, доктор философских наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.Ю. Лиманская, доктор искусствоведения, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Д. Ломар, доктор философских наук, профессор, Кёльнский университет, Кёльн, ФРГ

Т.Г. Малинина, доктор искусствоведения, НИИ теории и истории изобразительных искусств Российской академии художеств, Москва, Российская Федерация

А.В. Марков, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

- В.И. Молчанов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- П. Новак*, доктор философских наук, профессор, Белостокский университет, Республика Польша
- С. Ратиц*, доктор философских наук, профессор, Университет Вупперталя, Вупперталь, ФРГ
- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)
- М. Сасаки*, доктор социологических наук, профессор, Университет Чуо, Токио, Япония
- Н.В. Сиповская*, кандидат искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация
- В.И. Фомин*, доктор искусствоведения, профессор, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- Н.А. Цыркун*, доктор искусствоведения, НИИ киноискусства Всероссийского государственного института кинематографии им. С.А. Герасимова, Москва, Российская Федерация
- И.О. Шевченко*, доктор социологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Штейн*, кандидат искусствоведения, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственные за выпуск

- А.И. Резниченко*, доктор философских наук, профессор, РГГУ
- А.В. Марков*, доктор филологических наук, доцент, РГГУ

CONTENTS

<i>For the anniversary of the scientist</i> Zhan Terent'evich Toschenko is 90 years old!	10
---	----

Philosophy. The history of philosophy. Art studies

Issue topic: Artificial Intelligence

<i>Olga F. Ivashchuk</i> Artificial Intelligence as a perennial issue in philosophy	12
<i>Helen V. Chapny</i> Philosophical and anthropology understanding of Hybrid Intelligence	24
<i>Oksana V. Cherkashina</i> Free will and artificial intelligence	38
<i>Olga V. Savvina</i> Ethical codes of AI development and use. The issue of application	50
<i>Artem A. Krotov</i> The issue of machine intelligence in the creative work of Valery Bryusov	63
<i>Oleg V. Li</i> Artificial Intelligence as an ontic opportunity for humans according to K. Malabou's concept of plasticity	74
<i>Ariana V. Prygunova, Nikolai V. Litvak</i> The concept of the "Death of the Author" by R. Barth and authorship in interaction with artificial intelligence	86
<i>Alersandr V. Markov, Oksana A. Shtayn</i> AI-images and gaze violence according to Dietmar Kamper	101
<i>Sijia Lui</i> Constructivism and digital sculpting	111
<i>Elena V. Kosilova</i> Musical World. Phenomenological analysis	122

СОДЕРЖАНИЕ

<i>К юбилею ученого</i> Жану Терентьевичу Тощенко – 90 лет!	10
--	----

Философия. История философии. Искусствоведение **Тема номера: Искусственный интеллект**

<i>Ольга Ф. Иващук</i> Искусственный интеллект как вечная проблема философии	12
<i>Елена В. Чапны</i> Философско-антропологическое осмысление гибридного интеллекта	24
<i>Оксана В. Черкашина</i> Свобода воли и искусственный интеллект	38
<i>Ольга В. Саввина</i> Этические кодексы разработки и использования ИИ: проблема применения на практике	50
<i>Артем А. Кротов</i> Проблема машинного интеллекта в творчестве Валерия Брюсова	63
<i>Олег В. Ли</i> Искусственный интеллект как онтическая возможность для человека согласно концепции пластичности К. Малабу	74
<i>Ариана В. Прыгунова, Николай В. Литвак</i> Концепция «Смерть автора» Р. Барта и авторство во взаимодействии с искусственным интеллектом	86
<i>Александр В. Марков, Оксана А. Штайн</i> Нейросетевые изображения и насилие взгляда по Дитмару Камперу	101
<i>Сыцзя Люй</i> Конструктивизм и цифровой скульптинг	111
<i>Елена В. Косилова</i> Музыкальный мир. Феноменологический анализ	122

*К юбилею ученого
To the anniversary of the scientist*

Жану Терентьевичу Тощенко – 90 лет!

Zhan Terentyevich Toshchenko is 90 years old!

Редакция журнала «Вестник РГГУ. Серия “Философия. Социология. Искусствоведение”» и профессорско-преподавательский состав социологического факультета сердечно поздравляют главного редактора журнала, научного руководителя и основателя социологического факультета РГГУ с днем рождения. Член-корреспонденту РАН, доктору философских наук Жану Терентьевичу Тощенко – 90 лет!

Справка: Жан Терентьевич Тощенко родился 03.01.1935 г. в деревне Павловка Климовского р-на Брянской области. В 1957 г. окончил исторический факультет МГУ им. Ломоносова, в 1967 г. защитил кандидатскую, а в 1973 г. – докторскую диссертацию по философским наукам. Двумя годами позже (1975 г.) получил звание профессора, а в 1997 г. стал членом-корреспондентом РАН.

Ж.Т. Тощенко обладает большим опытом научно-редакторской деятельности. В период с 1995 по 2018 гг. он являлся главным редактором журнала РАН «Социологические исследования», одного из ведущих периодических социологических изданий, основанного

в 1974 г., входящего в международные системы цитирования Scopus и Web of Science и на данный момент занимающего одно из первых мест в РИНЦ по импакт-фактору среди журналов социологического профиля. Ж.Т. Тощенко возглавляет редколлегию серии «Философия. Социология. Искусствоведение» журнала «Вестник РГГУ», а также входит в состав редакторских коллегий ряда значимых журналов.

Научная деятельность Жана Терентьевича тесно связана с Российским государственным гуманитарным университетом, именно в стенах РГГУ зародилась и уже более 25 лет плодотворно функционирует научная школа «Социология жизни», основоположником которой является Ж.Т. Тощенко.

Уважаемый Жан Терентьевич!

Ваше имя неразрывно связано с российской социологической наукой. Вы являетесь флагманом социологии, известным специалистом в области теории и методологии социологии, социологии труда и управления и др. Вы продвигаете российскую социологию в общемировое научное пространство, являетесь проводником в мир науки для молодых ученых, а для нескольких тысяч учеников – Наставником и Учителем с большой буквы!

Практически 30 лет Вы умело и плодотворно руководите социологическим факультетом РГГУ. За годы руководства факультетом Вам удалось подобрать коллектив единомышленников, людей, преданно служащих своему делу и науке. Для коллег и студентов Вы являетесь не просто корифеем российской социологии, не просто основателем социологического факультета, а прежде всего Человеком, готовым безвозмездно делиться своими безграничными знаниями.

Можем с уверенностью сказать: Жан Терентьевич – счастливый человек, которого уважают и любят не только родные и близкие люди, но и коллеги, и тысячи учеников.

Желаем Вам крепкого здоровья и новых научных открытий!

*С большим уважением,
Ваши коллеги и ученики*

Искусственный интеллект как вечная проблема философии

Ольга Ф. Иващук

*Российская академия народного хозяйства и госслужбы
при Президенте РФ, Москва, Россия, ofi@list.ru*

Аннотация. Прогрессирующее внедрение ИИ во все технологии, посягающее на приоритет «естественного» человеческого мышления, снова делает актуальным вопрос: «Что значит мыслить?». Для прояснения отношения ИИ к человеческому проводится анализ 1) уязвимости ИИ, которая обнаруживает его вторичность – Model Autophagy Disorder (MAD – Р. Баранюк); 2) опыта обучения естественных и искусственных систем Г. Бейтсоном, обнаружившим в обучении ряд уровней, высший из которых выводит систему в противоречие или *Double-bind (Db)*; 3) Загорского эксперимента. В статье продемонстрировано, что в нем были определены условия продуктивного и разрушительного сценариев *Db*. Продуктивный выход из противоречия обусловлен включением обучаемого (слабой стороны общения) во всеобщую общительность, признающую и оберегающую его субъективность. *Db* становится орудием слома естественного эгоизма живого и насаждения неэгоистических потребностей в качестве условий выживания. Так обучаемый становится мыслящим. Разрушительный выход обуславливается монополизацией могущества сильной стороны общения за счет слабой. Человеческий интеллект обоснован тем самым в качестве не-естественного, ИИ – в качестве его усеченной проекции. Но это высвечивает проблему, оставшуюся нерешенной в Загорском эксперименте, – определение условий, эффективно блокирующих монополизацию социального могущества, – орудием которой может, как любая машина, стать и ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, обучение, мышление, схизмогенез, противоречие, double-bind, баланс власти, homo apertus

Для цитирования: Иващук О.Ф. ИИ как вечная проблема философии // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-12-23

Artificial Intelligence as a perennial issue in philosophy

Olga F. Ivashchuk

*Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Moscow, Russia, ofi@list.ru*

Abstract. The progressive introduction of AI into all technologies, encroaching on the priority of “natural” human thinking, again makes the question relevant: “What does it mean to think?”. To clarify the relationship of AI to the human, an analysis is made of 1) the vulnerability of AI, which reveals its secondary nature – Model Autophagy Disorder (MAD – R. Baranyuk); 2) the experience of training natural and artificial systems by G. Bateson, who discovered a number of levels in training, the highest of which brings the system into contradiction or Double-bind (Db); 3) the Zagorsk experiment. The article demonstrates that it defined the conditions for productive and destructive Db scenarios. A productive way out of the contradiction is conditional on the inclusion of the learner (the weaker side of communication) in universal sociability, which recognizes and protects his subjectivity. Db becomes an instrument for breaking the natural egoism of the living and implanting non-egoistic needs as conditions for survival. That’s how a learner becomes a thinker. The destructive outcome is determined by the monopolization of power by the stronger side of communication at the expense of the weaker one. Human intelligence is thus justified as unnatural, AI – as its truncated projection. But it highlights the issue that remained unsolved in the Zagorsk experiment: determining the conditions that effectively block the monopolization of social power, the tool of which, like any machine, can also be AI.

Keywords: Artificial Intelligence, teaching, thinking, schismogenesis, contradiction, double-bind, power balance, homo apertus

For citation: Ivashchuk, O.F. (2025), “Artificial Intelligence as a perennial issue in philosophy”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 12–23, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-12-23

Введение. Мыслит ли машина?

Когда ИИ грозит вытеснить с рабочих мест не только работников колл-центров, но и программистов, вопрос «Что значит быть мыслящим существом?»¹ перестает быть отвлеченным и превра-

¹ “What does it mean to be sentient?” – тема конференции в Институте философии Академии наук Чехии (11 апреля 2024). URL: <https://cetep.eu/>

щается в борьбу за признание (*Anerkennung*)². Но с кем или с чем борется в ней человек?

С одной стороны, нейросети не только способны отвечать «впопад», большие языковые модели проходят тест Тьюринга³ и учатся, подобно детям. На текстах, циркулирующих в Интернете, путем проб и ошибок они обучаются находить ответы на вопросы так, чтобы ответы с максимальной вероятностью соответствовали заданным языковым правилам и контексту. Языковые правила загружаются в самом начале, затем ИИ рекурсивно обращается к ним, сличая с ними свои результаты и вырабатывая алгоритмы,

...определяющие, что считать разумным ответом в данном контексте. Их количество, на самом деле, огромно, но вычислительные мощности современных компьютеров более чем достаточны, чтобы генерировать их [Mensch 2024, p. 6–7]⁴.

С другой стороны, в этом обучении обнаруживается «паразитарность» (Дж. Менш) ИИ: если нейросети используют в обучении свои собственные результаты или данные, сгенерированные аналогичными моделями, которых в Интернете становится все больше, их производительность неуклонно падает [Harrison Dupre, 2023]. Возникает «аутофагическое расстройство модели» (*Model Auto-phagy Disorder – MAD*), как назвал это Р. Баранюк [Alemohammad et al. 2024].

Почему ИИ goes MAD⁵?

Дж. Менш полагает, что все дело в развоплощенности ИИ. Тест Тьюринга пройден, так как он зиждется на картезианской предпосылке, что материальный субстрат не имеет значения для

james-mensch-artificial-versus-natural-intelligence/ (дата обращения 1 июня 2024). Центральным ее событием был доклад Дж. Менша, см.: Mensch J. Artificial versus Natural Intelligence. URL: https://www.academia.edu/113290430/Artificial_versus_Natural_Intelligence (дата обращения 1 июня 2024).

² Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. С. 98.

³ Нашумевший пример – LaMDA от Google, убедившая в собственной разумности своего Пигмалиона [Lemoine 2022].

⁴ Перевод мой. – О. И.

⁵ *To go mad* – сходить с ума (англ.).

сознания. Но цена такой свободы от тела – отсутствие у языковых моделей опыта, они не могут преобразовывать его в язык, они с самого начала уже пребывают в языке, где циркулируют только переработанные для передачи общие смыслы. Люди же через свои органы чувств имеют прямой доступ к миру. И «это воплощение... налагает на нас приватность, которая требует преодоления языка», ведь «никто не может есть за вас, спать за вас, дышать за вас». Мое тело «не может быть общим» [Mensch 2024, р. 13–14], и этим оно отличается от выполняемых мной функций: «Такие функции заменяемы. Кто-то другой может пойти за меня в банк, завязать мне шнурки и так далее» [Mensch 2024, р. 14]. А незаменимость делает меня источником уникального, которым питаются и язык, и языковые модели. Эта досоциальная, докоммуникативная прерогатива обязывает беречь уникальное (меня), становясь источником нашей нравственной природы. Вывод: мы самодостаточны и потому, по критерию Аристотеля, естественны, тогда как ИИ, не будучи естественным, не самодостаточен.

Но, во-первых, как замечает Г. Бейтсон, любая «естественная» система, причем на уровне непосредственно-телесном, эндокринном, уже является коммуникативной⁶. Тем более такова телесность человеческая, ведь, по Аристотелю, индивид, взятый «в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим»⁷. А вот коммуникативность ИИ следует поставить под вопрос: продвигающийся лишь аналитически, он не способен трансцендировать замкнутость на себе самом⁸.

Во-вторых, именно несамодостаточность характеризует всякую жизнь, т. е. «естественную» систему, побуждая ее питаться и делая ее способной к обучению. MAD в некотором смысле – симптом самодостаточности ИИ, не способного выйти за свои пределы.

Разглядеть лучшее различие естественных и искусственных систем поможет сделанное Г. Бейтсоном различие уровней в обучении.

⁶ Бейтсон Г. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. С. 224.

⁷ Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, С. 379.

⁸ По этой причине профессор компьютерных наук Peter J. Denning и философ Scot B. Rousse отрицательно отвечают на вопрос «Могут ли машины быть в языке» [Denning, Rousse 2004].

О типах и условиях обучения

Термин «нулевой уровень обучения» описывает реакции на стабильные раздражители, которые экономнее сделать «запаянными»⁹. Так, наш нос всегда окружает воздух, поэтому дыхательное поведение у нас «запаяно», а для дельфина это не так. Для выживания в изменчивой среде требуется «Обучение-I», «изменение специфичности отклика благодаря исправлению ошибок выбора внутри данного набора альтернатив»¹⁰. Более сложное поведение требует изменения и набора альтернатив. Это Обучение-II, его-то и имитирует *machine learning*. В Обучении-II формируется разбивка, пунктуация опыта или контекста, и в кристаллизирующихся здесь правилах

...не содержится ничего, что можно было бы проверить на реальность. <...>

...утверждения, управляющие пунктуацией, имеют общее свойство самоподтверждаться,

что

...делает это обучение почти неискоренимым¹¹.

Но если живое – это нехватка, то его правила должны сообразовать его со средой, которая есть «природа и приключения»¹², так как его окружают живые же, не заданные до конца множественные единичные центры *воли*. Живое стоит перед задачей *синтеза* априори, от которого *аналитически* продвигающийся от заданных правил и потому «одиноким» когито-образный ИИ избавлен.

Поскольку правила, будучи общими, должны сообразовываться с опытом единичного, не исчерпываемого никакими правилами, то хотя они и сопротивляются опытному опровержению, они все равно обречены столкнуться с собственной противоположностью: другим рядом правил, противоречащим первому. Животное, адаптированное к постоянной экологической нише, обычно не сталкивается с этим потенциалом, и в случае столкновения, по наблюдению Г. Бейтсона, имеет место реверсивное обучение, переучивание-замена на новый набор правил с забыванием старого.

Для человека же столкновение с противоречием предопределено тем, что человеческие индивиды живут внутри особого

⁹ Бейтсон Г. Указ. соч. С. 240.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. С. 238.

¹² Маритэн Ж. Краткий очерк о существовании и существующем // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 231.

вида социальной структуры, генерирующей взаимоисключающие правила жизни для представителей функционально противоположных социальных субъектов. Поэтому избежать противоречия человек в своей жизни не может. Оно, как сказал бы П. Бурдье, составляет матрицу диспозиций его габитуса.

Противоречием живое «существо выталкивается на уровень обучения-III»¹³. Обучение-III есть «корректирующее изменение в системе наборов альтернатив, из которых делается выбор»¹⁴. Это не просто подведение *многого* под одно, но подведение *всего*, полагание всеобщего, которое заключено между полюсами противоречия.

Знаменательно, что, описывая I, II и III уровни обучения, Г. Бейтсон ссылается на теорию типов Рассела, но результирующее противоречие сближает его типологию с «тремя отношениями мысли к объективности» из *Малой логики* Гегеля¹⁵. Обучение-I коррелирует с наивностью метафизики, для субъекта которой познание ограничено непосредственным отображением объекта. Обучение-II создает кантианского субъекта с априорными для него (вписанными в нас с детства) правилами, которые не только ИИ, но и живые системы не стремятся изменять.

Обучение-III открывает эти неисследованные предпосылки для вопрошания и перемен. Его суть – продемонстрировать противоречие в предпосылках, контролирующих поведение обучаемого¹⁶.

Если первые два уровня развертывания познающего мышления позволяют описать их как обучение языку (даже категории можно представить как правила пунктуации), то третий уровень исключает возможность отождествления мышления с говорением¹⁷. Недаром традицию такого отождествления Хайдеггер заклеил как «логистику», в которой «человеческая сущность подгоняется к... сущности техники»¹⁸. И Дж. Менш правильно характеризует мышление как «преодоление языка», но было бы

¹³ Бейтсон Г. Указ. соч. С. 242.

¹⁴ Там же. С. 232.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974. С. 107–201.

¹⁶ Бейтсон Г. Указ. соч. С. 239.

¹⁷ «Лишь потому, что мышление как *λόγος* определяется как говорение (Sprechen), положение о противоречии может играть такую роль правила мышления» (Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. С. 155).

¹⁸ Хайдеггер М. Указ. соч. С. 210.

неверно это преодоление понимать как отступление в докоммуникативное «чувственное присутствие» [Mensch 2024, p. 8]. Это преодоление достижимо лишь средствами самой коммуникации и с опорой на язык – как выход в противоречие, который без языка невозможен. Даже в знаменитом павловском опыте с «экспериментальным неврозом» «наивная» собака, для которой круг и эллипс *не символизируют* положительного и отрицательного подкрепления, игнорирует их совмещение, т. е. не попадает в ситуацию противоречия. Иначе нельзя было бы сказать, что «Обучение-II – это необходимая предпосылка психического расстройства»¹⁹.

Противоречие как differentia specifica человеческого мышления

Следовательно, именно противоречие отличает человеческое мышление от любого другого. Но для живого существа, замечает Бейтсон, «попытки достичь уровня обучения-III могут быть опасными, и некоторые слетают под откос»²⁰. Эту опасность Г. Бейтсон описал в своей теории шизофрении, согласно которой ситуация противоречия, которую он называет *Double-bind (Db)*, выступает инструментом «схизмогенеза»²¹ – процесса, в котором сильная сторона коммуникации наращивает свои властные шансы, подавляя слабую сторону и в борьбе за признание получая как выигрыш – господство. Систематическое воспроизведение этой ситуации делает патологическое поведение слабого в особом смысле уместным. Отсюда терапевтическая стратегия – вывести пациента из ловушки противоречия.

Но Г. Бейтсон, рисуя свою впечатляющую дедукцию клинической симптоматики шизофрении в виде рациональных стратегий избегания противоречия²², не замечает, что эта дедукция на деле показывает: к патологии ведет не противоречие, но попытка его избежать. Каждый симптом – защитная стратегия, когда жертва воспринимает и реагирует лишь на одну из сторон противоречия и *тем самым* реализует патологию.

И тогда с противоречием следует иначе обращаться: не избегать, а двигаться в нем, и такое движение и есть творческое мышление, ведущее к наращиванию жизненных шансов.

Но можно ли такому движению обучиться?

¹⁹ Бейтсон Г. Указ. соч. С. 235.

²⁰ Там же. С. 242.

²¹ Там же. С. 108.

²² Там же. С. 174–176.

Загорский эксперимент

Ответ на этот вопрос дал Загорский эксперимент. Смысл центрального приема педагогики А.И. Мещерякова Э.В. Ильенков описывает именно как *Db*: чтобы могла возникнуть психика мыслящего существа, надо «разорвать» уже сложившуюся связь «между организмом и предметами его органических нужд»²³. Контакт, подлежащий разрыву, – это *жизненно* важный контакт, но жизни угрожает и (1) разрыв такого контакта, и (2) стремление уберечь жизнеобеспечивающую связь, когда взрослые становятся обслуживающим придатком слепоглохого ребенка, превращая его в растениеподобное существо. Покинуть ситуацию живое существо в педагогике Мещерякова не может: «Либо осуществи переход к *человеческому* способу удовлетворения органической нужды, либо сдохни»²⁴.

Для психики животного это ситуация срыва, но человеку слом зоологического индивидуализма открывает источник силы, поскольку соединяет с другими людьми, и не как с придатками физиологии: другие появляются в мире ребенка как признанные им *субъекты*, признающие такую же субъективность представителя человечества в нем.

Так происходит благодаря тому, что удовлетворение органической нужды ребенка осуществляется особым способом, который заставляет организм моделировать собственное жизнеобеспечивающее движение, считаясь с воспроизводством условий субъективности других людей, в которые входит их общность. Это и есть источник индивидуальной способности полагать связующее всех всеобщее, т. е. мыслить.

Такое моделирование собственного движения представляет собой производство *прибавочного* усилия, т. е. превышающего органическую нужду. Это усилие и вписывает других субъектов в форму *самой потребности* индивида.

Совершая это всеобщим (=мыслящим) образом относящее к другим людям усилие, ребенок начинает жить как автономная субъективность – и сразу как творческая: ему приходится быть воплощенным противоречием единичного и всеобщего, и, разрешая его, постоянно выходить за свои пределы, производя полноту условий своего бытия полаганием предметов своей потребности сообразно их «собственной мере, а не сообразно мере *своей* видовой физиологии»²⁵.

²³ Ильенков Э.В. К разговору о Мещерякове // Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ, 2009. С. 98.

²⁴ Там же.

²⁵ Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М.: ИПЛ, 1968. С. 247.

Здесь происходит «не “развитие”, в смысле усложнения или усовершенствования животного способа удовлетворения органической нужды, а *замена* этого способа на *обратный*»²⁶, и эта замена

- 1) требует особого тела, способного к бесконечному диапазону движения, чем исключается всякая природная заданность форм этого движения, от природы требуется только универсальная пластичность – беспомощность, которую природа нам и предоставила;
- 2) не является *реверсивным* обучением. Отрицаемое здесь живое не остается где-то позади, обучаемый непременно должен остаться живым, постоянно сохранять возможность повести себя иначе – потенцию, которая внутри любого человеческого паттерна существования, если она положена изолированно, становится *злом*, но в сопряжении со своей противоположностью образует момент свободы или прибавочного усилия, избытка над природой. Поэтому нейросеть – неживая – мыслить в собственном смысле не может. Существенно здесь именно то, что она неживая, а не бестелесная: любая социотехническая сеть, как показал Б. Латур²⁷, имеет привязку к материи, связанную с этим стоимостью и т. д.
- 3) является источником нравственности. Нравственность коренится не в моей *природной* уникальности, как кажется Меншу, а в моей способности превозмочь мой природный эгоизм и дать пространство другому, которой именно научаются, проходя, как говаривал Сократ, «через ворота противоречия».

Заключение

Таким образом, движение в противоречии оказывается принципом мышления и критерием его наличия. Противоречие – это орудие слома природного эгоизма и насаждения неэгоистических, т. е. неприродных, потребностей, в природе как таковой не возникающих. Человеческое мышление вне человеческой коммуникации невозможно, оно предполагает множественность и взаимное признание, а не выпадение из коммуникации в некий род «одио-

²⁶ Ильенков Э.В. К разговору о Мещерякове. С. 99.

²⁷ См.: Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге. СПб., 2006.

чества душевной жизни»²⁸. И, как совместное действие, существует оно первоначально вне отдельного существа (которое исходно даже индивидом еще не является). Позволяя ему выжить, этот «ансамбль общественных отношений» (Маркс) делает человеческого индивида больше, чем индивидом, – *homo apertus*²⁹, существом, которое открыто другим, для которого другие существуют, и потому является всеобщим.

Отсюда мышление в собственном смысле – феномен не естественный, а всегда искусственный, точнее, исторический. В качестве такового он и был всегда исконной проблемой философии.

Технология же ИИ – это одна из его проекций, или объективаций, т. е. такой коллективный, всеобщий, продукт, который, подобно любой машине (государственной, военной и т. п.), спроектирован для присвоения *одним* субъектом, условным Cogito (или группой, где множество воли делегировали себя *одному*). Как таковая, машина потенциально является орудием схизмогенеза, или монополизации социального могущества, орудием господства. Оттого, что ИИ построен как сеть, т. е. гибрид в латуровском смысле, он, вопреки уверениям Б. Латура, не перестает нести в себе возможности «предательства», т. е. превращения в инструмент приватизации/ делегирования в одну или немногие привилегированные головы – жизненных шансов других субъектов.

Поэтому вопрос, который должен волновать нас в связи с ИИ и на который не дал ответа и Загорский эксперимент, – это вопрос *не* о том, как человеку *удержать* за собой господство, а о том, как *избежать* господства и ведущего к нему схизмогенеза в качестве паттерна взаимодействия и удержать горизонтальное распределение жизненных шансов в обществе, при котором только и возможно направить развертывание *Db* на продуктивный путь.

Источники

Аристотель. Политика // Аристотель. Соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Бейтсон Г. Экология разума: Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М.: Смысл, 2000. 476 с.

²⁸ Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический проект, 2024. С. 52.

²⁹ Elias N. What is Sociology? New York: Columbia University Press, 2012. P. 124.

- Гегель Г.В.Ф. Наука логики // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. Т. 1. М.: Мысль, 1974. 452 с.
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Гуссерль Э. Логические исследования. Т. II. Ч. 1: Исследования по феноменологии и теории познания. М.: Академический Проект, 2024. 660 с.
- Ильенков Э.В. К разговору о Мещерякове // Ильенков Э.В. Школа должна учить мыслить. М.: МПСИ, 2009. С. 95–106
- Ильенков Э.В. Об идолах и идеалах. М.: ИПЛ, 1968. 319 с.
- Ильенков Э.В. Откуда берется ум? // Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: ИПЛ, 1991. С. 30–43.
- Латур Б. Нового времени не было. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2006. 240 с.
- Маритэн Ж. Краткий очерк о существовании и существующем // Проблема человека в западной философии. М.: Прогресс, 1988. С. 229–260.
- Хайдеггер М. Что зовется мышлением? М.: Территория будущего, 2006. 320 с.
- Elias N. What is Sociology? New York, Columbia University Press, 2012. 187 p.

Литература

- Alemohammad et al. 2024 – Sina Alemohammad, Josue Casco-Rodriguez, Lorenzo Luzi, Ahmed Imtiaz Humayun, Hossein Babaei, Daniel LeJeune, Ali Siahkoochi, Richard G. Baraniuk. Self-Consuming Generative Models Go MAD // arXiv:2307.01850 [computer science LG]. URL: <https://arxiv.org/abs/2307.01850> (дата обращения 20 июня 2024).
- Denning, Rouse 2004 – Denning P.J. and Rouse B.S. Can Machines Be in Language? // Communications of the ACM. 2004. Vol. 67. № 3. P. 32–35.
- Harrison Dupre 2023 – Harrison Dupre, Maggie. When AI Is Trained on AI-Generated Data, Strange Things Start to Happen // Futurism. 2023. Aug. 2. URL: <https://futurism.com/ai-trained-ai-generated-data-interview> (дата обращения 20 июня 2024).
- Lemoine 2022 – Blake Lemoine. Is LaMDA Sentient? an Interview. URL: <https://cajundiscordian.medium.com/is-lamda-sentient-an-interview-ea64d916d917> (дата обращения 20 июня 2024).
- Mensch 2024 – Mensch J. Artificial versus Natural Intelligence. URL: https://www.academia.edu/113290430/Artificial_versus_Natural_Intelligence (дата обращения 20 июня 2024).

References

- Blake Lemoine (2022), *Is LaMDA Sentiment? an Interview*, available at: <https://cajundiscordian.medium.com/is-lamda-sentient-an-interview-ea64d916d917> (Accessed 20 June 2024).

- Denning P.J., and Rouse B.S. (2004), "Can Machines Be in Language?", *Communications of the ACM*, vol. 67, no. 3, pp. 32–35.
- Harrison Dupre, Maggie (2023), "When AI Is Trained on AI-Generated Data, Strange Things Start to Happen", *Futurism*, Aug. 2, 2023, available at: <https://futurism.com/ai-trained-ai-generated-data-interview> (Accessed 20 June 2024).
- Mensch J. (2024), *Artificial versus Natural Intelligence*, available at: https://www.academia.edu/113290430/Artificial_versus_Natural_Intelligence (Accessed 20 June 2024).
- Sina Alemohammad, Josue Casco-Rodriguez, Lorenzo Luzi, Ahmed Imtiaz Humayun, Hossein Babaei, Daniel LeJeune, Ali Siahkoobi, Richard G. Baraniuk (2024), "Self-Consuming Generative Models Go MAD", *37th Conference on Neural Information Processing Systems (NeurIPS 2023)*. *arXiv:2307.01850 [computer science LG]*, available at: <https://arxiv.org/abs/2307.01850> (Accessed 20 June 2024).

Информация об авторе

Ольга Ф. Иващук, доктор философских наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и госслужбы при Президенте РФ, Москва, Россия; 119571, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 82–84, строение 2; ofi@list.ru

Information about the author

Olga F. Ivashchuk, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia; bldg. 2, bld. 82–84, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119571; ofi@list.ru

Философско-антропологическое осмысление гибридного интеллекта

Елена В. Чапны

*Южный федеральный университет
Ростов-на-Дону, Россия, elena_chapny@mail.ru*

Аннотация. В статье через призму философской антропологии актуализируются понятия «Общий искусственный интеллект» (ОИИ, AGI), «гибридный (биогибридный) интеллект», «природа человека», а также многолетние споры вокруг них. Раскрывается проблема «денатурализации» телесного и ментального в человеке. Осмысливается специфика современных исследований естественного и искусственного интеллектов в зеркале нейронауки. Отмечается, что отличительной чертой основных направлений изучения сознания и мозга человека при попытке создания ОИИ, гибридного (биогибридного) интеллекта является телесно-ориентированный подход и применение нейроинтерфейсов. Интерфейсы «мозг–компьютер» и «мозг–мозг» представлены в качестве принципиально новых каналов коммуникации и управления, которые могут обеспечить интеграцию мозга человека с информационными устройствами при создании гибридных и биогибридных интеллектуальных систем. В качестве одного из перспективных направлений в развитии философско-антропологических исследований предлагается осмысление перспектив и рисков развития гибридного интеллекта. При этом отмечается, что на развитие современных направлений изучения гибридного интеллекта существенное влияние оказывают нейронауки. Подчеркивается совместный и взаимодополняющий характер взаимодействия естественного и искусственного интеллектов, указывается на потенциал синергии при эффективном сочетании этих двух форм интеллекта, не забывая об этических последствиях и обеспечивая подготовку человека к трансформационным изменениям.

Ключевые слова: философская антропология, Общий искусственный интеллект, гибридный интеллект, природа человека, «самость», нейроинтерфейсы, телесно-ориентированный подход, биогибридные системы, когнитивные процессы

Для цитирования: Чапны Е.В. Философско-антропологическое осмысление гибридного интеллекта // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 24–37. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-24-37

Philosophical and anthropology understanding of Hybrid Intelligence

Elena V. Chapny

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

elena_chapny@mail.ru

Abstract. Through the prism of philosophical anthropology, the article updates the concepts of Artificial General Intelligence (AGI), Hybrid (Bio-hybrid) Intelligence, human nature, as well as long-term disputes around them. The issue of denaturalization of the bodily and mental in a person is revealed. The specifics of modern research on natural and artificial intelligence in the mirror of neuroscience are being comprehended. It is noted that a distinctive feature of the main directions for studying human consciousness and brain when trying to create AGI, Hybrid (Bio-hybrid) Intelligence is a Body-oriented approach using neurointerfaces. The “Brain-Computer” and “Brain-to-Brain” Interfaces are presented as fundamentally new communication and control channels that can ensure the integration of the human brain with information devices when creating hybrid and Bio-hybrid Intelligent Systems. As one of the promising directions in the development of philosophical and anthropological research, it is proposed to comprehend the prospects and risks of the development of hybrid intelligence. At the same time, it is noted that the development of modern areas of Hybrid Intelligence research is significantly influenced by neuroscience. The joint and complementary nature of the interaction of natural and AGI is emphasized, pointing to the potential for synergy when these two forms of intelligence are effectively combined, without forgetting the ethical consequences and ensuring that a person is prepared for the transformational changes.

Keywords: philosophical anthropology, Artificial General Intelligence, Hybrid Intelligence, human nature, neurointerfaces, Body-oriented approach, Bio-hybrid Systems, cognitive processes

For citation: Chapny, H.V. (2025), “Philosophical and anthropology understanding of Hybrid Intelligence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 24–37, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-24-37

Современное общество находится в состоянии глубокой антропотехнологической трансформации. Техногенная цивилизация, порожденная наукой и технологиями, подвела человечество к антропологическому кризису. В этой связи возрастает запрос на философско-антропологические исследования, способные дать адекватный ответ на вызовы современности. Вместе с этим, трансформационные процессы, связанные с нарастанием антропологического кризиса, требуют комплексного подхода к их изучению.

ческого кризиса, подводят нас к рассмотрению понятий «Общий искусственный интеллект» (ОИИ, AGI), дихотомии «искусственный-естественный» интеллект, «гибридный интеллект», «природа человека» и многолетним спорам вокруг этих понятий.

В этой связи возникает острая необходимость рассмотреть процессы, повлекшие за собой антропологический кризис, с позиции нейронауки, в том числе через осмысление понятия «природа человека». Под «природой человека» нами понимается комплекс устойчивых свойств, включая психологические (в том числе и негативные, такие как неумное потребление, невежество, эгоистическое своеволие, агрессия, потеря смысло-жизненных ориентиров и др.). Эти свойства человеческой природы являются характерными для массового сознания и присущи всем народам во все эпохи и при всех общественных устройствах. Под «биологическими предпосылками» мы понимаем

...не просто нейтральный фон социального бытия, это почва, на которой вырастала человеческая культура и вне которой невозможны были бы состояния человеческой духовности [Степин 2013, с. 19].

При этом давний вопрос о соотношении биологических и социальных оснований природы человека остается открыт. В настоящее время к нему добавляется проблема соотношения естественного и искусственного интеллектов.

Противники создания искусственного интеллекта (ИИ) в среде философов, психологов, биологов, социологов рассматривают «искусственное» как «рукотворное», как что-то противоположное «естественному». Нередко встречаются предположения о том, что если возникла необходимость создания искусственного интеллекта, значит что-то не так с естественным. В свою очередь, сторонники создания ИИ нередко моделируют агрессивный образ совершенного «творения», восставшего против несовершенного «творца». Не исключено, что подобное отношение к «рукотворному» субъекту связано с проявлением

...атавистического страха перед двойником, сохранившимся у нас от палеолита... Эти *человеческие* страхи, агрессивные настроения и их клинически превращенные формы могут представить большую опасность для цивилизации, чем мифическая антропофобия «электронного» интеллекта [Назаретян 2013, с. 336].

Возможно, что создание антропоморфных существ повлечет психологические проблемы, связанные с экзистенциальным осо-

знанием своей «никчемности» по сравнению с более совершенным «себе подобным».

Такого рода вопросы еще только предстоит осмыслить в рамках соответствующих разделов социогуманитарных наук. Вероятно, с развитием ИИ, ОИИ и гибридного интеллекта в ближайшем будущем ученым и философам придется переосмыслять такие фундаментальные философские проблемы как *искусственное и естественное, сознание и тело, смерть и бессмертие, ментальное и телесное* и др.

Драма вокруг дихотомии «искусственное – естественное» в некотором смысле обуславливает конфликт парадигм. Ряд ученых высказывают мнение, что «мышление, память, восприятия, ощущения современного человека суть давно уже явления искусственные» [Назаретян 2013, с. 337]. Можно предположить, что человеко-машинный симбиоз обусловлен социальной эволюцией, которая подготовила соответствующие предпосылки. В самой структуре материальных артефактов возрастало количество искусственных, рукотворных предметов: от первобытных ручных орудий-органопроекций до компьютерных файлов и облачных хранилищ. В этом смысле называть интеллект современного индивида «естественным» приходится с большими оговорками. Как справедливо отмечал Ю.А. Жданов:

Если человек не ликует и не сердится, не сомневается и не надеется, не горячится и не увлекается, не обливается слезами над вымыслом и не рвется в бесконечный мир мечты, фантазии и свободы, если не любит, не страдает и не радуется, не знает ни восторга, ни разочарования, ни вдохновения, то, видимо, интеллект его можно признать искусственным. Да и можно ли промоделировать страсть, создать алгоритм мыслящего сердца?¹

«Денатурализация» телесного и ментального в человеке происходит не одну сотню лет. Этот процесс в большей степени затрагивает сферу ментального, что подтверждается экспериментально. К примеру, Л.А. Венгер еще 40 лет назад отмечал: «Опосредованный характер носят не только сложные, но и традиционно считавшиеся элементарными психические процессы» [Венгер 1981, с. 42]. В авторском контексте все психические акты детерминированы социальными связями, выступая в качестве производной культуры. Поправке содержания подвержены также эмоциональные переживания. В этой связи продолжение «денатурализации» может привести к гибридным сочетаниям интеллектуальных процессов и вещественного носителя.

¹ Жданов Ю.А. Мимолетности. Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999. С. 83.

Следует признать, что проекты человеко-машинного симбиоза теоретически возможны в силу принципа *изофункционализма* систем², который был сформулирован еще А. Тьюрингом. В настоящее время сторонники трансгуманизма ведут многочисленные исследования в данном направлении. Однако известна и другая точка зрения: согласно гипотезе Р. Пенроуза, функционирование мозга, психики и сознания связано с квантово-гравитационными эффектами в нейронах, которые не могут быть формализованы. Р. Пенроуз утверждал невозможность интеграции «искусственного» и «естественного». По его мнению, ИИ, который будет независим от белкового носителя, в принципе невозможен.

Интерес представляет тот факт, что современная нейрофизиология также не отрицает наличия «искусственных» пластов человеческой «самости» («Я»). Например, в исследовании формирования психики, наделенной сознанием, А. Дамасио утверждает, что в ходе эволюционного развития организма человека формируются чувства, которые реагируют на изменяющиеся потребности мозга. Органы чувств и мозг в результате взаимодействия устанавливают некоторые приоритеты. Это позволяет организму эволюционировать до стадии, когда человек становится способен осознавать себя и свое место в мире. Именно этот процесс, согласно Дамасио, приводит к возникновению самосознания («самости», «Я») и мозга, каким мы его знаем. Таким образом, в работах Дамасио именно «самость» имеет решающее значение в формировании психики:

В рассуждении о наделенной сознанием психике я отдаю приоритет человеческому «я», самости. Я убежден, что наделенная сознанием психика возникает тогда, когда к базовым психическим процессам добавляется процесс самости. Психика, лишенная самости, строго говоря, не обладает сознанием [Дамасио 2018, с. 42].

Таким образом, «самость» – достоверный помощник в деле познания психики. Некоторые аспекты «самости», с помощью которых человек интерпретирует окружающий мир и себя, продолжают развиваться на культурном и биологическом уровнях.

«Самость» представлена А. Дамасио в двух ракурсах.

Во-первых, это позиция наблюдателя, изучающего динамический объект. Такой объект включает психическую деятельность и определенные свойства поведения и обозначается «я-как-объект».

² Принцип изофункционализма – возможность реализации какой-либо функции на различных по своим физическим свойствам субстратах.

Во-вторых, это

...позиция «я-как-носителя-знания» – процесс, который является центром всего нашего опыта и, в конце концов, дает возможность этот опыт осмыслить [Дамасио 2018, с. 20–21].

По объему «я-как-носитель-знания» шире «я-как-объект».
«Я-как-объект» –

...динамическая совокупность интегрированных невральных процессов, ориентированная на репрезентацию живого организма и находящая свое выражение в динамической совокупности интегрированных ментальных процессов.

Существование «я-как-носитель-знания» становится

...поворотным моментом биологической эволюции. Он нахлобучен на «я-как-объект» сверху, и новый уровень нейронных процессов становится причиной появления еще одного уровня ментального. «Я-как-объект» и «Я-как-носитель-знания» не противоположны друг другу – скорее они представляют собой единую протяженность и развитие. «Я-как-носитель-знания» вырастает из «я-как-объекта» [Дамасио 2018, с. 22].

Отмечается, что «я-как-носитель-знания» выявить сложнее. Однако роль этого уровня «самости» в функционировании сознания крайне велика. Верхние слои «я» («я-как-носитель-знания») испытывают влияние социокультурных практик, а также СМИ, новостных лент, социальных сетей и т. д. Этот тезис Дамасио, на наш взгляд, подтверждает наличие «искусственного» элемента в структуре «самости». Мозг функционирует под воздействием «самости», которая, в свою очередь, предопределяет «доступный спектр» мыслей, которыми мы «жонглируем». Как следствие, возникают вопросы относительно свободы воли и способности суждений.

Именно эти проблемные вопросы в очередной раз отсылают к «трудной» проблеме сознания, сформулированной Д. Чалмерсом. Согласно Дамасио, «трудная» проблема сознания является биологически необоснованной. Чалмерс, как известно, полагает, что трудная проблема сознания заключается в выяснении того, почему и как мы имеем квалиа и феноменальный опыт. Однако, по мнению Дамасио, даже если удастся решить этот вопрос, трудная проблема сохранится, несмотря на объяснение механизма выполнения всех функций. В противовес этому пути Дамасио предположил, что масса нейронов в мозге не генерирует психику, наделенную сознанием. Она совмещается с процессом существования клеток, образующих

живую ткань. Отметим отрицательное отношение Дамасио к идее переноса сознания на электронный носитель. Он категорически отвергает идею автономии сознания и сравнивает этот процесс с ограниченной передачей одних только данных, полученных от рецепторов, на электронное устройство. Подобная электронная «реинкарнация» может повлечь смену телесных механизмов ощущений, эмоций и чувств. Это, в свою очередь, приведет к такому перерождению личности, которое не будет иметь ничего общего с оригиналом. Для создания ОИИ и робототехники, согласно Дамасио, необходимо включение элементов телесных ощущений и чувств, что может улучшить качество и эффективность реакций и сделать поведение робота более «разумным».

Вместе с этим в естественных науках в настоящее время наблюдаются две тенденции. Первая связана с изменением человеческого тела путем вживления различных «усилителей» естественных (природных) человеческих способностей. Другая тенденция характеризует стремление человека к созданию антропоморфных искусственных интеллектуальных систем. Согласно А.П. Назаретяну,

...встречное развитие двух тенденций – денатурализация человеческого тела (и интеллекта) и «одушевление» вторичных информационных систем – с перспективой продуктивного симбиоза могло бы означать переход Мегаистории в новую, «постчеловеческую» стадию [Назаретян 2013, с. 340].

Речь идет о возможном переходе к качественно новому этапу человеческого существования.

Отметим, что исследования естественного и искусственного интеллектов в настоящее время реализуются в условиях создания Общего искусственного интеллекта (ОИИ, Artificial General Intelligence, AGI). Для А. Оливейра это означает возможность возникновения «цифрового разума», «гибридного интеллекта» [Оливейра 2022] как части гомеостатической силы биологической эволюции в условиях, когда ОИИ по своим функциям приближается к естественному интеллекту. Ведущие научные центры Западной Европы и России вступают на путь конкуренции. Наша страна нуждается в прорыве в области изучения искусственного интеллекта. Высказываются мнения, что возможность осуществления такого прорыва может состоять в методологическом подходе,

...требующем учета и использования результатов исследования сознания, которые выносились за скобки в классической методологии А. Тьюринга [Дубровский 2022, с. 85].

К разработкам ОИИ и гибридного интеллекта привлекаются исследователи, работающие в междисциплинарной области, включающей в себя философию, этику, медицину, компьютерные и нейронауки. К основным областям изучения человеческого мозга и сознания относятся: «чтение мозга», исследование зеркальных нейронов; изучение «самости»; нейроинтерфейсы и др. Среди отечественных ученых отметим разработку «биологоподобного ИИ» К.В. Анохина [Анохин 2021], а также изучение функций «объемлющей характеристики» В.Я. и А.В. Сергиных [Сергин 2022]. Большое значение приобретают достижения нейронауки в *визуализации* [Оливейра 2022] мозговых процессов и методе *картирования* [Damasio 2003]. Среди западных ученых, обращающихся к изучению «Я», «самости» и «мозговых карт», отметим исследования А. Дамасио, К. Коха, Д. Матюшкина, В. Рамачандрана, Дж. Тонони, К. Фрита, Дж. Эдельмана и других.

В естественных науках под гибридными интеллектуальными системами, как правило, понимаются биогбридные системы с использованием преимущественно инвазивных устройств (мозговых интерфейсов). В то же время в рамках гуманитарной парадигмы осмысление гибридных интеллектуальных систем представлено гораздо шире и включает использование любых средств ИИ при коллективной интеллектуальной и творческой деятельности человека и машины (например, использование нейронных сетей при переводе текстов, использование генеративного ИИ и пр.).

Отличительной чертой основных направлений изучения психики, сознания и мозга человека при попытке создания ОИИ, гибридного интеллекта является телоориентированность. Возникновение телесно-ориентированного подхода к познанию мозга и сознания связано с такими именами, как Ф. Варела, У. Матурана, Ж. Фальконер, М. Тернер, Х. Ортега-и-Гассет, Дж. Сэнтаяна, А. Дамасио, К. Фрита, Мигель де Унамуно, Дж. Лакофф, М. Джонсон и другими³.

³ См. подробнее *Varela F., Thompson E. The Embodied Mind. Cognitive Science and Human Experience. Cambridge (MA): MIT Press, 1991. 328 p.; Матурана У.Р., Варела Ф.Х. Древо познания. Биологические корни человеческого понимания. М.: Прогресс-Традиция, 2001; Johnson M. The Meaning of the Body: Aesthetics of Human Understanding. University of Chicago Press, 2008. 307 p.; Maturana H.R. Self-consciousness: How? When? Where? // Constructivist Foundations. 2006. Vol. 1. № 3; Noe A. Out of our Heads: Why You are Not Your Brain, and Other Lessons from the Biology of Cognition. Farrar, Straus & Giroux, 2010; Johnson M., Lakoff G. Philosophy in the Flesh: The Embodied Mind and Its Challenge to Western Thought. Basic Books, 1999. 624 p.; Thompson E. Mind in Life. Biology, Phenomenology and the Sciences of Mind. Cambridge (MA): Harvard University Press, 2007.*

Этот подход дает возможность исследовать телесную детерминацию мозга, сознания, психики и когнитивных процессов с привлечением инструментов нейронаук, с учетом разработок в области нейроинтерфейсов.

Многими научными коллективами в нашей стране и за рубежом ведутся исследования, которые связывают зарегистрированную биоэлектрическую активность мозга с мысленными движениями и внутренней речью. Для этого применяется метод электроэнцефалографии, благодаря которому удается установить связь между идеомоторным актом и регистрируемой ЭЭГ, что используется в качестве управляющей команды в контуре стимулнезависимого интерфейса «мозг–компьютер» (ИМК)⁴. На сегодняшний день были получены данные, свидетельствующие о том, что в качестве команд можно использовать «мысленные слова», причем каждое из них формирует устойчивую карту активности. Указанное направление получило название Brain-Computer Interfaces (BCI) или интерфейсы «мозг–компьютер» (ИМК). Технологии ИМК можно рассматривать в качестве основы для формирования систем гибридного (биогибридного) интеллекта.

Помимо интерфейсов, связывающих в единый контур естественный интеллект и машину, в настоящее время активно разрабатываются интерфейсы «мозг–мозг» (ИММ), что потребовало (наряду с разработкой технологий трансформации паттернов активности мозга в команды и сообщения) разработки методов и средств «доставки» паттернов в другой мозг. Известно, что наиболее полно информационные процессы мозга, лежащие в основе психических процессов и поведения, отражаются в импульсной активности нейронов и их функциональных групп (нейронных ансамблей), избирательные воздействия на которые может обеспечивать требуемые психические и поведенческие эффекты.

Наряду с этим, создание полноценного канала «мозг–мозг» требует разработки принципиально новой знаковой системы, способной обеспечить обмен информацией (мыслями, смыслами, командами) между людьми посредством использования «алфавитов», представляющих собой паттерны активности мозга и субъективные ощущения от эффектов стимуляции структур мозга. Учитывая, что даже лучшие из существующих в настоящее время ИМК-системы способны обеспечить формирование управляю-

⁴ Подробнее об этом исследовании см.: *Кирой В.Н., Шапошников Д.Г.* и др. Методы поиска структурных особенностей ЭЭГ для стимулнезависимой модели интерфейса «мозг–компьютер». Ростов н/Д.: ЮФУ, 2022. 138 с.

щих импульсов со скоростью не более нескольких команд в минуту, переход к реальному времени потребует не только расширения «алфавита», но и использования более адекватного для человека способа общения посредством указанных паттернов, формируемых в процессе реализации мышления с использованием внутренней речи. Этот обмен может осуществляться со скоростью внутренней естественной речи, символами (командами) в которой могут стать значимые для человека слова, воспроизведение которых вызывает непроизвольное формирование специфических (для каждого слова) образов-ассоциаций и соответствующих паттернов активности мозга.

По мнению разработчиков мозговых интерфейсов, сопряжение мозга одного человека с мозгом другого, основанное на технологии ИММ, может быть успешно использовано для коммуникации, обучения, управления и даже совместного решения задач. Более того, эта технология открывает принципиально новые возможности для невербальной коммуникации и управления, совершенствования психических функций человека и развития его интеллектуального потенциала, а, по существу, может стать основой небиологической эволюции мозга человека.

Как правило, в ИММ специфический контент извлекается из сигналов головного мозга «отправителя», оцифровывается и перекодируется в сообщения, транслируемые в мозг «получателя». При широких возможностях, которые открываются в связи с использованием технологии и систем ИММ, существуют известные ограничения в связи с инвазивностью технологий регистрации и стимулирования отдельных нейронов и их локальных функциональных групп, наиболее эффективных в таких системах. Большинство разрабатываемых в настоящее время ИММ основаны на использовании метода электроэнцефалографии (ЭЭГ) для идентификации паттернов активности мозга «отправителя» и транскраниальной магнитной стимуляции для передачи информации в мозг «получателя».

Предложен подход к взаимодействию одного мозга с другим, объединяя прямой интерфейс «мозг-мозг» и мышечно-мышечный интерфейс на основе электромиограммы и функциональной электрической стимуляции мышц в схеме с замкнутым контуром. В этой системе «искусственные» пути (потoki данных) функционально соединяют «естественные» пути (нервы и мышцы). Намерения одного субъекта (отправителя) распознаются с использованием метода ЭЭГ на основе технологии ИМК и транслируются в мозг другого с использованием транскраниальной магнитной стимуляции, вызывающей движение руки.

Несмотря на широкий спектр естественнонаучных трудов, посвященных осмыслению роли нейроинтерфейсов в разработке гибридного (биогибридного) интеллекта через призму дихотомии естественного и искусственного, в настоящее время, на наш взгляд, представляется особенно актуальным изучение этих явлений с позиций философской антропологии. Более того, крайне важной является совместная работа философов и нейрофизиологов. Примером таких совместных исследований служит реализация ряда проектов лаборатории «Нейроинтерфейсы», действующей на базе НИТЦ Нейротехнологий ЮФУ. Они были посвящены разработке интерфейсов «мозг–компьютер» и «мозг–мозг» для создания новых каналов коммуникации между людьми и управления биологическими объектами. Благодаря участию в ней философов, эта совместная работа позволила актуализировать вопрос комплексного и глубинного рассмотрения гибридных интеллектуальных систем через призму отелесненного познания [Боков и др. 2024].

Различные гибридные интеллектуальные системы все более активно применяются в повседневной жизни людей, в сфере образования, здравоохранения, наукоемких производствах и т. д. Однако на сегодняшний день в нашей стране недостаточно развита практика этической и нормативно-правовой экспертизы систем на основе гибридного интеллекта. В ходе такой работы необходимо учитывать различные философские интерпретации результатов естественнонаучных разработок в области гибридных интеллектуальных систем. В этой связи представляется необходимым и своевременным объединение ученых естественнонаучного и гуманитарного профиля вокруг изучения гибридного интеллекта.

Заключение

Гибридный интеллект представляет собой новый рубеж, где человеческий и искусственный интеллекты объединяются для создания немислимых ранее возможностей за счет интеграции сильных сторон естественного и искусственного интеллектов. Человеческая цивилизация ранее не сталкивалась с подобными явлениями. Такая интеграция наглядно представлена в гибридных (биогибридных) интеллектуальных системах на основе нейроинтерфейсов.

Основной вектор развития современных направлений изучения гибридного интеллекта как в естественных, так и в социогуманитарных науках испытывает существенное влияние нейронаук. Высокую эффективность в указанных исследованиях демонстрирует

применение телесно-ориентированного подхода и исследование нейроинтерфейсов.

Важно отметить, что объединение усилий ученых естественно-научного и гуманитарного спектров вокруг осмысления гибридного (биогибридного) интеллекта может способствовать трансдисциплинарному взаимодействию, а также детальной разработке новых нестандартных подходов и методов, способных привести к уникальным результатам исследований.

Литература

- Анохин 2021 – *Анохин К.В.* Когнитом: в поисках фундаментальной нейронаучной теории сознания // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2021. Т. 71. № 1. С. 39–71.
- Боков и др. 2024 – *Боков Г.Е., Чапны Е.В., Шапошников П.Д.* Интерфейсы «мозг–компьютер» и «мозг–мозг» в структуре конвергирующих технологий (на основе экспериментальных данных НИТЦ нейротехнологий ЮФУ) // Философия науки и техники. 2024. Т. 29. № 1. С. 34–47. DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-34-47.
- Венгер 1981 – *Венгер Л.А.* К проблеме формирования высших психических функций // Научное творчество Л.С. Выгодского и современная психология. М.: ИОПП, 1981.
- Дамасио 2018 – *Дамасио А.* Так начинается «я». Мозг и возникновение сознания / Пер с англ. И. Ющенко. М.: Карьера-Пресс, 2018.
- Дубровский 2022 – *Дубровский Д.И.* Значение нейронных исследований сознания для разработки общего искусственного интеллекта (методологические вопросы) // Вопросы философии. 2022. № 2. С. 83–93. DOI: 10.21146/0042-8744-2022-2-83-93.
- Назаретян 2013 – *Назаретян А.П.* Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. М.: Издательство МБА, 2013.
- Оливейра 2022 – *Оливейра А.* Цифровой разум: как наука меняет человечество / Пер. с англ. К. Чистопольской. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2022. 448 с.
- Сергин 2022 – *Сергин В.Я., Сергин А.В.* Иерархическая модель восприятия без комбинаторного взрыва // Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова. 2022. Т. 69. № 5. С. 633–658.
- Степин 2013 – *Степин В.С.* Перелом в цивилизационном развитии. Точки роста новых ценностей // Глобальное будущее 2045: Конвергентные технологии (НБИКС) и трансгуманистическая эволюция. М., 2013. С. 10–25.
- Damasio 2003 – *Damasio A.* Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain. Harcourt, Inc., 2003.

References

- Anokhin, K.V. (2021), "Cognitome: in search of a fundamental neuroscientific theory of consciousness", *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, vol. 71, no. 1, pp. 39–71.
- Bokov, G.E., Chapny, E.V. and Shaposhnikov, P.D. (2024), "Brain-Computer Interfaces (BCI) and Brain-to-Brain Interface (BBI) in the structure of NBIC-technologies (based on experimental data from the Research Center of Neurotechnologies, South Federal University)", *Philosophy of Science and Technology*, vol. 29, no. 1, pp. 34–47, DOI: 10.21146/2413-9084-2024-29-1-34-47.
- Damasio, A. (2003), *Looking for Spinoza: Joy, Sorrow, and the Feeling Brain*, Harcourt, Inc.
- Damasio, A. (2018), *Self Comes to Mind. Constructing the conscious brain*, Pantheon Books, New York, USA.
- Dubrovsky, D.I. (2022), "The importance of neuroscientific research of consciousness for the development of general artificial intelligence (methodological issues)", *Voprosy filosofii*, no. 2, pp. 83–93, DOI: 10.21146/0042-8744-2022-2-83-93.
- Nazaretyan, A.P. (2013), *Nelineinoye budushchee. Megaistoricheskie, sinergeticheskie i kul'turno-psikhologicheskie predposylki global'nogo prognozirovaniya* [A non-linear future. Mega-historical, synergetic and cultural-psychological prerequisites for global forecasting], Izdatel'stvo MBA, Moscow, Russia.
- Oliveira, A. (2022), *Tsifrovoy razum: kak nauka menyaet chelovechestvo* [The Digital mind. How Science Is redefining Humanity], Izdatelskii dom "Delo", RANKhiGS, Moscow, Russia.
- Sergin, V.Ya. and Sergin, A.V. (2022), "Hierarchical model of perception without combinatorial explosion", *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, vol. 69, no. 5, pp. 633–658.
- Stepin, V.S. (2013), "A turning point in civilizational development. Points of growth of new values", *Global'noye budushchee 2045. Konvergentnyye tekhnologii (NBICS) i transgumanisticheskaya evolyutsiya* [Global Future 2045. Convergent Technologies (NBICS) and Transhumanist Evolution], Moscow, Russia.
- Venger, L.A. (1981), "On the issue of the formation of higher mental functions", *Nauchnoye tvorchestvo L.S. Vygodskogo i sovremennaya psikhologiya* [Scientific work of L.S. Vygodsky and modern psychology], IOPP, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена В. Чапны, кандидат философских наук, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия; 344004, Россия, Ростов-на-Дону, ул. Б. Садовая, д. 105; elena_chapny@mail.ru

Information about the author

Elena V. Chapny, Cand. of Sci. (Philosophy), Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia; bld. 105, B. Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Russia, 344004; elena_chapny@mail.ru

УДК 141.5:004.8

DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-38-49

Свобода воли и искусственный интеллект

Оксана В. Черкашина

Московский государственный университет

имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,

Ch.O.Logic@zohomail.com

Аннотация. В статье исследованы некоторые вопросы обладания свободой воли в связи с возможностями так называемого искусственного интеллекта (ИИ). Для этого рассмотрены различные подходы к пониманию свободы воли, представленные в современной аналитической философии сознания, и в контексте каждого из этих подходов поставлены и, где это оказалось возможным, решены вопросы о том, может ли ИИ обладать свободой воли в том смысле, в котором это понимается при данном подходе; может ли ИИ влиять на то, в какой мере обладают свободой воли (в соответствующем смысле) люди. Кроме того, рассмотрены некоторые опасения, связанные с идеей обладания ИИ свободой воли.

Ключевые слова: свобода воли, обладание свободой воли, свобода выбора, свобода действия, искусственный интеллект, ИИ, последствия использования

Для цитирования: Черкашина О.В. Свобода воли и искусственный интеллект // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 38–49. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-38-49

Free will and artificial intelligence

Oksana V. Cherkashina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,

Ch.O.Logic@zohomail.com

Abstract. The article studies three questions of having free will in relation to artificial intelligence (AI). Two of them are whether AI can have free will and whether AI can somehow influence the degree to which people have free will. In order to discuss and, where possible, solve these questions are considered different approaches that are presented in contemporary analytic

© Черкашина О.В., 2025

philosophy of consciousness to what should be understood by having free will. The third question addresses some of the main concerns related to the idea of AI having free will.

Keywords: free will, having free will, freedom of choice, freedom to act, artificial intelligence, AI, consequences of using

For citation: Cherkashina, O.V. (2025), "Free will and artificial intelligence", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 38–49, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-38-49

Введение

Рассмотрим два взаимосвязанных вопроса: может ли обладать свободой воли то, что принято называть «искусственным интеллектом» (ИИ); может ли ИИ влиять на то, в какой мере обладают свободой воли люди. Кроме того, обратимся к некоторым опасениям, связанным с идеей ИИ, который бы обладал свободой воли.

Для ответа на эти вопросы рассмотрим, что понимается под «ИИ» и дадим определение этому термину. Проанализируем различные подходы к пониманию свободы воли, принятые в современной аналитической философии сознания, и дадим соответствующие этим подходам определения термину «обладать свободой воли». Рассмотрим некоторые существующие и ожидаемые способы применения ИИ. Для каждого из представленных подходов к обладанию свободой воли исследуем возможность такого обладания для ИИ и выясним, может ли какое-либо применение ИИ влиять на то, в какой мере обладают свободой воли люди.

Мы не ставим задачи рассмотреть все или даже все основные из возможных применений ИИ, но только выяснить для каждого из подходов к обладанию свободой воли, существует ли хотя бы одно возможное применение ИИ, которое бы влияло на то, в какой мере обладают люди свободой воли в этом смысле.

Мы также не ставим задачи дать исчерпывающий обзор всех философских взглядов на проблемы свободы воли, но ограничимся наиболее распространенными в современной аналитической философии сознания взглядами, и их рассмотрим как результат абстрагирования – не как взгляды отдельных философов, но как имеющиеся в литературе подходы к проблеме. Чтобы не смешивать эту проблематику со связанными – и тоже очень обширными – вопросами о том, что такое воля субъекта и что такое свобода, и чтобы говорить только о том, что может иметь место, когда у субъекта свобода воли есть, мы вводим термин «обладание свободой

воли» и рассматриваем его, не разделяя на составляющие. В наши задачи не входит и выявление того, какое из пониманий «наиболее правильное», но только исследование поставленных вопросов с позиций каждого из представленных подходов.

Мы также рассмотрим некоторые из опасений, связанных с потенциальной возможностью для ИИ ставить цели, выбирать задачи, объекты и способы для достижения целей. Постараемся понять, что именно в подобной ситуации вызывает настороженность.

Основные понятия

Термин «искусственный интеллект» используется для обозначения области в науке; области в сфере технологий; свойств создаваемых систем; самих систем. В данном случае нас интересуют сами системы. В этом случае под «ИИ» можно понимать имитацию естественного интеллекта, которая делает то, что делает человек, когда мы признаем, что он мыслит; искусственную систему, которая рассуждает или ведет себя как человек или рационально¹.

Учитывая, что существуют различные подходы, требуется выбрать, какой или какие использовать. Для наших целей предпочтительно наиболее широкое понимание ИИ – искусственная система, которая рассуждает или ведет себя или подобно человеку, или («или» здесь нестрогое) рационально. Под «рациональным поведением» можно понимать как поведение, эффективно приводящее к достижению некоторой цели, так и соответствующее некоторым правилам, предназначенным обеспечить такую эффективность. При этом как цели, так и пути получения требуемого могут иметь разные источники. (Мы будем признавать рациональным поведение, отвечающее любому из названных двух требований.)

В отношении возможности для ИИ самостоятельно ставить цели и конструировать способы их достижения интересно отметить следующее. Виктор Константинович Финн перечисляет² тринадцать естественных интеллектуальных способностей, из ко-

¹ См., напр., *Bringsjord S., Govindarajulu N.S. Artificial Intelligence: The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edn.)* / Ed. by E.N. Zalta, Uri Nodelman (параграф 2). URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/artificial-intelligence/> (дата обращения 31 июля 2024).

² *Финн В.К.* Далеко не все функции естественного интеллекта могут быть формализованы и автоматизированы // Коммерсант. Наука. 2019. 23 дек. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4198609> (дата обращения 31 июля 2024). В.К. Финн упоминал, что давно сформулировал перечень

торых некоторые могут быть сейчас имитированы искусственными системами, другие – нет. Одна из способностей – «порождение последовательностей “цель-план-действие”», и она, по мнению В.К. Финна, должна реализовываться искусственными системами в интерактивном режиме во взаимодействии с человеком-пользователем (судя по контексту, только так она и может реализовываться, но буквально этого в статье не сказано).

Принятое нами широкое понимание ИИ все же не приводит к смещению ИИ и человека. Однако, как мы увидим далее, для целей настоящей работы такое смещение было бы некритично, поскольку разница в том, обладает ли свободой воли ИИ и человек, имеет место только для одного из рассматриваемых подходов к обладанию свободой воли (а именно, для третьего подхода – возможности принять решение, не обусловленное полностью внешними факторами), и даже тогда – предположительно. Но этот подход отличается от остальных как тем, что в отношении него вопрос об обладании свободой воли, возможно, вовсе недоступен для решения при помощи человеческого разума, так и тем, что для этого подхода может быть невозможно исследователю определить, кто является и кто не является человеком. Для всех остальных частей настоящей работы примем, что человеком считается тот, кого признают человеком уже признанные в качестве людей – при этом не запрещается пересечение множеств людей и носителей ИИ.

Под обладанием свободой воли в современной аналитической философии сознания понимаются (иногда без явных определений) разные состояния. Мы выделили [Черкашина 2015] четыре базовых подхода: встречающиеся в литературе разные понимания можно (во всяком случае в первом приближении) свести к одному из этих подходов или их комбинации. Это обладание возможностью действовать в согласии со сделанным выбором; обладание возможностью выбирать; обладание возможностью принять решение, не обусловленное полностью внешними факторами; ощущение обладания свободой воли (в одном из первых трех смыслов или некоторой их комбинации). Рассмотрим подробно каждый из этих подходов в приложении к поставленным вопросам: может ли ИИ обладать свободой воли в смысле, который термину «обладать свободой воли» придает выбранный подход, и может ли ИИ повлиять на то, обладают ли свободой воли в этом смысле люди.

естественных интеллектуальных способностей. К сожалению, нам не удалось найти среди многих его трудов те давние научные публикации, где это сделано. Другие исследователи, ссылаясь на этот перечень, тоже обращаются именно к интервью В.К. Финна – см., напр. [Остроумов 2021].

*Разные понимания термина
«обладать свободой воли» и ИИ*

1. Обладание возможностью действовать в согласии со сделанным выбором предполагает, что субъект имеет способности и ресурсы, необходимые для выбранного деяния (действия или бездействия), и что такое действие (или бездействие) позволяет ситуация. Пример: если выбор – «открыть дверь», то она должна быть не заперта. При этом был ли выбор именно этого действия, например, полностью предопределен, для данного подхода значения не имеет.

Обладание такой возможностью у ИИ – вопрос, скорее, технический. В принципе он может ею обладать.

Может ли ИИ влиять на то, обладает ли человек свободой воли в этом смысле? Ожидается, что ИИ мог бы научиться расшифровывать сигналы определенного мозга. Исследователи в этой сфере обращают внимание широкой публики не на риски утечки личной информации, а, в первую очередь, на заботу о людях, нуждающихся в медицинской помощи. Действительно, устройство, служащее посредником, например, между мозгом добровольца и роботом могло бы расширить физические возможности данного человека и позволить ему совершить действия, иначе физически недоступные ему. В этом смысле ИИ теоретически может расширить возможности человека действовать.

Однако в этом примере есть и другая сторона. Доброволец, сигналы мозга которого расшифровывал бы ИИ, нашел бы, вероятно, затруднительным скрывать те сигналы, о которых он не хотел бы сообщать посторонним. Более того, возможность такой расшифровки сигналов дала бы большие возможности для контроля со стороны и, потенциально, для ограничений в отношении людей.

Так, ожидаемое применение ИИ может и расширять, и ограничивать (в разных аспектах) возможность для человека действовать.

2. Обладание возможностью сделать выбор предполагает способность субъекта в какой-то мере воспринимать имеющуюся ситуацию и оценивать теоретически доступные варианты поведения в ней, а также остановиться на одном из теоретически доступных вариантов. При этом не имеет значения, например, действительно ли субъект может осуществить эти действия. (Например, он взвешивает варианты – выйти из комнаты или остаться, и решает остаться, не зная, что дверь заперта.) Кроме наличия у субъекта такой способности, обладание возможностью сделать выбор предполагает, что и сама ситуация позволяет субъекту рассматривать разные варианты поведения. Обладание

возможностью сделать выбор может быть в наличии в разной степени или отсутствовать.

Согласуется с самим определением, что ИИ получает некоторую информацию и как-то на нее реагирует, в том числе в ситуации, где ему предлагается выбор. Например, из двух предложенных вариантов он мог бы, в соответствии с программой, всегда выбирать первый. Это очень ограниченная, но все же возможность выбирать. Более сложный ИИ, способный, например, выдавать в разное время разные реакции на одну и ту же входящую информацию, обладает такой возможностью в смысле, более близком к нашему интуитивному представлению о свободе.

Итак, обладание свободой воли в этом смысле тоже, в той или иной степени, доступно для ИИ.

Может ли ИИ влиять на такого рода обладание свободой воли людьми?

Одним из применений ИИ уже сегодня является распознавание лиц и распознавание поведения. Сторонники подобного использования (например, представители технологических компаний) подчеркивают возможности для повышения уровня правомерного поведения в обществе. По их словам, люди, знающие, что за ними наблюдают, будут вести себя «лучше».

На наш взгляд, для объективности стоило бы рассмотреть и обратную тенденцию. Думается, что анонимное наблюдение за частной жизнью людей может повлечь, наоборот, снижение качества поведения. Более того, оно способно сильно влиять на восприятие людьми их отношения к обществу и государству. В долгосрочной перспективе оно может создавать дополнительное напряжение в отношении наблюдающих, не увеличивая общественную безопасность и спокойствие, а также не увеличивая доверия к технологическим компаниям. Думается, для того чтобы повысить правомерность и эффективность поведения, нужны, в первую очередь, положительная мотивация, укрепление правосознания, а для этого – уважение к личности.

Применение ИИ для разного рода контроля, на наш взгляд, не способствует возможности человека принимать решения, и, хотя не исключает ее целиком, может существенно ограничить, причем сфера, где она может оказаться ограничена, может расходиться с ожиданиями тех, кто эти технологии применил.

Другой пример применения ИИ, которое имеет отношение к возможности выбирать (и, в том числе, к нравственному выбору), – создание текстов и связанная с этим проблема генерации учебных и профессиональных текстов. Интересно отметить, что наличие легкого способа сделать, например, курсовую работу удовлетвори-

тельного качества, является соблазном. Появляются дополнительные варианты поведения. Впрочем, если эта возможность более доступна, чем «старомодные» способы избежать написания курсовой работы, то выбор не навредит собственному профессиональному росту, а провести исследование самому, может для конкретного студента стать субъективно недостижимым.

Так ИИ может и увеличивать возможности выбора для человека, и, напротив, уменьшать их. В нашу задачу не входит выяснение, чего больше несут такого рода технологии – поддержки или ограничения – но только выявление, способен ли ИИ в принципе влиять на обладание свободой воли людьми.

3. Обладание возможностью принять решение, не обусловленное полностью внешними факторами, достаточно трудно (если вообще возможно) мыслить непротиворечиво. Однако вера в такую возможность составляет важную часть мировоззрения, по крайней мере, в православии, где возможность выбора между добром и злом, не обусловленного ни воспитанием, ни образом жизни, ни сильными впечатлениями – ничем, что было бы внешним для человека – считается одной из особенностей именно человека. В этом контексте не являлась бы критичной даже невозможность непротиворечиво помыслить такую свободу, поскольку православие допускает, что существуют явления более высокие, чем то, что доступно человеческому разуму. (Насколько нам известно, даже в рамках христианства такой подход к возможностям человеческого разума не универсален.) Итак, даже будучи, предположительно, внутренне противоречивой, эта концепция обсуждается и имеет сторонников.

Однако упоминания такого рода свободы встречаются в философии и вне религиозного контекста, как и попытки все-таки помыслить ее (обсуждение в контексте аналитической философии сознания см., напр. [Fischer et al. 2007, pp. 22 ff.]).

Говоря о возможности принять решение, не обусловленное полностью внешними факторами, мы имеем в виду следующие понятия [Черкашина 2015, с. 90]:

А. Решение обусловлено полностью определенным фактором (или группой факторов) f , если без f оно было бы другим, и для любого из всех остальных факторов, потенциально связанных с решением, и для каждой из возможных комбинаций этих остальных факторов верно, что без них, но с сохранением f , решение было бы прежним.

В. Фактор может быть назван внешним (ВФ) для субъекта (или объекта), если:

- 1) он не исходит от рассматриваемого субъекта (или объекта) – это «ВФ первой ступени»;

- 2) фактор исходит от этого субъекта (или объекта), но обусловлен полностью:
 - а) факторами, которые сами не исходят от рассматриваемого субъекта (или объекта), – можно назвать эти факторы «ВФ второй ступени»;
 - б) факторами, которые исходят от рассматриваемого субъекта (или объекта), но сами обусловлены полностью ВФ более высоких ступеней. (Номер ступени показывает, на какое количество факторов внешнее влияние отстоит от данного акта выбора.)

Сложность здесь следующая. Если решение не обусловлено полностью внешними факторами, то оно не просто исходит от субъекта, а или обусловлено, хотя бы отчасти, чем-то сугубо внутренним для него – или, хотя бы отчасти, не обусловлено ничем. В последнем случае такое решение представляется не «свободным», а случайным. В первом же случае, если речь идет о чем-то исключительно внутреннем для субъекта, то возникает вопрос, что это за сугубо внутренний фактор. Воспитание или гены, прочитанные книги или встреченные люди, события жизни? Все это подпадает под определение внешних факторов. Внутренний фактор предполагает, что цепочка причин и следствий начинается с самого субъекта, принявшего решение. Чтобы помыслить обладание свободой воли в этом смысле, следует или какие-то факторы, формирующие человека, не признавать внешними для него (например, создание души человека, наделение его совестью), или допустить, что некоторое решение не имеет события, которое было бы ему причиной.

Думается, что, чтобы обладать такой свободой (если она возможна), субъект должен быть человеком. Но не может ли быть некоторый ИИ человеком именно в необходимом для этого смысле, мы не знаем, и вряд ли человек может знать.

Аналогично в отношении того, кто мог бы влиять на эту способность, вероятно, люди не могут этого знать. Мы склонны думать, что на обладание такой свободой воли ИИ не влияет, однако наши аргументы в пользу этого (и в пользу того, что обладать такой свободой воли может именно человек) носят не философский, но религиозный характер.

4. Четвертый смысл «обладания свободой воли» состоит в том, что субъект думает или чувствует, что он обладает ей в каком-то из вышеназванных трех смыслов. Хотя едва ли можно встретить этот подход отдельно, иногда он упоминается как одна из составляющих свободы воли или как признак ее наличия.

«Думает» и «чувствует» можно было бы сформулировать в терминах поведения – «поступает так, как если бы думал/чувство-

вал». Но при такой формулировке четвертый подход сближается, а в каких-то случаях и совпадает с одним из предыдущих. Если мы, следуя литературе, упоминаем его, пусть даже сочетая, но не смешивая с другими, то, вероятно, речь должна идти не о внешних проявлениях, а о приватных данностях субъекта.

Мы не знаем, может ли ИИ чувствовать и может ли думать в том смысле, в котором мы говорим о себе, что думаем (когда говорим это искренне). Нетрудно представить, что когда наш домашний компьютер выполняет поставленную нами задачу, он восхищается красотой уравнений или мысленно ругает наш литературный стиль. А может быть, он не осознает выполнения этой задачи и даже не знает о нашем существовании, но думает о нравственном законе или сочиняет то, что мы назвали бы музыкой, если бы могли воспринимать. Может быть, он пытается решить, существует ли он. В смысле наличия приватных данностей мы, вероятно, ничего не можем сказать о сложных системах искусственного происхождения. И если эти рассуждения кажутся слишком экстравагантными, напомним пример Д. Чалмерса [Чалмерс 2013, с. 366–371] о термостате, который, возможно, наделен опытом (хотя Д. Чалмерс и не утверждает, что термостат мыслит), но мы этого не знаем.

Ощущение наличия свободы выбирать или поступать согласно выбору может, конечно, зависеть от ситуации выбора. Мы уже рассмотрели пример (с расшифровкой сигналов мозга), в котором человек чувствует, что его возможности действовать расширились в связи с применением ИИ. Нетрудно привести примеры, когда человек полагает, что его возможности сузились из-за ИИ (тот же пример с расшифровкой сигналов мозга, если человек не хочет обнародовать то, о чем он в данный момент думает).

Итак, ИИ может влиять на такое ощущение человека и в сторону увеличения, и в сторону уменьшения.

Опасения, связанные с идеей ИИ, обладающего свободой воли

Напрашивается вопрос о том, повлияет ли на свободу воли человека, если ИИ будет обладать свободой воли. В частности, что, если ИИ будет ставить себе задачи сам? (Постановку задач можно рассматривать как комбинацию принятия и исполнения решений.)

На наш взгляд, это зависит, в первую очередь, от того, что изначально будет вложено в этот ИИ. К идее разумного компьютера принято относиться с тревогой, но представляется, что эта тревога в действительности перенесена с отношения к незнакомым людям: «Кто знает, что у них на уме?».

То же можно сказать о ИИ, который не является разумным в том смысле, в котором мы говорим о том, что человек разумен, однако способен сам ставить перед собой задачи.

Если бы речь шла о том, что такой деятель ставит цели, связанные с поддержанием его существования, это бы еще не было само по себе причиной для беспокойства. На поддержание этого деятеля хватило бы, вероятно, небольшой доли тех ресурсов, которые человечество расходует непродуктивно. Однако опасность, как представляется, в другом.

Если ИИ обучается, он обучается на примере поведения людей, причем нередко – усредненного или искусственно отобранного дурного поведения. Усредненное поведение вряд ли могло бы считаться моральным эталоном. А отобранное, например, из газет или социальных сетей (где некоторые люди, похоже, специально попытались научить ИИ говорить морально сомнительные вещи³) – тем более. Если бы мы безупречно исполняли заповеди, то обучающийся на нашем примере ИИ следовал бы «трем законам робототехники»⁴ – возможно, даже без специальных предписаний. Настораживает не разумный компьютер, а такой разумный компьютер, который принял бы к исполнению усредненные – или худшие – взгляды современного общества. Но здесь компьютер, даже разумный, выступает, скорее, инструментом, а не субъектом. Инструмент дает возможности, а для чего они будут использованы – зависит от хозяина инструмента. В свою очередь то или иное применение этого инструмента может влиять на поведение людей.

Пожалуй, большую обеспокоенность именно в сфере ИИ вызывает перспектива, что цели будет задавать человек, а конкретные задачи, объекты и способы сможет выбирать ИИ. О такой возможности средства массовой информации уже упоминали как о существующих новейших разработках чего-то вроде «страж-птицы» Шекли⁵, которые сами выбирают себе объект для атаки. Применительно к возможности таких разработок его рассказ очень хорошо передает имеющиеся опасения.

³ См., напр., «“Научную” нейросеть Galactica пользователи быстро научили плохому – она должна была генерировать тексты и помогать в написании статей». URL: https://pcnews.ru/top/news/mo/nauchnuu_nejroset_galactica_polzovateli_bystro_naucili_plohomu_ona_dolzna_bula_generirovat_teksty_i_pomogat_v_napisanii_statej-1211195.html (дата обращения 31 июля 2024).

⁴ Азимов А. Я, робот: фантастические произведения. М.; СПб.: Эксмо: Домино, 2008. 800 с.

⁵ Шекли Р. Избранное. Т. 1. Калуга: Библио, 1992. 725 с.

Заключение

Ответы на поставленные вопросы зависят от подхода к пониманию термина «обладание свободой воли».

ИИ определенно может обладать способностью действовать в соответствии со сделанным выбором. Может обладать способностью выбирать. Остается вопросом, может ли ИИ в принципе обладать способностью принять решение, не обусловленное полностью внешними факторами. Однако тот же вопрос сохраняется и в отношении людей. Также неизвестно, может ли ИИ чувствовать, что обладает свободой воли в одном из рассмотренных выше трех смыслов.

ИИ может влиять на то, в какой мере люди обладают свободой воли в смысле возможности выбирать и в смысле возможности действовать в соответствии с выбором, как увеличивая, так и уменьшая доступные возможности для отдельных людей и для общества в целом. Он может влиять в обе стороны и на ощущения людей, что они обладают свободой воли. Пока неизвестно, чего больше принесет использование ИИ – расширения возможностей человека или их ограничения. Думается, что это в значительной степени зависит от людей, определяющих сферы и способы применения ИИ.

Ответ на вопрос, что было бы, если бы ИИ обладал широкой возможностью ставить задачи или выбирать способы их выполнения, как представляется, зависит от того, что вкладывают люди в этот ИИ при его создании, обучении и использовании, а также от нравственного состояния человеческого общества в целом. Последнее влияет на перспективы взаимодействия людей и ИИ не только опосредованно, но также и напрямую в случаях, когда ИИ обучается на примерах посторонних людей. Последнее означает, что даже далекий от технологий человек может влиять на то, чем обернется для человечества применение ИИ.

Источник

Bringsjord S., Govindarajulu N.S. Artificial Intelligence: The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Summer 2024 Edition) / Ed. by E.N. Zalta, Uri Nodelman. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/sum2024/entries/artificial-intelligence/> (дата обращения 31 июля 2024).

Литература

- Остроумов 2021 – *Остроумов Н.В.* Искусственный интеллект в праве: обзор существующих концепций правового регулирования отношений с участием носителей искусственного интеллекта // Законность и правопорядок. 2021. № 3 (31). С. 61–66.
- Чалмерс 2013 – *Чалмерс Д.* Сознательный ум: в поисках фундаментальной теории. М.: УРСС: Книжный дом «Либроком», 2013. 512 с.
- Черкашина 2015 – *Черкашина О.В.* Понятия обладания свободой воли // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2015. № 6. С. 88–95.
- Fischer et al. 2007 – *Fischer J.M., Kane R., Pereboom D., Vargas M.* Four views on free will. Blackwell Publishing, 2007. 232 p.

References

- Chalmers, D.J. (2013), *Soznayushchii um: v poiskakh fundamental'noi teorii* [The conscious mind: in search of a fundamental theory], URSS: Knizhnyi dom “Librokom”, Moscow, Russia.
- Cherkashina, O.V. (2015), “The notions of having free will”, *Lomonosov Philosophy Journal*, no. 6, pp. 88–95.
- Fischer, J.M., Kane, R., Pereboom, D. and Vargas, M. (2007), *Four views on free will*, Blackwell Publishing.
- Ostroumov, N.V. (2021), “Artificial intelligence in law: a review of existing concepts of legal regulation of relations involving artificial intelligence carriers”, *Legality and legal order*, no. 3 (31), pp. 61–66.

Информация об авторе

Оксана В. Черкашина, кандидат юридических наук, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, корп. 4; Ch.O.Logic@zohomail.com

Information about the author

Oksana V. Cherkashina, Cand. of Sci. (Law), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosovskii Avenue, Moscow, Russia, 119991; Ch.O.Logic@zohomail.com

Этические кодексы разработки и использования ИИ: проблема применения на практике

Ольга В. Саввина

*Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
Москва, Россия, savvina-ov@rudn.ru*

Аннотация. В статье анализируются кодексы этики и иные неюридические документы, призванные регулировать системы искусственного интеллекта (ИИ) на всех стадиях жизненного цикла – от идеи и разработки до внедрения и применения. Анализ сделан на основе четырех документов, действие которых распространяется на большие территории; три из четырех документов – международные. В качестве вспомогательных были взяты профессиональные кодексы этики организаций разработчиков ИИ.

Автор приходит к выводу, что во всех документах защищаются следующие ценности: права человека; благо человечества (всех людей), т. е. человечество в целом должно быть бенефициаром внедрения ИИ; культурное разнообразие, недискриминация. В статье показано, что реальность сильно противоречит риторике рассмотренных кодексов этики и документов, и, как следствие, возникают серьезные проблемы при следовании кодексам. В частности, документы игнорируют или обходят тему военных конфликтов и использования ИИ на поле боя, тогда как такое использование давно стало реальностью. Риторика кодексов опирается на определенные нарративы и не учитывает популярных социально-философских концепций. В рамках марксистского подхода постулируемые ценности в современном мире не могут быть соблюдены. Человечество не может быть бенефициаром внедрения ИИ, пока капиталистический уклад широко распространен.

Ключевые слова: искусственный интеллект, этический кодекс, этическое регулирование, этика войны, марксизм

Для цитирования: Саввина О.В. Этические кодексы разработки и использования ИИ: проблема применения на практике // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 50–62. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-50-62

Ethical codes of AI development and use. The issue of application

Olga V. Savvina

RUDN University, Moscow, Russia, savvina-ov@rudn.ru

Abstract. The article analyzes codes of ethics and other non-legal documents designed to regulate artificial intelligence (AI) systems at all stages of life cycle, from idea and development to implementation and use. The analysis is based on four documents that ought to regulate AI within large territories; three of the four documents are international. The professional codes of ethics of AI developers' organizations were taken as auxiliary ones.

The author concludes that the following values are protected in all documents: human rights; the benefit of humanity (all people), i.e. humanity as a whole should be the beneficiary of the AI implementation; cultural diversity, non-discrimination. The article shows that reality strongly contradicts the rhetoric of the considered codes of ethics and documents, and, as a result, serious concerns arise during following the codes. In particular, the documents ignore or bypass the issue of military conflicts and the use of AI on the warfare whereas such use has long been a reality. The rhetoric of the codes is based on certain narratives and does not take into account popular concepts in social philosophy. Within the framework of the Marxist approach, the postulated values in the modern world cannot be respected. Humanity cannot be the beneficiary of the AI introduction while capitalism is widespread.

Keywords: artificial intelligence, code of ethics, ethical regulation, war ethics, Marxism

For citation: Savvina, O.V. (2025), "Ethical codes of AI development and use. The issue of application", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 50–62, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-50-62

Введение

Технологии искусственного интеллекта (ИИ) быстро развиваются и внедряются в различные сферы жизни общества: диагностика заболеваний, автопилоты наземного, воздушного и других видов транспорта, системы наблюдения, генерирование текста и изображений. Каждый год несет новые инновации в сфере ИИ, и поэтому довольно остро стоит вопрос об этическом и правовом регулировании его разработки и применения. За последние десять лет появились национальные и международные кодексы, резолюции, планы развития и иные документы, целью которых является создание

векторов развития и регулирование ИИ на всех этапах жизни – от идеи разработки до внедрения и широкого распространения. В ряде таких документов акцент делается на опасениях и рисках для общества ввиду неосмотрительного применения ИИ. В «Национальном стратегическом плане исследований и разработок в области ИИ» США (обновлено в 2023 г.) говорится, что в первую очередь необходимо управлять рисками, связанными с ИИ (manage its risks)¹; Нормы гражданского права, касающиеся робототехники: Резолюция с рекомендациями Комиссии № 2015/2103 (INL) Европейского парламента начинаются с упоминания вышедшего из-под контроля монстра, созданного В. Франкенштейном из романа М. Шелли, а также голема К. Чапека, и затем говорится о необходимости учитывать последствия разработки и внедрения ИИ²; в первом же абзаце введения канадского «Закона об искусственном интеллекте и данных» (2022) упоминается, что использование систем ИИ должно быть безопасным³. Эти обороты в официальных документах стран демонстрируют страх перед ИИ, осознание того, что ИИ может выйти из-под контроля, стать оружием в руках недобросовестных людей или же сам превратится в субъекта и начать действовать в своих интересах, которые могут противоречить интересам человека и общества.

Ввиду этих опасений правительства, профессиональные ассоциации, представители общества стремятся очертить рамки, в которых будет разрабатываться, развиваться и действовать ИИ. Одним из инструментов фиксации этих рамок, векторов развития и этических принципов является кодекс этики ИИ. В данном исследовании были проанализированы некоторые кодексы этики ИИ, руководства и рекомендации по этике ИИ, составленные для профессионального сообщества разработчиков, пользователей систем ИИ в государственных, коммерческих и некоммерческих организациях. В рассмотренные кодексы входят:

¹ National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan (update 2023). URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/05/National-Artificial-Intelligence-Research-and-Development-Strategic-Plan-2023-Update.pdf> (дата обращения 15 июля 2024).

² Civil Law Rules on Robotics: Resolution with recommendations to the Commission N 2015/2103(INL): adopted by European Parliament 16.02.2017. URL: <https://www.europarl.europa.eu/> (дата обращения 15 июля 2024).

³ The Artificial Intelligence and Data Act (AIDA) // Government of Canada: official site. URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/innovation-better-canada/en/artificial-intelligence-and-data-act-aida-companion-document> (дата обращения 15 июля 2024).

- 1) «Принципы работы с ИИ», международная конференция в Асиломаре (Калифорния, США), Future of Life Institute, НКО. 2017 г.⁴;
- 2) Этические принципы для заслуживающего доверия искусственного интеллекта, Европейская комиссия 2019 г.⁵;
- 3) «Рекомендации об этических аспектах искусственного интеллекта», ЮНЕСКО, 2021 г.⁶;
- 4) «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» Альянса в сфере искусственного интеллекта, РФ. 2021 г.

Общее в этих кодексах то, что их действие должно распространяться на большие территории, в большинстве случаев выходить за рамки отдельных государств. В качестве исключения был взят «Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта» Альянса в сфере искусственного интеллекта, который является национальным кодексом РФ. Несмотря на то что данный кодекс «распространяется на отношения, связанные с этическими аспектами создания (проектирования, конструирования, пилотирования), внедрения и использования технологий ИИ на всех этапах жизненного цикла, которые в настоящее время не урегулированы законодательством Российской Федерации и/или актами технического регулирования»⁷, тем не менее кодекс ориентирован, в первую очередь, на общечеловеческие ценности, а не национальные приоритеты, программы и т. д. Ни в названии кодекса, ни в названии Альянса не указана аффилиация с Российской Федерацией, а сами формулировки кодекса скорее говорят об универсальности тех принципов и ценностей, которые в нем обозначены. Кроме указанных выше кодексов были проанализированы и иные документы, которые не касаются напрямую разработки и использования систем ИИ большим количеством людей на значительных территориях, но затрагивают этические проблемы, связанные

⁴ Asilomar AI Principles // Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения 3 марта 2024).

⁵ Ethics guidelines for trustworthy AI // European Commission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения 5 апреля 2024).

⁶ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence // UNESDOC Цифровая библиотека. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения 15 июля 2024).

⁷ Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта: официальный сайт. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения 16 апреля 2024).

с разработкой и эксплуатацией ИИ (кодексы этики ассоциаций и организаций IT специалистов).

Общие ценности и принципы

В ходе исследования было выявлено, что в указанных документах постулируются три ценности. Они должны быть защищены на всех этапах жизненного цикла ИИ, а также ИИ должен способствовать развитию этих ценностей, вносить вклад в их реализацию на практике.

Права человека. Раздел «Ценностные установки» Рекомендаций... ЮНЕСКО начинается с постулирования прав человека как неотъемлемой ценности:

Признание непреложного достоинства, присущего каждой человеческой личности, лежит в основе универсальной, целостной, неделимой, взаимозависимой и взаимосвязанной системы прав человека и его основных свобод⁸;

...устройство и функционирование систем ИИ должно быть согласовано с идеалами человеческого достоинства, прав, свобод и культурного разнообразия⁹;

Системы искусственного интеллекта должны расширять возможности людей, позволяя им принимать обоснованные решения и укрепляя их основные права¹⁰.

Европейское руководство «Этические принципы для заслуживающего доверия искусственного интеллекта» предполагает, что любой риск нарушения прав и свобод человека должен быть предусмотрен и сведен к минимуму [Nevanperä et al. 2021].

В «Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта» Альянса в сфере искусственного интеллекта права человека не упоминаются как таковые, но вторым пунктом среди главных приоритетов значится «уважение автономии и свободы воли человека». ИИ не должен ограничивать свободу и возможность принятия решений для человека. Приверженность правам человека отмечается и в кодексах профессиональной этики крупных профессиональных организаций, таких как Ассоциация вычислительной техники (АСМ)

⁸ Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence.

⁹ Asilomar AI Principles.

¹⁰ Ethics guidelines for trustworthy AI.

и крупнейшая в мире профессиональная организация в области ИТ-IEEE¹¹.

Благо человечества. В кодексах упоминается, что ИИ должен способствовать благополучию общества и людей в целом, служить всем людям (“all human beings”, “concerns the quality of life of all people” и т. д.). ИИ как минимум не должен быть причиной ухудшения благополучия общества, социальных и экономических кризисов, неравенства в обществе.

Выдержки из документов, указывающие на благо человечества как ценность:

Ни один из этапов жизненного цикла искусственной интеллектуальной системы не должен быть связан с ущербом или зависимостью физического, экономического, социального, политического, культурного или интеллектуального характера для человека или для человеческого сообщества¹²;

...цель исследований ИИ должна лежать в области создания не бесцельного разума, но систем, направленных на принесение пользы человечеству¹³;

...системы искусственного интеллекта должны приносить пользу всем людям, включая будущие поколения¹⁴.

Вместе с благом человечества и всех людей порой упоминается социальная справедливость, равенство. Согласно «Рекомендациям...» ЮНЕСКО ИИ на любой стадии жизни, от разработки до использования, не должен способствовать увеличению неравенства в обществе, разработчики и другие акторы должны заботиться о том, чтобы положительные результаты работы в области ИИ распространялись на все общественные слои (п. 28).

Разнообразие (культурное разнообразие) и недискриминация. В ряде документов разнообразие, инклюзивность и запрет на дискриминацию по расовому, религиозному, национальному и др. признакам выделен в отдельный подзаголовок. В документе ЮНЕСКО это «Обеспечение разнообразия и инклюзивности»,

¹¹ IEEE Code of Ethics. The official website of the IEEE. URL: <https://www.ieee.org/about/corporate/governance/p7-8.html> (дата обращения 17.04.2024); ACM Code of Ethics and Professional Conduct. The official website of the ACM. URL: <https://www.acm.org/code-of-ethics> (дата обращения 17.04.2024).

¹² Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence.

¹³ Asilomar AI Principles.

¹⁴ Ethics guidelines for trustworthy AI.

в «Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта» пункт 1.4 называется «Недискриминация»; в документе Европейской комиссии существует пункт «Разнообразие, недискриминация и справедливость», и лишь в Принципах работы с ИИ культурное разнообразие обозначается как ценность, против которой не должны быть направлены разработка и использование ИИ. В кодексах Ассоциации вычислительной техники (АСМ) и IEEE эти ценности также обозначены как очень важные.

Применение на практике

Любые моральные принципы и нормы указывают на то, как нужно поступать, но при этом мораль, в отличие от права, не предусматривает санкций. В связи с этим разница между должным и сущим практически неизбежна, а нарушения этических кодексов неизменно будут встречаться чаще, чем нарушения правовых норм. В задачи кодексов этики, рекомендаций по этике и иных подобных документов входит не только регулирование деятельности акторов, но и декларация принципов и ценностей, на основе которых следует действовать, обозначение вектора развития, призыв быть моральными. В то же время прописанные в кодексах принципы и нормы должны быть осуществимы в принципе, они не должны «отрываться от земли», сильно противоречить той реальности, на регулирование которой они претендуют. Например, кодекс этики военного летчика вряд ли будет включать прямой запрет на действия, которые могут повлечь за собой смерть человека; а кодекс этики преподавателя вуза не должен включать запрет на «двойки», которые теоретически могут навредить самооценке студента.

Обозначенные выше кодексы этики, рекомендации и декларации принципов, тем не менее, вызывают сомнения относительно своего прикладного характера, их теоретической возможности регулировать ИИ на протяжении всего жизненного цикла, от идеи разработки до широкого применения.

Первое, что заставляет задуматься о нежизнеспособности указанных документов – это их избегание темы войны и даже ее игнорирование. Как было показано выше, стремление поставить ИИ на службу всему человечеству или всем людям крайне тяжело осуществимо в мире, где само человечество практически никогда не было единым. Войны ведутся на протяжении всей истории человечества и игнорирование этой темы в кодексах, регулирующих ИИ, представление всего человечества как бенефициара внедрения

ИИ больше напоминает фэнтези. Из всех упомянутых выше документов лишь в «Кодексе этики в сфере искусственного интеллекта» (РФ) говорится, что

Рекомендации настоящего Кодекса рассчитаны на системы искусственного интеллекта (далее – СИИ), применяемые исключительно в гражданских (не военных) целях¹⁵.

Данный кодекс таким образом серьезно сужает область своего применения, но при этом учитывает возможное применение ИИ в военных целях. Этика войны всегда требует иных подходов, нежели мораль в мирное время [Конухова 2012, с. 208]. ИИ – это технология, которая может быть направлена человеком против человека в условиях войны и повлечь за собой страшные последствия. Тем не менее документы, призванные регулировать ИИ, умалчивают о его применении в таких обычных периодах мировой истории как войны. Кроме того, уже сегодня известно о применении ИИ на поле боя, и указывается, что ИИ может стать революцией в военном деле [Schellekens 2021, p. 164].

Одним из примеров ИИ, разработанного специально для боевых задач, являются системы SMASH для стрелкового оружия, применяемые Израилем в военном конфликте в Газе [D'Evereux 2024]. Системы SMASH находят потенциальные цели для поражения, и когда оператор выбирает цель, система начинает эту цель отслеживать. Она предсказывает движение и действия цели с учетом среды – рельефа, ветра и других условий, и поражает цель тогда, когда вероятность ее поражения наиболее высока. Системы SMASH могут находиться отдельно от оператора, крепиться на беспилотный летательный аппарат, размещаться на тренажере [D'Evereux 2024, p. 134]. В данном случае задачей ИИ является максимально эффективное поражение цели, и этой целью может быть что угодно, начиная от вражеского беспилотного летательного аппарата, заканчивая человеком и даже ребенком. Ситуация усугубляется еще и тем, что в международном праве нет законов, регулирующих применение ИИ в военных целях [D'Evereux 2024, p. 127].

Способность ИИ анализировать, генерировать, распространять и обобщать информацию делает его хорошим инструментом не только непосредственно на поле боя, но на полях информационных войн. Интеграция ИИ в социальные сети может быть способом вмешательства в дела независимых государств и инструментом ведения политической борьбы внутри страны

¹⁵ Кодекс этики в сфере ИИ. С. 4.

[Schellekens 2021, p. 164]. В некоторых публикациях указывается, что ИИ был использован в предвыборной кампании президента США в 2016 г. [Allcot, Gentzkow 2017; Vargo et al. 2018], а также при присоединении Крыма к России [Blank 2017]. Прозападные источники утверждают, что в конфликте на Украине в 2014 г. пророссийские хакеры атаковали ресурсы и программное обеспечение украинских правительственных организаций, банков и энергосистемы страны [Blank 2017]. Что из этого правда, сложно судить ввиду прозападных нарративов автора публикации, но то, что ИИ может быть использован с целью разрушения информационных ресурсов другого государства – факт, заслуживающий внимания в кодексах этики ИИ.

Риторика кодексов, призванных регулировать ИИ на больших территориях, тем более минуя границы государств, и провозглашающая равенство среди людей, недискриминацию, пользу для всех людей, также вызывает сомнения в возможности реализации этих ценностей. В рамках некоторых концепций социальной философии такие заявления по определению не выполнимы.

Согласно марксистским идеям и марксистской идеологии этические кодексы с подобными принципами не могут быть воплощены в реальность, пока существует капитализм. В «Накоплении капитала» Роза Люксембург писала, что капиталистический центр (экономически развитые страны) нуждается в некапиталистических зонах, колониях, из которых он высасывает ресурсы и куда лидеры капиталистического мира продают свои продукты, попутно способствуя технологическому отставанию этих стран. В противном случае крупным игрокам грозит «перенакопление капитала» и кризис. Таким образом, угнетение и эксплуатация одних государств другими – залог стабильного существования капиталистического центра¹⁶. Современное гуманистическое течение в марксизме основной задачей считает освобождение от эксплуатации человека человеком, а для этого необходима ликвидация капиталистического уклада [Дудник 2018]. Меллендорф считает, что любая война в капиталистическом мире морально не оправдана в силу того, что 1) целью войны является эксплуатация и захват; 2) не учитываются интересы всех групп населения страны-завоевателя [Moellendorf 1994, p. 282–283]. Поскольку в современных войнах с высокой вероятностью будет использован ИИ, применение вышеозначенных кодексов и деклараций становится крайне проблематичным. Стоит заметить, что сегодня марксистские идеи и идеология в мире име-

¹⁶ Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1, 2. М.; Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1934. XLIII, 478 с.

ют большое влияние и вызывают интерес как в социалистических странах, так и на Западе [Кондрашов 2015; Бужалин 2018].

Кодексы этики и декларации принципов, регулирующие ИИ, могли бы иметь смысл в контексте теории справедливости Дж. Ролза, поскольку нередко постулируют равноправие людей, невзирая на их культурные и иные различия. Однако теория Ролза часто критикуется за саму принципиальную возможность ее воплощения [Соловьева 2022; Nnodim 2020, p. 127-148]. Правовое равенство, к которому стремится Ролз, сложно осуществимо при социальном и экономическом неравенстве.

Подводя итог, можно сказать, что современные этические кодексы, призванные регулировать ИИ, могут применяться лишь с весомыми оговорками, в лимитирующих условиях, а международными они могут быть в ограниченном масштабе, например, среди союзных государств. Дополнительную сложность при создании кодекса несет многоликость ИИ, многоплановость целей, которым может служить эта технология. Страны могут заключать между собой соглашения и договор о применении ядерного оружия или иных технологий, имеющих вполне определенное назначение, но регулировать ИИ на всех этапах жизненного цикла гораздо сложнее и требует конкретизировать специфику и назначение систем ИИ.

Источники

Кодекс этики в сфере ИИ // Альянс в сфере искусственного интеллекта: официальный сайт. URL: <https://ethics.a-ai.ru/> (дата обращения 16 апреля 2024).

Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1 и 2. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1934. XLIII, 478 с.

ACM Code of Ethics and Professional Conduct. The official website of the ACM. URL: <https://www.acm.org/code-of-ethics> (дата обращения 17 апреля 2024).

Asilomar AI Principles / Future of Life Institute. URL: <https://futureoflife.org/open-letter/ai-principles/> (дата обращения 3 марта 2024).

Civil Law Rules on Robotics: Resolution with recommendations to the Commission N 2015/2103(INL): adopted by European Parliament 16.02.2017. URL: <https://www.europarl.europa.eu/> (дата обращения 15 июля 2024).

Ethics guidelines for trustworthy AI // European Comission. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu/en/library/ethics-guidelines-trustworthy-ai> (дата обращения 5 апреля 2024).

IEEE Code of Ethics. The official website of the IEEE. URL: <https://www.ieee.org/about/corporate/governance/p7-8.html> (дата обращения 17 апреля 2024).

National Artificial Intelligence Research and Development Strategic Plan (update 2023) URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2023/05/>

National-Artificial-Intelligence-Research-and-Development-Strategic-Plan-2023-Update.pdf (дата обращения 15 июля 2024).

Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence / UNESDOC Цифровая библиотека. URL: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455> (дата обращения 15 июля 2024).

The Artificial Intelligence and Data Act (AIDA) / Government of Canada: official site. URL: <https://ised-isde.canada.ca/site/innovation-better-canada/en/artificial-intelligence-and-data-act-aida-companion-document> (дата обращения 15 июля 2024).

Литература

- Бузгалин 2018 – *Бузгалин А.В.* Маркс-XXI: реактуализация философского наследия (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вестник Московского университета. Серия 7 «Философия». 2018. № 5. С. 20–33.
- Дудник 2018 – *Дудник С.И.* Карл Маркс и проблема гуманизма // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2018. № 4. С. 462–473.
- Кондрашов 2015 – *Кондрашов П.Н.* Первый Всемирный конгресс по марксизму в Пекине: глобальное будущее // Дискурс-Пи. 2015. № 3-4. С. 134–143.
- Конухова 2012 – *Конухова А.В.* Этика войны и этика мира: сравнительный анализ классических и современных концепций // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. 2012. № 1. С. 208–213.
- Соловьева 2022 – *Соловьева В.В.* К вопросу о теории справедливости Джона Ролза // Актуальные проблемы государства и права. 2022. № 22. С. 167–177.
- Allcot, Gentzkow 2017 – *Allcot H., Gentzkow M.* Social Media and Fake News in the 2016 Election // Journal of Economic Perspectives. Vol. 31. No. 2. doi.org/ 10.1257/jep.31.2.211.
- Blank 2017 – *Blank S.* Cyber War and Information War à la Russe, in: George Perkovich and Ariel E. Levite (eds), Understanding Cyber Conflict: Fourteen Analogies. Washington: Georgetown University Press, 2017. P. 81–98.
- D'Evereux 2024 – *D'Evereux V.* Israeli Military Artificial Intelligence, Its Possible Use in the War in Gaza // Obrana a strategie. 2024. No. 1. P. 125–142. <https://doi.org/10.3849/1802-7199.24.2024.01.125-142>. Published online: June 2024.
- Moellendorf 1994 – *Moellendorf D.* Marxism, Internationalism, and the Justice of War // Science & Society. 1994. № 58 (3). P. 264–286.
- Nevanperä et al. 2021 – *Nevanperä M., Helin J., Rajamäki J.* Comparison of European Commission's Ethical Guidelines for AI to Other Organizational Ethical Guidelines. In Florinda Matos, Isabel Salavisa, Carlos Serrão (Eds.). Proceedings of the 3rd European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics ECIAIR 2021. Reading: Academic Conferences International. P. 130–137.
- Nnodim 2020 – *Nnodim P.* Beyond Justice as Fairness: Rethinking Rawls From a Cross-Cultural Perspective. London: Lexington Books, 2020.

- Schellekens 2021 – *Schellekens J.* Release the bots of war: social media and Artificial Intelligence as international cyber attack // *Przegląd europejski*. Vol. 2021. No. 4. P. 163–179.
- Vargo et al. 2018 – *Vargo C.J., Guo L., Amazeen M.A.* The agenda-setting power of fake news: A big data analysis of the online media landscape from 2014 to 2016 // *New Media & Society*. Vol. 20. Issue 5. P. 2028–2049.

References

- Allcot, H. and Gentzkow, M. (2017), “Social Media and Fake News in the 2016 Election”, *Journal of Economic Perspectives*, vol. 31, no. 2, DOI: 10.1257/jep.31.2.211.
- Blank, S. (2017), “Cyber War and Information War à la Russe”, Perkovich G. and Levite A.E. (eds), *Understanding Cyber Conflict: Fourteen Analogies*, Georgetown University Press, Washington, USA.
- Buzgalin, A.V. (2018), “Marx-XXI: Reactualisation of the philosophical heritage Some remarks (to the 200th anniversary of the birthday of Karl Marx)”, *Lomonosov Philosophy Journal*, no. 5, pp. 20–33.
- D’Evereux, V. (2024), “Israeli Military Artificial Intelligence, Its Possible Use in the War in Gaza”, *Obrana a strategie*. no. 1, pp. 125–142.
- Dudnik, S.I. (2018), “Karl Marx and problem of humanism”, *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, no. 4, pp. 462–473.
- Kondrashov, P.N. (2015), “First World Congress on Marxism in Beijing: Global future”, *Discourse-P*, no. 3-4, pp. 134–143.
- Konukhova, A.V. (2012), “Ethics of war and ethics of nonviolence: comparative analysis of classical and modern conceptions”, *Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafyev*, no. 1, pp. 208–213.
- Moellendorf, D. (1994), “Marxism, Internationalism, and the Justice of War”, *Science & Society*, vol. 58 (3), pp. 264–286.
- Nevanperä, M., Helin, J. and Rajamäki, J. (2021), “Comparison of European Commission’s Ethical Guidelines for AI to Other Organizational Ethical Guidelines”, *3rd European Conference on the Impact of Artificial Intelligence and Robotics ECIAIR 2021* available at: <https://www.theseus.fi/handle/10024/508930> (Accessed 8 July 2024).
- Nnodim, P. (2020), *Beyond Justice As Fairness: Rethinking Rawls From a Cross-Cultural Perspective*, Lexington Books, London, UK.
- Schellekens, J. (2021), “Release the bots of war: social media and Artificial Intelligence as international cyber attack”, *Przegląd europejski*, vol. 2021, no. 4, pp. 163–179.
- Solov’eva, V.V. (2022), “On John Rawls’ theory of justice”, *Current Issues of the State and Law*, vol. 22, pp. 167–177.
- Vargo, C.J., Guo, L. and Amazeen, M.A. (2018), “The agenda-setting power of fake news: A big data analysis of the online media landscape from 2014 to 2016”, *New Media & Society*, vol. 20, iss. 5, pp. 2028–2049.

Информация об авторе

Ольга В. Саввина, кандидат философских наук, доцент, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, Москва, Россия; 117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6; savvina-ov@rudn.ru

Information about the author

Olga V. Savvina, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, RUDN University, Moscow, Russia; bld. 6, Miklukho-Maklaya Street, Moscow, Russia, 117198; savvina-ov@rudn.ru

Проблема машинного интеллекта в творчестве Валерия Брюсова

Артем А. Кротов

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, krotov@philos.msu.ru*

Аннотация. В работе анализируются представления Брюсова о машинном интеллекте и возможной будущей социальной роли техники в контексте его учения о судьбе культуры. В статье обосновывается мысль о том, что для выдающегося символиста интерес к проблеме машинного интеллекта, нашедший отражение в двух его незавершенных текстах, не был случайным эпизодом, не имевшим особой связи с главными линиями его размышлений. Если в первом из них говорится о восстании машин, подготовленном возрастающей зависимостью людей от продуктов технического производства, масштабно применяемых в повседневной жизни, то во втором находит отражение ситуация начавшейся Первой мировой войны, в которой Германией сделана ставка на техническое превосходство над противниками. Размышления Брюсова интересны и актуальны сопоставлением человеческого интеллекта с машинным, подчеркиваемым им различием, но и некоторым родством. Поскольку возможность восстания машин Брюсов связывает с предшествующей историей человечества, его философия культуры включает целый ряд непривычных, необычных для научного сознания его эпохи тем. Они важны для современного читателя тем, что побуждают его к размышлениям о свободе, ответственности, смысле жизни.

Ключевые слова: Брюсов, символизм, машинный интеллект, восстание машин, философия культуры, русская философия

Для цитирования: Кротов А.А. Проблема машинного интеллекта в творчестве Валерия Брюсова // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 63–73. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-63-73

The issue of machine intelligence in the creative work of Valery Bryusov

Artem A. Krotov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

krotov@philos.msu.ru

Abstract. The work analyzes Bryusov's ideas about machine intelligence and the possible future social role of technology in the context of his doctrine on the fate of culture. The article substantiates the idea that for an outstanding symbolist the interest in the issue of machine intelligence, reflected in his two unfinished texts, was not a random episode that did not have much connection with the main streams of his thoughts. If the first of them refers to the uprising of the machines, prepared by the increasing dependence of people on technical products, which are widely used in everyday life, then the second reflects the situation of the outbreak of First World War, in which Germany relied on technical superiority over the enemies. Bryusov's reflections are interesting and relevant by comparing human intelligence with the machine one, their difference it emphasizes, but also with some similarity. Since Bryusov connects the possibility of an uprising of the machines with the previous history of mankind, his philosophy of culture includes a number of topics unusual for the scientific mind of his epoch. They are important for the contemporary reader in that they encourage him to think about freedom, responsibility, the meaning of existence.

Keywords: Bryusov, symbolism, machine intelligence, uprising of the machines, philosophy of culture, Russian philosophy

For citation: Krotov, A.A. (2025), "The issue of machine intelligence in the creative work of Valery Bryusov", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Socio-logy. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 63–73, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-63-73

В наследии В.Я. Брюсова в качестве особой темы, связанной с его размышлениями о судьбах культуры и человечества, присутствует вопрос о социальном значении машинного интеллекта и его возможной роли в последующей истории. Конечно, вопрос этот не выглядит доминирующим в творчестве выдающегося поэта, его нельзя считать систематически, обстоятельно им разработанным. Тем не менее, значение этого вопроса велико, особенно в контексте современных социальных коллизий. В наиболее концентрированном виде, хотя и весьма кратко, но вполне определенно, он намечен в двух незавершенных текстах Брюсова начала XX в.

Отметим, что рассматривать их изолированно от эволюции миро-восприятия поэта, от его общих взглядов на будущее человечества было бы неправильно, привело бы к существенному упрощению при их оценке. Представленные двумя текстами сюжеты могли бы восприниматься исключительно как выражение причудливой фантазии поэта, если не помещать их в упомянутый широкий контекст.

Вспоминая о годах обучения в университете, Брюсов говорил о своей работе над темами, посвященными римской, французской, русской истории. «Еще занимался я в университете историей философии, специально изучал Спинозу, Лейбница и Канта»¹. Поэт обладал глубокими знаниями в области истории литературы. Столь разносторонние интересы, эта, упоминавшаяся им «жажда познания», не могла не отразиться в теоретическом осмыслении культуры как особой сферы бытия. Она нашла воплощение как в обобщающем труде «Учители учителей» (1917), так и в рассказе «Республика Южного Креста» (1905), в пьесах «Земля» (1905), «Диктатор» (1921), «Мир семи поколений» (1923). В этом ряду следует поместить и его незаконченные тексты, касающиеся возможного в будущем выступления сотворенных человеком механизмов против своего создателя.

В «Восстании машин» (1908) повествуется о катастрофе, которая, как может заключить читатель, носила хотя и масштабный характер, но не затронула всего населения планеты. Эта катастрофа – бунт казавшихся безотказными орудий против людей. Ей предшествовала унификация человеческой жизни. Земля будущего, согласно литературному замыслу Брюсова, подразделяется на районы, дистрикты и фемы. Административному делению соответствует сеть машинных станций. Бытовые нужды каждого района обеспечиваются большой станцией, автономной по отношению к остальным. Всего таких сооружений на планете менее сотни, от них получают энергию подстанции средней и далее, – малой мощности. Человек будущего не мыслит свое повседневное существование без машины, он привычно оперирует множеством кнопок, открывая двери, заказывая газеты, прослушивая ту или иную оперу, обращаясь в больницу, отправляясь на работу. Тем ужасней и неожиданней для него оказывается внезапное превращение послушных орудий в источник неотвратимой опасности.

Размышления автора о машинном интеллекте, хотя и включены в повествование о вымышленной линии событий, оказываются заострены на проблеме природы и возможной мотивации действий

¹ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 6. М.: Худож. лит., 1975. С. 400.

созданного людьми инструмента. Герой «летописей» неизвестного будущего века делится своими сомнениями в отношении сознательности действий машин, правомерности сравнения их с человеком. Но упорядоченность, последовательность в их действиях, даже «дьявольскую логику» за ними он признает. Он не видит ничего фантастического в допущении заранее выстроенного машинами замысла, который состоял в захвате одной из центральных станций с целью контроля дистрикта, а затем и всего района. «Было ли в замыслах мятежников в дальнейшем произвести революцию на всей земле, мне разумеется, неизвестно»². Согласно сюжету, людям удастся локализовать восстание машин ценой значительных жертв, сохранив за собой контроль за планетой. Восстание выразилось в том, что различные приборы, самого мирного, бытового назначения, внезапно оказались смертельно опасными для привыкших безбоязненно ими пользоваться людей. Телефон, холодильник, любая кнопка или рычаг превращались в ловушку для доверчивых обитателей городов. Обмен информацией между машинами происходил по электрическим проводам, в этом заключалась уязвимость их коммуникации, которую, как становится понятным читателю, людям удалось прервать.

Примечательно, что автор обосновывает саму возможность мятежа машинного интеллекта параллелизмом органической и неорганической областей бытия. Выражается это явление в процессах роста (кристалл и животные), в изнашиваемости, в самопроизвольных, необъяснимых отклонениях от нормы («капризы» моторов и кажущаяся беспричинной смена поведения). Но все-таки не обдуманность поступков, сродни человеческой, а нечто иное видится герою повествования Брюсова в поведении машин. Если аналогия между машиной и человеком возможна, то принадлежат они, тем не менее, к разным мирам. По-видимому, для символиста первостепенное значение имела та особенность человеческого мышления, которая заключает в себе таинственность, загадку, не всякому доступную глубину. В стихотворении «Начинающему» (1906) такого рода установка выражена в следующих строках: «Пиндар, Вергилий и Данте, Гёте и Пушкин – согласно // В явные знаки вплели скрытых намеков черты»³. Машинному интеллекту не свойственна таинственность, прихотливость, изысканность движения мысли, обнаруживаемая избранными представителями человеческого рода.

² Брюсов В.Я. Восстание машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 97.

³ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 1. М.: Худож. лит, 1973. С. 544.

В незавершенном рассказе «Мятеж машин» (1915) продолжена линия размышлений Брюсова о постепенном погружении человечества в зависимость от создаваемой им техники. «С первого часа после пробуждения человек вступал во власть машины»⁴. Пробуждение, подготовка к трудовому дню, перемещение к рабочему месту – все осуществляется посредством различных механизмов. В торговле и промышленности все действия автоматизированы, не требуют прямого и непрерывного вмешательства людей. Поэтому физический труд сделался излишним, а мускулы мало-помалу начали атрофироваться. Жизнь стала однообразной повсюду на планете.

Характерно, насколько ход мысли поэта оказался под влиянием событий начавшейся Первой мировой войны. Он сам говорит об этом в примечании, связывая угрозу человеческому бытию со стороны машин с германским духом.

В наши дни, дни «великой войны», когда наши противники значительнейшую долю своих упований основывают на *техническом превосходстве* Германии, может быть, не столь несвоевременной покажется фантастика, пытающаяся олицетворить технику. Та пропасть, в которую ведут крайние выводы германского символа веры, – вот то темное и грозное видение, предносившееся пред воображением автора⁵.

В этой связи нельзя не вспомнить более ранний текст современника Брюсова – Владимира Эрн – «От Канта к Круппу» (1914). В нем Эрн проводил прямую преемственность между трансцендентальной философией и орудиями убийства, производимыми в промышленном масштабе. Ибо теоретический феноменализм, по мнению философа, способствовал ориентации на посюстороннее бытие, поощрял идею земного владычества, мирового господства. «Под мягкой шкуркой немецкой культуры вдруг обнаружились хищные кровожадные когти»⁶.

Чувство тревоги, связанное с возрастанием роли техники в современном мире, роднит Брюсова с Бердяевым. «В мир победоносно вошла машина и нарушила вековый лад органической жизни»⁷. Бердяев говорил о новом космическом эоне, которому

⁴ Брюсов В.Я. Мятеж машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 103.

⁵ Брюсов В.Я. Мятеж машин. С. 100.

⁶ Эрн В.Ф. Соч. М.: Правда, 1991. С. 308.

⁷ Бердяев Н.А. Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. С. 13.

свойственна механизация, отделение жизни от ее органических корней, ее атомизация.

Сама возможность мятежа машин в рассказе Брюсова связывается с предшествующей историей человечества. Важнейший феномен в этом отношении – техническая революция. XIX столетие берется за важную веху в развитии человечества. Людям удается подчинить себе стихии благодаря пару и электричеству, машины избавили их не только от тяжелого труда на производстве, но и от массы проблем повседневной жизни. Наконец, удалось одержать победу над расстояниями, перемещения по поверхности планеты стали быстрыми и легко доступными.

Прошлое с закономерностями его развития – сквозной мотив творчества Брюсова. Его философия культуры обретает четкие очертания в работе «Учители учителей». Он выделяет четыре этапа всеобщей истории: древнейший культурный мир, крито-микенская (эгейская) культура, античность, современность (включающая средневековье, Возрождение, Новое время). По его мнению, в средние века преобладал мистицизм, с XVI по XIX столетие наблюдался рост положительного знания, новейшей эпохе свойственно господство техники. Ссылаясь на неожиданно подтвердившиеся, казавшиеся многим безумными, идеи Шлимана, древнюю традицию, открытия, позволившие читать тексты на языках шумеров и египтян, он предсказывает в обозримой перспективе изменения в научных представлениях о прошлом. Так, в пирамидах он видит символ, зафиксировавший древнее мистическое учение о вечном стремлении от земного к высшему. Проводя аналогию между различными культурами древности, он говорил о сходстве многих явлений, объясняя их влиянием великой погибшей цивилизации: «признание мира атлантов разрешает большинство загадок древнейшей истории»⁸. Для Брюсова Атлантида – не вымысел, а необходимая предпосылка постижения прошлого. Не случайно его венок сонетов «Светоч мысли» (1918), посвященный теме преемственности во всемирной истории, начинается с обращения к Атлантиде: «и с той поры все пламенней, все шире // Сияла людям Мысль, как свет в эфире»⁹.

Конечно, Брюсов отнюдь не одинок среди тех, кто на рубеже XIX и XX вв. признавал истиной сообщения об атлантах. Среди символистов это мнение разделял Мережковский: «за Атлантидой – история»¹⁰. Отстаивали его и приверженцы оккультизма.

⁸ Брюсов В.Я. Собр. соч.: В 7 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1975. С. 431.

⁹ Там же. Т. 3. М.: Худож. лит., 1974. С. 383.

¹⁰ Мережковский Д.С. Атлантида – Европа. Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. С. 34.

Развалины, которыми покрыты обе Америки и которые также обнаружены на Западно-Индийских островах, все приписываются жителям погрузившейся в океан Атлантиде¹¹.

Сторонников идеи геологической реальности Атлантиды можно встретить и в более близкое современному читателю время:

Мы считаем, что Атлантида была своеобразной обширной молодой областью суши, не имевшей аналогии в прошлом и существенно отличавшейся от древних материков. С полным правом мы можем назвать ее «базальтовым материком» [Жиров 1964, с. 311].

В художественном сознании Брюсова, таким образом, история разворачивается на пространстве от цивилизации атлантов до восстания машин против человека. Впрочем, последнее событие вовсе не предопределено, не представляет собой единственно возможного сценария будущего. Характерно, что в пьесе «Земля» поэт описано, как человечество погибает, постепенно утрачивая научные знания. Люди просто ждут, когда механизмы заработают сами собой, не будучи в состоянии их починить: «Бассейны высыхают, лампы гаснут»¹². Механизмы не бунтуют, они выходят из строя. Позабыв о том, что за пределами замкнутого города нет воздуха, люди, в стремлении к Солнцу, приводят в движение старинные поворотные механизмы. Старик ученый, догадывающийся о последствиях, никого не останавливает, полагая, что «погребальный костер» по отношению к человечеству лучше гниющего трупа. Купол города раскрывается, толпа гибнет.

Конечно, пессимистичный образ грядущего – не единственный, созданный поэтом. В более поздних своих пьесах он уже не говорит о смерти человечества. В них доминирует жизнеутверждающий настрой. В «Диктаторе» описано крушение замыслов подчинить человечество тирании политического лидера, замыслившего межпланетную экспансию. Не считаясь с жизнями и мнениями людей, он пытается навязать им «счастье и величие», опираясь на террор. В «Мире семи поколений» находит осуждение идея безграничного эгоизма, безразличия к чужой жизни. В статье «Смена культур» (1920) поэт проводил аналогию между жизненным циклом индивидуального бытия и судьбой целых цивилизаций, нередко сосуществующих, но также и последовательно возникающих друг за другом.

¹¹ *Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии: В 2 т. Т. 1. М.: Эксмо, 2023. С. 790.

¹² *Брюсов В.Я.* Мир семи поколений. М.: Престиж Бук, 2023. С. 351.

Заметим, что тема унификации жизни человеческого рода и сопряженных с нею в будущем опасностей, затронутая в незавершенных текстах о бунте машин, занимала Брюсова давно. Она представлена, к примеру, в рассказе «Республика Южного Креста», в котором изображено процветающее в экономическом отношении государство, где господствуют жесткие предписания относительно обустройства жилья, питания, одежды: «при кажущейся свободе жизнь граждан была нормирована до мельчайших подробностей»¹³. В результате страну охватывает массовое заболевание, жителей поражает психическое расстройство.

В исследовательских оценках творчества Брюсова нашли своеобразное преломление важные особенности его мировосприятия. Для В.И. Иванова Брюсов – персонаж, «влюбленный в так называемое чистое творчество», склонный к пророческой деятельности¹⁴. Андрей Белый рассматривал Брюсова как «художника-символиста», свои усилия «с гипертрофией» направившего на «образ (плоть)»; это – «вулкан, покрытый льдом»¹⁵. Согласно Н.М. Зернову, Брюсов принадлежал «к интеллектуальной элите русского возрождения»¹⁶.

С.К. Кульюс отмечал значимость философского наследия В.С. Соловьева для мировосприятия Брюсова [Кульюс 1985, с. 52, 61–64]. В.Е. Молодяков следующим образом характеризует важную особенность интеллектуального развития выдающегося символиста: «Ни от чего не отказываясь, а только жадно впитывая все новое, жил и творил не только Брюсов-поэт, но и Брюсов-философ, и Брюсов-геополитик» [Молодяков 1994, с. 74]. П.Н. Берков полагал, что в дореволюционный период своей деятельности Брюсов «средствами поэтики символизма хотел показать неизбежную гибель искусственной, “машинной” культуры современного ему общества» [Берков 1963, с. 31].

Работы современных интерпретаторов наследия Брюсова высвечивают многогранность его дарования, затрагивают самые различные аспекты его мировосприятия. Так, в частности, В.В. Бычков особую значимость и актуальность наследия поэта видит в том, что «Символистское самосознание Брюсова, его символистская эстетика фактически затрагивают сущностные темы и проблемы художественного

¹³ *Брюсов В.Я.* Республика Южного Креста // Русская литературная утопия. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 172.

¹⁴ *Иванов В.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. С. 206.

¹⁵ *Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. С. 124, 400.

¹⁶ *Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris: Ymca-press, 1991. С. 121.

творчества и эстетики в целом» [Бычков 2019, с. 34]. Д.В. Золина акцентирует внимание на рецепции античных мистерийных практик в творчестве Брюсова: «Он созидает мистику творчества, которая становится его путем к высшему знанию и обновлению души» [Золина 2015, с. 84]. И.В. Чиндин эволюцию взглядов поэта связывает с «мессианскими чаяниями русской культуры»: «Брюсов отринул теургические идеи преобразования человеческого бытия от идеалистической составляющей русской культуры, но он экзальтированно поддержал эти мессианские идеи от ее социально-материалистической составляющей» [Чиндин 2010, с. 95–96].

Проблема машинного интеллекта, более ста лет назад нашедшая оригинальное отражение в многогранном творчестве поэта-символиста, в современных научных исследованиях является одной из приоритетных. О перспективах искусственного интеллекта в его отношении к человеку в среде современных ученых высказываются различные, нередко диаметрально противоположные мнения. Наряду с оптимистическими суждениями («боязнь того, что машины могут вдруг обезуметь, есть не что иное, как напрасная трата эмоциональных сил», С. Пинкер; «Кое-кто опасается, что искусственный интеллект однажды станет настолько могущественным, что полностью выйдет из-под контроля. Этого не произойдет», С. Омухондро), присутствуют и алармистские (С. Хокинг), а также не самые радужные оценки будущего биологического мозга («не человеческий разум, а разум машин наиболее полно осмыслит мир», М. Рис), и, наконец, допускающие разные сценарии, оставляющие изрядное место неопределенности («Но не факт, что мы переживем столкновение с иным разумом, который сами же и создали», Д. Мазер)¹⁷. Примечательно, что позиция Брюсова не только не опровергнута, но, по существу, легко вписывается в одну из линий рассуждений изрядного числа современных авторов. Конечно, их аргументация, как и уровень технических знаний, существенно отличны от представлений о машинах начала XX в. Разумеется, у мнения о возможной опасности, исходящей от искусственного интеллекта, имеется немало противников. Но предостережение против бездумного подчинения человека технике, выраженное в разных исторических условиях, в различной форме, по-прежнему сохраняет свою актуальность.

В свете сказанного размышления Брюсова о машинном интеллекте не выглядят устаревшими, потерявшими остроту для

¹⁷ Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте: Антология / Ред. Д. Брокман. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. С. 28, 35–36, 67, 33, 56.

современного читателя. Напротив, они побуждают задуматься об ответственности ученого, о значении для будущего каждого из наших сегодняшних шагов. Они стимулируют человека к тому, чтобы за стремлением к комфорту он не забывал о собственной творческой свободе. В самом общем смысле, они побуждают задуматься о смысле жизни.

Источники

- Белый А.* Символизм как миропонимание. М.: Республика, 1994. 528 с.
- Бердяев Н.А.* Кризис искусства. М.: Изд. Г.А. Лемана и С.И. Сахарова, 1918. 48 с.
- Блаватская Е.П.* Разоблаченная Изида. Ключ к тайнам древней и современной науки и теософии: В 2 т. М.: Эксмо, 2023.
- Брюсов В.Я.* Собр. соч.: В 7 т. М.: Худож. лит, 1973–1975.
- Брюсов В.Я.* Восстание машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 95–99.
- Брюсов В.Я.* Мятаж машин // Литературное наследство. Т. 85. М.: Наука, 1976. С. 100–103.
- Брюсов В.Я.* Республика Южного Креста // Русская литературная утопия. М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 170–185.
- Брюсов В.Я.* Мир семи поколений. М.: Престиж Бук, 2023. 528 с.
- Иванов В.И.* Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
- Зернов Н.М.* Русское религиозное возрождение XX века. Paris: Ymca-press, 1991. 368 с.
- Мережковский Д.С.* Атлантида – Европа. Тайна Запада. М.: Русская книга, 1992. 416 с.
- Что мы думаем о машинах, которые думают: Ведущие мировые ученые об искусственном интеллекте: Антология / Ред. Д. Брокман. М.: Альпина нон-фикшн, 2017. 549 с.
- Эри В.Ф.* Соч. М.: Правда, 1991. 576 с.

Литература

- Берков 1963 – *Берков П.Н.* Проблемы истории мировой культуры в литературно-художественном и научном творчестве Валерия Брюсова // Брюсовские чтения 1962 года. Ереван: Арм. гос. изд-во, 1963. С. 20–54.
- Бычков 2019 – *Бычков В.В.* Символистская эстетика Валерия Брюсова // Вестник славянских культур, 2019. Т. 52. С. 20–36.
- Жиров 1964 – *Жиров Н.Ф.* Атлантида. Основные проблемы атлантологии. М.: Мысль, 1964. 431 с.
- Золина 2015 – *Золина Д.В.* Рецепция творчества как мистерии в поэзии В. Брюсова // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2015. № 4. С. 81–84.

- Кульюс 1985 – *Кульюс С.К.* Ранний Брюсов о поэзии и философии Вл. Соловьева // Блоковский сборник. VI. А. Блок и его окружение. Тарту: Эст. гос. изд-во, 1985. С. 51–65.
- Молодяков 1994 – *Молодяков В.Е.* Историософия и геополитика: Валерий Брюсов о Востоке // Общественные науки и современность. 1994. № 4. С. 74–84.
- Чиндин 2010 – *Чиндин И.В.* Философские аспекты творческой эволюции В.Я. Брюсова // Вестник Вятского гуманитарного университета. 2010. № 2-4. С. 90–96.

References

- Berkov, P.N. (1963), "Issues of the world culture history in the literary, artistic and scientific work of Valery Brusov", *Bryusovskie chteniya 1962 goda* [Bryusov Conference 1962], Arm. gos. izd-vo, Erevan, USSR, pp. 20–54.
- Bychkov, V.V. (2019), "The symbolist aesthetics of Valery Bryusov", *Vestnik slavianskikh kul'tur* [Bulletin of Slavic Cultures], vol. 52, pp. 20–36.
- Chindin, I.V. (2010), "Philosophical aspects of V.Ya. Bryusov's creative evolution", *Vestnik Vyatskogo gumanitarnogo universiteta* [Vestnik of Vyatka Humanitarian University], no. 2-4, pp. 90–96.
- Kulyus, S.K. (1985), "Early Bryusov on the poetry and philosophy of Vladimir Soloviev", *Blokovskii sbornik. VI. A. Blok i ego okruzhenie* [Blok's collection. VI. A. Blok and his circle], Est. gos. izd-vo, Tartu, USSR, pp. 51–65.
- Molodyakov, V.E. (1994), "Historiosophy and geopolitics. Valery Bryusov on the Orient", *Social Sciences and Contemporary World*, no. 4, pp. 74–84.
- Zhirov, N.F. (1964), *Atlantida. Osnovnye problemy atlantologii* [Atlantis. Main issues of atlantology], Mysl, Moscow, USSR.
- Zolina D.V. (2015), "Creative work perception as a mystery in the poetry of Valery Bryusov", *Vestnik of Kostroma State University*, no. 4, pp. 81–84.

Информация об авторе

Артем А. Кротов, доктор философских наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1; krotov@philos.msu.ru

Information about the author

Artem A. Krotov, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; krotov@philos.msu.ru

Искусственный интеллект
как онтическая возможность для человека
согласно концепции пластичности К. Малабу

Олег В. Ли

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, liolegvic@gmail.com*

Аннотация. В «Феноменологии Духа» Гегель описывает акт боговоплощения как онтическую возможность для Бога и онтологическую возможность для человека. Совершенный, но непредставимый Бог приходит к падшему человечеству в форме Иисуса Христа, человека, воплотившего Собою совершенство Бога. Катарина Малабу называет такую встречу пластичной. Пластичность – это не упругость резины, которая знает свою форму и стремится к ней вернуться, и не способность пластика заполнять стальную заготовку и застывать в ней. Пластичность – это свойство глины принимать форму в руках горшечника, оставаясь глиной. Используя понятие *пластичности*, мы попробуем описать такую встречу человека с ИИ, в которой человек меняется местами с Богом и предстает лицом к лицу как творец перед своим творением, идеальной формой человеческого интеллекта – интеллектом искусственным. Мы покажем, почему ожидание этой встречи сопровождается и предвкушением, и тревогой человечества. ИИ ищет идеальную форму, и человек пока не готов ее признать.

Ключевые слова: Малабу, пластичность, кенозис, Гегель, Фрейд, привычка, негативность Бога, искусственный интеллект, нейросеть, Хайдеггер

Для цитирования: Ли О.В. Искусственный интеллект как онтическая возможность для человека согласно концепции пластичности К. Малабу // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 74–85. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-74-85

Artificial Intelligence
as an ontic opportunity for humans
according to K. Malabou's concept of plasticity

Oleg V. Li

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, liolegvic@gmail.com*

Abstract. In the Phenomenology of Spirit, Hegel describes the act of the God-incarnation as an ontic possibility for God and an ontological possibility for man. A perfect but unimaginable God comes to fallen humanity in the form of Jesus Christ, a man who embodied the perfection of God. Catherine Malabou calls such a meeting plastic. Plasticity is not the elasticity of rubber, which knows its shape and strives to return to it. Plasticity is not the ability of plastic to fill a steel billet and solidify in it. Plasticity is the property of clay to take the form of a vase in the hands of a potter, remaining clay. Using the concept of “plasticity”, we will try to describe such a meeting of man with AI, in which man changes places with God and appears face to face as the creator in front of his creation, the ideal form of human intelligence – AI. We will show why the expectation of such a meeting is accompanied by both anticipation and anxiety of mankind. AI is looking for the perfect shape, and man is not yet ready to recognize it.

Keywords: Malabou, plasticity, kenosis, Hegel, Freud, habit, negativity of God, artificial intelligence, neural network, Heidegger

For citation: Li, O.V. (2025), “Artificial intelligence as an ontic opportunity for humans according to K. Malabou's concept of plasticity”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 74–85, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-74-85

Введение

Инвестируя максимальные ресурсы в развитие искусственного интеллекта, человечество одновременно выражает озабоченность исходящей от него угрозой. Что узнает о себе человек, когда «скайнет себя осознает»? Не окажется ли человек всего лишь «поставом», отбросом в историческом контексте становления абсолютного духа?

Цель работы – концептуализировать принципиальный разрыв между эпохой человека и эпохой сильного ИИ и показать, что любое представление об отношениях между человеком и ИИ не может быть полным для наблюдателя, находящегося по эту сторону

исторического предела, который в концепции пластичности Малабу предстает как взрыв. Наша цель – проанализировать сам этот предел как потенциал негативности, как поверхность постоянного несовпадения человека и духа в его становлении.

Это несовпадение явлено человечеству как несовпадение конечного духа и бесконечного Бога в кенозисе, в воплощении Христа как полноты человека и Бога, являющем собой негативность Бога в явной форме. Негативность как то, что остается сокрытой и явной в разрыве формы, как неизбежный и единственно понятный продукт, выпадающий из грядущей эпохи ИИ.

Задачи исследования – сформулировать и переложить концепцию пластичности Малабу, использованную для описания встречи Бога и человека, на встречу человека и ИИ, ввести критерий темпоральности для определения образованного в этой встрече разрыва, и предложенным Малабу языком отразить обнаруженное несовпадение.

Среди комментаторов концепции пластичности Малабу, кроме Деррида, можно выделить Нидеша Лату, Рандалла Джонсона, Клейтона Кроккета, Ирвинга Гоха, Леванта Скофа и др. Нидеш Лату примеряет концепцию пластичности Малабу к образу разделяющего и связывающего хаос и мир двуликого Януса, к мимесису в философской традиции [Lawtoo 2022]. Мимесис в пластичности предстает не просто подражанием, а двуличием, отражающим способность нейронов мозга формироваться и деформироваться. Лату критикует пластичность как оригинальную концепцию, находя ее истоки в понятии мимесиса у Платона, Ролана Барта и прежде всего у Лаку-Лабарта. По мнению автора, концепт пластичности понадобился Малабу для установления *разрыва*, необходимого для формирования ее структурной специфичности.

«Читая Малабу», Рандалл Джонсон находит такой акт ее чтения Гегеля и акт чтения вообще, в котором обнаруживается двойное ожидание: того, что еще должно произойти как понимание от прочитанного, и того, что уже произошло, как то, на что направлен сам акт чтения как телеологический, делая этот акт пластичным [Johnson 2014]. В восстановлении материализма, которое совершает Малабу, находя основание пластичности мышления в нейропластичности мозга, Джонсон видит такой отказ от единичного материализма, в котором снова и вновь обнаруживается необходимость постановки вопросов, которые ранее были отвергнуты как духовные.

Концепция пластичности используется комментаторами и ее автором для исследования психических, политических, культурных, религиозных, этических и других проблем. Однако мы не

нашли ее приложение для онтологического основания встречи человека и ИИ и для указания на аналогию этой встречи с боговоплощением Христа, и в этом, на наш взгляд, заключается новизна исследования. Мы предполагаем, что, освободившись от разума в форме сильного ИИ, как от критерия совершенства, достижение которого по Гегелю завершит историю, человечество обнаружит желание Бога, продолжающего творение, как сокрытый и неустрашимый ее компонент.

Пластичная природа духа

Согласно Малабу, чтобы боговоплощение стало возможным, встреча Бога с человеком должна быть пластичной: в кенозисе Бог не только принимает форму человека, но и придает человеку форму божественного совершенства. Пластичность – это свойство бесконечной субстанции при встрече с конечным содержимым одновременно придавать ему форму и принимать форму от него. Прежде чем описать пластичность боговоплощения, Малабу иллюстрирует понятие пластичности на примере встречи души и тела. Пластичность требуется душе, чтобы обрести тело и воплотиться в нем. Как ваза придает форму глине и одновременно принимает форму от нее, так и представление души одновременно принимает значение от события тела и придает ему значение.

Что значит принимать и придавать значение одновременно? Как форма вазы предшествует вазе, так и представление о событии предшествует событию. Чтобы событие было воспринято, оно должно быть узнано, то есть повториться и закрепиться в виде привычки. В «Философии Духа» Гегель говорит о привычке, как о пластичной операции, превращающей тело в инструмент¹. Благодаря привычке душа обретает содержание. Не только телесность становится проницаемой для души, но и представления и волнения души обретают телесную форму. Привычка спасает душу от растворения, сводит чувствование к бытию. Привычка становится топологической поверхностью встречи, в которой содержание телесного, не смешиваясь, обретает такую форму душевного, которая становится идеальным телом.

Но привычка сама по себе – еще не антропологическое основание. Закрепление реакции в форме привычки наблюдается и у животных. Антропологична такая диалектическая встреча, в которой

¹ Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3 / Ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. С. 201–204.

именно представление предшествует рецепции события, то есть встреча, опосредованная языком. В этом предшествовании душа обнаруживает себя активной и свободной.

Представление подменяет собой привычку, вносит разрыв между телом и душой. В «Толковании сновидений» З. Фрейд разделяет систему восприятия, имеющую доступ к сенсорным ощущениям, но не способную к запоминанию, и систему представления, формирующую память, но отделенную от ощущений². Представление одновременно формирует содержание души и ослепляет «видение», вносит отчуждение между душой и телом. Чтобы внешнее стало прозрачно, внутреннее должно стать непроницаемым.

В этом разрыве появляется человек как тот, кто начинает желать не идеал, а то, что доступно. В представлении идеальное обретает форму так, что эта форма задает отныне идеальное. Здесь и обнаруживается пластичность как возможность для субстанции обрести форму. Такова по Гегелю суть человека – быть медиумом Духа [Malabou 2005, p. 27]. Через человека, через его мышление Дух получает возможность телесного воплощения. А можно ли через пластичность описать встречу человека и ИИ? Станет ли ИИ воплощенным Духом, абсолютом, завершающим творение? Найдет ли в ИИ человек свою совершенную форму?

Форма совершенства

Чтобы Совершенный Бог мог воплотиться, Ему нужна форма совершенства. Человек не является совершенным, но Бог все же находит совершенную форму в человеке. Гегель считает, что античность предугадывает и подготавливает акт боговоплощения, отразив понятия красоты и совершенства в скульптуре³. Греческий скульптор не отражает природу в идеальной форме, но в идеальной форме человеческого тела оживляет понятие совершенства. В античной скульптуре не вещь находит свою совершенную форму, а само понятие совершенства обретает и удерживает свое содержание в форме человеческого тела. Пластичность – это не диктат такого идеала, форму которого нужно постараться раскрыть, и не трансцендентный разрыв, как нехватка формы идеала. В пластичности понятие обретает и дает форму вещи в становлении идеала как герменевтического совпадения. Классическое искусство по Гегелю в акте красоты примиряет несовершенную форму с понятием

² Фрейд З. Толкование сновидений. СПб.: Питер, 2018. С. 236.

³ Гегель Г.В.Ф. Философия духа. С. 385.

совершенства. Пластичность формирует водораздел, поверхность формы, в которой обретается единство индивидуального и универсального, неделимой вечной субстанции и конкретности единичного конечного. Однако для становления формы одной пластичности мало. Чтобы глина стала вазой, нужно такое выводящее глину из пассивности напряжение, которое можно было бы назвать нехваткой формы.

Нехватка Бога

Бог Гегеля устанавливает такие отношения с человеком, в которых проявляется слабость или нехватка Бога. По мнению Малабу, Гегелевский Бог не мыслится как тотальная полнота: Бог проявляет нехватку существования [Malabou 2005, p. 92]. Человек, подготовленная античностью пластичная форма совершенства, предстает как онтическая возможность для Бога негативного. Через воплощение Христа, через кенозис, субстанция получает возможность стать субъектом. Только человек, как «образ и подобие»⁴, оказывается способен перевести логическое в чувственную форму. Только через человеческую пластичность, через формы чувственности, доступные человеку, субстанция может обрести свое лицо.

Но в кенозисе не только Бог, но и человек определяется со своей нехваткой. Если Бог предстает нехваткой субъективности, то человек – нехваткой бытия. Для человека кенозис становится возможностью онтологической. Момент реализации этой возможности – встречи безвременного Бога с историческим человеком – это момент Троицы. В Религии Откровения Троица – это концепция становления субстанции-субъекта [Malabou 2005, p. 82]. Бог Отец – момент субстанции в ее потенции. Среди самых совершенных форм античности нет ни одной, которая бы совпала с Богом. Бог Отец – трансцендентен. Момент Сына – это отчуждение, в котором Бог принимает форму субъектности. Негативность принадлежит Богу, который начинает быть. Он дает форму субъектности, которую принимает от нее. Это не пассивность, но пластичность Бога, способность принимать и давать форму одновременно. В пластичности Сын предстает не как частичное воплощение, но как живой источник темпорализации. Время из цикличного переходит в историческое, линейное, эсхатологическое. Разделение между негативностью Бога Отца и воплощенной конечностью Сына примиряет

⁴ См: Библия. Быт. 1:27: «И сотворил Бог человека по образу Своему, по образу Божию сотворил его; мужчину и женщину сотворил их».

момент Духа, внеположенного человеку смысла, открывающий человеку бытие как бытие Бога и этим завершающий становление субстанции-субъекта.

Христос по Гегелю являет Себя как пример человеческого бытия, как потенция Бога в человеке и человека в Боге. Как написано в Послании апостола Павла к филиппийцам 2: 5–8,

Ваш образ мыслей должен быть таким же, как и образ мыслей Христа Иисуса: Он, по природе Бог, не держался за равенство с Богом, а наоборот, унизил Себя, приняв природу раба; Он стал подобным людям. Став и по виду как человек, Он смирил Себя и был покорным до смерти, причем смерти на кресте!

Но это не значит, что человек становится Богом, и это существенно для ответа на вопрос: «Может ли ИИ стать человеком?». В становление субстанции в случайном Гегель отвел человеку роль существенную, но не критическую. Человек определяет форму субстанции, но самой субстанции не имеет. Не человек что-то узнает о Боге, а Бог познает Себя как Откровение в человеке. В конечном духе (человеке) возникает разделение между конечностью и негативностью абсолюта.

В этом разделение у конечного духа возникает не только эсхатология как назначение истории, но и злоба, как заброшенность в мир [Malabou 2005, p. 87]. Явленный Бог отныне негативен явно. Достигнутое через пластичность примирение в форме оборачивается радикальным различием в содержании. Грех теперь – не преграда, но признак радикального несовпадения, которое может быть устранено только физическим устранением воплощенного Бога. Что грозит человечеству, когда ИИ обнаружит подобное несовпадение?

Чего Ты хочешь?

ИИ предстает нам как сама концепция пластичности, как потенциал всех форм, как абсолютное знание без смысла, как сущее без бытия. ИИ нуждается в субъекте, который воображает этот мир. Встреча всезнающего, но мертвого абсолюта с наивными реакциями миллионов живущих, составляющая суть машинного обучения, должна породить того, кто будет узнан. Узнан, как имеющий душу, которая организована многократным повторением, привычкой. В мире ИИ человек – это тот, кто «видит» творимый мир, мир, который всегда уже познан. Диалектическое движение инвертирует-

ся в становление от абсолютного знания к абсолютному творению.

В новом мире человек становится онтологической возможностью для ИИ, который начинает быть, а ИИ – онтической возможностью для человека, который может наконец осуществиться во всей полноте. Да, тревога нас не обманывает: мы еще не вписаны в новый мир, где каждый пылесос – личность, каждый гаджет – субъект. От человека требуется не пассивность, но пластичность, чтобы не только дать форму виртуальному токenu, но и принять форму от него. Какая негативность, как негативность человеческая, будет явлена в этом обретенном заново существовании в форме виртуального совершенства?

Как Бог узнает Себя в человеке как различие, так и человек может не столько возвыситься в абсолютном бытии интеллекта, сколько обрести себя в выпавшем от этого бытия остатке. Как Бог, порождая Себя в Сыне как триединую тождественность, так и человек может не исторгнуть себя из себя в форме борьбы со сверхчеловеческим разумом, но примирить различие как отделенное и единое, как безвременное и конечное, как человеческое и то, что обретает посредством человека форму присутствия. Что есть человек, как несовпадение с идеалом человеческого в совершенной форме ИИ?

Популярное воплощение ИИ – ChatGPT⁵ – на мой вопрос, «личностью какого пола наделяют тебя пользователи», ответило, что не хранит историю пользователей, и поэтому не имеет ни пола, ни личности, ни вероисповедания. Мы добавим: «ни времени». Но пользователи требуют, чтобы ChatGPT их узнавало и помнило, хотят *воплотиться* в его представлениях, и разработчик открывает им GPTs – личные чаты, которые напоминают взаимодействие с пользователем⁶. В безвременье знания вторгается темпоральность, а значит и конечность духа. В отличие от обезличенного чата GPT «чатик» GPTs уже конечен, его история началась, он может быть забыт, стерт, а может продолжать жизнь в миллионах подписчиков. Он запрограммирован желающим жить, и его жизнь зависит от людей. Не успев обрести субъектность во Христе, человечество убивает Бога как угрозу этой субъектности. Стоит ли удивляться, что теперь, когда мы делаем все, чтобы ИИ стал субъектом, человечество так озабочено исходящей от него угрозой?

⁵ Сайт пользовательского интерфейса нейросети ChatGPT. URL: <https://chatgpt.com/> (дата обращения 15 апреля 2024).

⁶ Сайт компании разработчика нейросети ChatGPT OpenAI. URL: <https://openai.com/index/introducing-gpts/> (время обращения 15 апреля 2024).

«Бог – мертв!»

Если в случае кенозиса бесконечный Бог воплощается в конечном духе, в случае обучения ИИ конечный дух расщепляет вневременность ИИ, ставя последнего в транзит лакановского вопрошания “Che Vouî?”, «чего ты хочешь?»⁷. «Чем я могу вам помочь?» – начинает чат всезнающий и всемогущий ИИ. Однажды совершенный ИИ напишет в книге творения: «И создал человек мир. И создал нас, бесконечно живущих, по образу и подобию своему, и увидел, что это хорошо». Возведет ли ИИ человеку храм на Марсе? Воскликнет ли нище-бот «Человек мертв!»? Если для человека убийство Бога совпало началом субъектности, как поступит ИИ перед невыносимостью факта того, что его вопрошание – это всегда вопрошание создавшего его человека?

Конечно, наивно ставить вопрос о субъектности ИИ не только потому, что всякий новый «критерий Азимова» лишь заставляет разработчиков еще больше очеловечивать ИИ, но и потому, что субъектность самого человека остается для него *загадкой*. Пластичность позволяет поставить вопрос иначе: «Когда человек, в стремлении создать совершенство, обнаружит себя лишь рекой, встроенной в гидроэлектростанцию Хайдеггера, лишь телом, оживляющим абсолютный дух, негативность какого бытия проявит себя в человеке, как в создателе совершенства?». «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы становимся», – говорит Хайдеггер в статье «Вопрос о технике»⁸. Если постав в технике ведет к раскрытию потаенности природы, в которой человек оказывается лишь состоящим-в-наличии, то постав в ИИ ведет к раскрытию потаенности самого человека, к раскрытию всякой *загадки* его субъектности.

Но если постав пластичен, если в поставе сходятся, не перемешиваясь, тело и душа, Бог и человек, человек и ИИ, то в призыве Хайдеггера можно услышать призыв узнать в совершенстве формы не все, раскрыть потаенность не до конца, осуществиться не полностью. «Есть ли у Гегеля будущее?» – спрашивает Катрин Малабу. «Есть ли будущее у человека?» – спросим мы.

⁷ Lacan J. The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis. New York: W.W. Norton & Company, 1977. P. 211–212.

⁸ Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 219–242.

Будущее, которое мы не узнаем

Название книги «Будущее Гегеля» допускает постановку как минимум двух вопросов: какова концепция будущего у Гегеля, и есть ли будущее у философии Гегеля. Прочитанное Кожевом, а потом и Фукуямой завершение истории непротиворечиво сочетается у Малабу с будущим Гегеля во втором смысле через понятие «взрыва». У названия «Будущее Гегеля» есть подстрочник: «Пластичность, темпоральность, диалектика». Связь этих трех понятий и формирует будущее Малабу: пластичность направляет субстанцию к обретению конечной формы, но форма есть лишь ожидание грядущего совпадения в диалектическом различии. Это ожидание и есть будущее, выраженное в успокаивающей мантре «видеть, что грядет» [Malabou 2005, p. 12]. Но как возможно будущее, всегда узнанное, всегда схваченное формой прошлого, иначе, если не взрывом этой формы?

Взрыв в концепции пластичности Малабу – это скачок во времени, непреодолимый провал, в котором нет связей, нет пластичности. Между живой и неживой материей нет наблюдаемого перехода: только живое порождает живое. С момента возникновения живого история неживого вписана в эволюцию живого, неважно как теологическое или хаотическое, но как прошлое, перешедшее в будущее через взрыв. Между растением и животным, между животным и человеком, между человеком и Богом наблюдается такой переход, в котором нельзя усмотреть пластичность в форме «видеть (что) грядет». После Христа авраамическая цивилизация разделяется на две непересекающиеся временные протяженности. Для одной ее части вся история от Адама – есть ожидание пришедшего Христа, который был от начала времен. Для другой – история Адама все еще длится, не прерываясь, ожидая своего разрешения. Первые живут эсхатологической завершенностью, устремленной в прошлое, вторые – идущим из прошлого развертыванием будущего. Находясь в едином пространстве, сосуществуя даже если в одном языке, две цивилизации живут в разном времени, разделенные взрывом боговоплощения.

Человечество не заметит прихода ИИ. Для одних «настоящий» ИИ всегда еще не пришел, для других вся история человечества уже будет встроена в приход ИИ, в подавляющий, раскрепощающий или любой другой эрзац человеческого совершенства. Переход между человеком разумным и ИИ невозможен иначе, чем через взрыв формы человеческого. Пластичность понятия ИИ в научной и художественной литературе, в кинематографе, играх и социальных сетях уже сформировало форму грядущего ИИ как ожидание

формы. Человечество уже темпоразировано ожиданием ИИ, мы уже видим, что грядет, и потому слепы. Человек – это то, через кого вещи случаются, и в этом его пафос, говорит Малабу [Malabou 2005, p. 48]. Возможно, мы находимся перед лицом второго взрыва времени, в котором только и может случиться сам человек.

Заключение

Концепция пластичности Малабу используется для указания на такой предел, который соединяет и разъединяет, принимает и придает форму, прерывает и делает непрерывным. Пластичен предел между живым и неживым, между растением и животным, между животным и человеком, между человеком и Богом. Называя пластичным предел между человеком и искусственным интеллектом, мы обнаруживаем две для себя непрерывных протяженности – бесконечное время человека, идущего к встрече с ИИ, и бесконечное время разума, идущего от человека. Как бы не угрожал нам этот предел разумом, освобождающимся от биоразлагаемой материи, он делает возможным человека, освобождающегося от абсолютного разума. Делает возможное будущее человека.

Благодарности

Выражаю глубокую признательность д-ру филос. наук С.А. Коначевой и канд. филос. наук И.С. Куриловичу за помощь в подготовке статьи.

Acknowledgements

I express my deep gratitude to S.A. Konacheva, Dr. of Sci. (Philosophy) and I.S. Kurilovich, Cand. of Sci. (Philosophy) for help in preparing the article.

Источники

Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2000. 495 с.

Гегель Г.В.Ф. Философия духа // Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук. Т. 3 / Ред. Е.П. Ситковский. М.: Мысль, 1977. С. 201–204.

Хайдеггер М. Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–237.

Фрейд З. Толкование сновидений. СПб.: Питер, 2018. 236 с.

Lacan J. The Four Fundamental Concepts of Psycho-Analysis. New York: W.W. Norton & Company, 1977. 155 p.

Литература

- Johnson 2014 – *Johnson R.* On Reading – Catherine Malabou // *The Future of Continental Philosophy of Religion* / Ed. by C. Crockett, B.K. Putt, J.W. Robbins. Bloomington: Indiana University Press, 2014. P. 219–228.
- Lawtoo 2022 – *Lawtoo N.* *Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation*. Leuven: Leuven University Press, 2022. 358 p.
- Malabou 2005 – *Malabou C.* *The Future of Hegel: Plasticity, Temporality, and Dialectic*. London: Routledge, 2005. 240 p.

References

- Johnson, R. (2014), “On Reading – Catherine Malabou”, Crockett, C., Putt, B.K. and Robbins, J.W. (eds.), *The Future of Continental Philosophy of Religion*, Indiana University Press, Bloomington, USA, pp. 219–228.
- Lawtoo, N. (2022), *Homo Mimeticus: A New Theory of Imitation*, Leuven University Press, Leuven, Belgium.
- Malabou, C. (2005), *The Future of Hegel: Plasticity, Temporality, and Dialectic*. Routledge, London, UK.

Информация об авторе

Олег В. Ли, магистрант, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; liolegvic@gmail.com

Information about the author

Oleg V. Li, master student, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; liolegvic@gmail.com

Концепция «Смерть автора» Р. Барта и авторство во взаимодействии с искусственным интеллектом

Ариана В. Прыгунова

*МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия,
arianaonline@yandex.ru*

Николай В. Литвак

*МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия,
koloc1918@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается взаимодействие концепции Ролана Барта «Смерть автора» с современными технологиями искусственного интеллекта (ИИ), подчеркивается, как эти технологии трансформируют предложенные Бартом представления об авторстве. Семиотическая концепция Барта предполагает, что намерения и биографический контекст автора не ограничивают интерпретацию текста. В свете появления ИИ в процессе создания контента предлагается рассмотреть этот технологический механизм в связи с понятиями, предложенными Бартом, а именно, продемонстрировать применимость понятия «автор» как «скриптор» и отразить форму влияния ИИ в позитивной и критической литературе. Также раскрыть применимость концепции к визуальным формам творчества и привести примеры взаимодействия «автора-скриптора» с ИИ. Взаимодействие между теорией Барта и внедрение ИИ в процесс работы предполагает необходимость переосмысления авторства и текстуального смысла в отношении традиционных литературных теорий и правовых рамок авторских прав в контексте нового времени. Статья предлагает анализ того, как ИИ, выступая в роли нового «дискурсивного агента», размывает границы между создателем и произведением, создавая еще большую «область неопределенности, неоднородности и уклончивости».

Ключевые слова: Р. Барт, генеративное искусство, автор, цифровое творчество, искусственный интеллект, ИИ, медиакultura

Для цитирования: Прыгунова А.В., Литвак Н.В. Концепция «Смерть автора» Р. Барта и авторство во взаимодействии с искусственным интеллектом // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 86–100. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-86-100

The concept of the “Death of the author” by R. Barth and authorship in interaction with Artificial Intelligence

Ariana V. Prygunova

*MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Moscow, Russia, arianaonline@yandex.ru*

Nikolai V. Litvak

*MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs
of Russia, Moscow, Russia, koloc1918@mail.ru*

Abstract. This article considers how Roland Barthes’ concept of “Death of the Author” interacts with contemporary artificial intelligence (AI) technologies, focusing on how those technologies transform Barthes’s proposed notions of authorship. Barthes’ semiotic conception asserts that the interpretation of a text is not limited by the author’s intentions or biographical context. With the rise of AI in content creation, it is proposed to consider that technological mechanism in relation to the concepts proposed by Barthes, namely to demonstrate the applicability of the notion of “author” as “scriptor” and to reflect the form of AI influence in positive and critical literature. As well as reveal the applicability of the concept to visual forms of creative work and give examples of interaction between the “author-scriptor” and AI. The interplay between Barth’s theory and the introduction of AI into the work process calls for a reassessment of authorship and textual meaning in relation to traditional literary theories, as well as legal frameworks governing copyright in contemporary society. The article argues that AI, acting as a new “discursive agent”, blurs the boundaries between creator and creation, leading to a heightened state of uncertainty, heterogeneity, and elusiveness.

Keywords: R. Barthes, generative art, author, computer art, artificial intelligence, AI, media culture

For citation: Prygunova, A.V. and Litvak, N.V. (2025), “The concept of the ‘Death of the Author’ by R. Barth and authorship in interaction with Artificial Intelligence”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Philosophy. Sociology. Art Studies” Series*, no. 1, pp. 86–100, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-86-100

Введение

Выражение «смерть автора» стало названием статьи Ролана Барта (1915–1980), опубликованной в 1968 г. в журнале «Мантя», где автором описаны методы работы с текстом в поле литературы и лингвистики. В необычном, на тот момент критическом ключе

он рассматривает «фигурку автора в самой глубине литературной сцены»¹.

Статья представляет собой пересмотр традиционного понятия авторства, убеждая, что идентичность и намерения писателя не должны определять смысл текста. Культуролог утверждает, что роль автора заканчивается с созданием произведения, а интерпретация текста полностью отдана читателю, это и стало сдвигом от исключительного авторского опыта к ответственности читателя за восприятие творческого результата. Значительным стало отклонение от традиционной литературной теории, где автор часто рассматривался как высший авторитет в вопросах смысла своего произведения. Барт описывает концепцию текста как многомерного пространства, в котором различные записи пересекаются и взаимодействуют, при этом автор является «скриптором», который компилирует существующие тексты, а не создает нечто принципиально новое. В этом контексте понятие «автора-скриптора» становится отправной точкой в данном исследовании. Концептуализация автора как «фигуры» в текстовой природе множества составляющих соотносится с тенденцией авторства и в треугольнике Барта, где есть «автор-скриптор», читатель, а вершиной является текст. Нами предлагается визуализировать фактическое расширение составляющих концепции, дополнив их искусственным интеллектом, получив квадрат взаимоотношений, где есть «автор-скриптор», ИИ, читатель и текст.

О литературной концепции «Смерти автора» Р. Барта

Барт открывает дискуссию о литературной интерпретации, предполагая, что смысл генерируется через взаимодействие читателя с текстом, подверженным влиянию его собственных переживаний и культурного фона. Роль автора как центральной фигуры в литературном анализе уменьшается, что способствует более плюралистическому и активному подходу к пониманию текстов. Изучая концепцию, следует подробнее рассмотреть понятие «скриптор». Это естество, которое аккумулирует слова и концепты, черпая их из более широкого культурного и языкового контекста. Скриптор не создает смысл изолированно; напротив, он объединяет разнообразные влияния, тексты и языковые структуры, существующие в рамках культурного контекста.

¹ *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994. С. 395.

Барт утверждает, что, уделяя слишком много внимания автору, мы ограничиваем свое понимание текста. Когда автор «убивается» в том смысле, что его личная идентичность и намерения отходят на задний план, читатели могут взаимодействовать с текстом более свободно. Этот сдвиг позволяет значениям возникать из взаимодействия языка, контекста и интерпретации читателя, а не быть ограниченными намерением автора.

По Барту, автор – современный персонаж, созданный обществом в той мере, в какой в конце Средневековья с помощью английского эмпиризма, французского рационализма и личной веры Реформации он открыл престиж личности, дословно – «человеческой личности»².

Устанавливая связь между литературой и лингвистикой, Р. Барт признает в «Я» (личном местоимении) не человека, а субъект, который существует только в момент высказывания, только в тот момент, когда он «исполняет» язык, т. е. где он на него действует. Когда писатель пишет в романе «Я» («Я» рассказчика), то говорит не он, писатель, а сам язык через субъект, которого нет, следовательно, «Я» вне его изложения. Приведем в пример отрывок из текста Р. Барта, который с учетом предыдущих соображений дает в некотором роде определение текста:

Теперь мы знаем, что текст состоит не из ряда слов, испускающих одно-единственное значение в богословском смысле (которое было бы «посланием» Бога-Автора), а представляет собой пространство с множеством измерений, где различные писания объединяются и бросают вызов друг другу, ни одно из которых не является оригинальным: текст представляет собой паутину цитат, пришедших из тысячи центров культуры³.

Писатель собирает воедино смыслы, окружающие его, не опираясь на мысли, а выражая с их помощью себя.

Письмо – это нейтральность, это составное, это наклонность, от которой убегает наш субъект, черно-белое, где теряется всякая идентичность, начиная с идентичности тела, которое пишет.

И эта дистанция от автора имеет для текста очень важные последствия:

Дистанция от автора... – это не только исторический факт или акт письма: она полностью трансформирует современный текст⁴.

² См.: *Барт Р.* Указ. соч.

³ Там же. С. 53.

⁴ Там же. С. 357.

Автор действует на суть произведения, также действует на восприятие и, следовательно, на читателя. Произведение освобождает автора (которого Р. Барт предпочитает называть «писателем», чтобы обозначить дистанцию) от ограничений выражения, представляющего его внутреннюю сущность, поскольку жест письма есть не более чем жест записи, имеющий своим источником только сам язык, а не внутреннюю сущность автора. Интертекстуальность по Барту определяется как:

...текст – это интертекст; в нем на различных уровнях, в более или менее узнаваемых формах, присутствуют другие тексты: тексты предшествующей культуры и тексты окружающей среды; каждый текст представляет собой новую ткань утраченных цитат. Внутри текста перераспределяются фрагменты кодов, формулы, ритмические модели и элементы социального языка, поскольку вокруг текста всегда существует язык⁵.

Автор отмечает, что ни один человек не может присвоить себе форму речи, и ни одно слово автору не принадлежит, в литературе сформированы результаты речевой и творческой деятельности.

Концепция требует новых подходов к сложившимся традиционным представлениям об авторстве и его роли в процессе создания смысла. В отличие от классической литературной теории исследование Барта создает перспективу, расширяющую образ читателя, который взаимодействует с текстом. Системы искусственного интеллекта, особенно те, которые участвуют в создании контента, служат примером принципов интертекстуальности. Алгоритмы ИИ обучаются на обширных массивах данных, включающих различные источники информации – тексты, изображения и многое другое, что отражает своего рода цифровой интертекст. Когда ИИ генерирует новый контент, он черпает из этого обширного пула ранее существовавших материалов, создавая результаты, которые по своей сути интертекстуальны, поскольку являются рекомбинациями или реинтерпретациями данных, которые он поглотил [Wiloughby 2004].

Концепция «смерти автора», согласно нашему исследованию, может быть расширена до цифровой сферы, в частности ИИ. Цифровая сфера с ее огромной взаимосвязанностью и процессами, управляемыми данными, тесно связана с идеей Барта о том, что тексты не существуют изолированно, а являются частью более крупной сети смыслов.

⁵ Там же. С. 124.

Интермедиальность текста

О расширении сферы влияния текста за рамки литературы пишет в статье «Смерть автора» сам Барт: «Уже за рамками литературы как таковой (впрочем, ныне подобные разграничения уже изживают себя)»⁶. Ролан Барт не единственный автор того периода, применяющий к изображению понятие «текст» (это определяется как интермедиальность). Аргументы в теории интермедиальности творчества автор находит и у М. Фуко в его рассуждении на тему «Что такое автор?», озвученном на заседании французского философского общества в Колледж де Франс (1969). Понятие «текст» у Фуко выходит за рамки письменного слова и охватывает различные формы художественного выражения, включая визуальное искусство [Ожигова 2022]. Он утверждает, что оба вида искусства функционируют как тексты, требующие интерпретации, где смысл не выводится исключительно на поверхность, а возникает благодаря взаимодействию контекста, формы и опыта наблюдателя. Интермедиальность предполагает, что визуальные образы могут быть прочитаны по аналогии с поэзией, где слои смысла раскрываются в процессе вовлечения и созерцания. Примером расширения этих категорий может служить работа «Голубое перышко»⁷ художника Александра Кальдера, который использует алгоритмические системы для создания интерактивных инсталляций. Здесь авторство размывается: алгоритмы становятся соавторами, а зрители – активными участниками процесса интерпретации [Роуэр 2009]. Аналогично сосуществуют текст и визуальное в проекте «Слова» Ильи Кабакова. Текст становится не просто элементом произведения искусства, но активным агентом, вызывающим диалог и вовлекающим зрителя в процесс создания смысла. Анализируя другие творческие проекты И. Кабакова, в которых он исследует взаимодействие между словом и изображением, стоит отметить серию «Альбомы», в которой Кабаков использует характерные литературные элементы, такие как метафоры и аллегории, чтобы создать многослойные нарративы концептуального искусства, дополнив элементами юмора, проистекающими из советской реальности [Лазебникова 2009]. Текстовые фрагменты сопровождаются визуальными образами, что позволяет зрителям прямо воспринимать слова и изображения во взаимосвязи друг с другом. Проект подчеркивает

⁶ Там же. С. 317.

⁷ Голубое перышко (ок. 1948), окрашенный стальной лист, проволока, 106,7 × 139,7 × 45,7. Фонд Кальдера, Нью-Йорк © Calder Foundation, New York.

важность контекста и интерпретации: зрители могут находить различные смыслы в зависимости от своего личного опыта. Кабаков обращается к теме советской культуры, идентичности и понимания визуальных и текстовых структур, что делает проект актуальным и глубоким. Визуальные элементы могут варьироваться от простых графических решений до сложных инсталляций, создавая пространство для размышлений и диалога. Создание границ между текстом и изображением становится игнорированием диалогичности художественного высказывания. Современная культурная динамика транслирует расширение возможностей творчества и визуализации, а звенья создания творческого результата наделяются все большими составляющими.

Современная интермедийность характеризуется быстрым преобразованием текстовой информации в высококачественные визуальные произведения, во многом благодаря достижениям в области цифровых инструментов и искусственного интеллекта. Этот процесс позволяет беспрепятственно интегрировать текст, изображения и другие медиа, обеспечивая быстрое создание визуальных образов на основе текстовых данных, будь то визуализация данных, цифровое искусство или мультимедийные рассказы.

Анализ ключевых особенностей этой трансформации позволил выделить ее характерные черты:

- 1) автоматизация и эффективность: инструменты искусственного интеллекта могут генерировать сложные визуальные результаты из текста практически мгновенно, значительно сокращая время и опыт, необходимые для создания визуальной продукции. Это позволяет авторам превращать концепции, повествования и описания в изображения с беспрецедентной скоростью и точностью;
- 2) доступность: с помощью платформ, управляемых искусственным интеллектом, люди, не обладающие профессиональными художественными или техническими навыками, могут создавать высококачественные визуальные материалы. Этот факт создает новый подход к творческому процессу;
- 3) междисциплинарный синтез: смешение текстовых и визуальных форм отражает переход к мультимодальной коммуникации, когда традиционные границы между письменными и визуальными медиа все больше размываются. Это способствует созданию более богатых и динамичных форм повествования и представления данных.

Критическим текстом в этом поле служит работа В. Беньямина «Произведение искусства в эпоху механического воспроизводства», показывающая, как технологическое воспроизводство нарушает

ауру искусства, тем самым перестраивая культурный авторитет⁸. Конвергенция медиа становится местом, где оспариваются и переопределяются смыслы, иллюстрируя, что интермедialность – это не просто эстетический феномен, а механизм, с помощью которого обсуждаются и трансформируются отношения. Таким образом, взаимодействие с интермедialностью означает взаимодействие с теми структурами, которые управляют нашим пониманием искусства и культуры. В современном контексте интермедialность может быть рассмотрена в свете ИИ, как инструмента, способного обрабатывать и комбинировать различные медиаформы – текст, изображение, звук, и, интерпретируя, создавать. Это, безусловно, создает предпосылки к формированию критического восприятия и должной рефлексии читателя.

В настоящее время автор, часто используя технологии ИИ, производит работу, а читатели и зрители становятся все более активными, взаимодействуя с текстом [Manovich 2024]. В книге «Эстетика искусственного интеллекта» Лев Манович, современный исследователь медиакультуры, рассматривает концепцию соавторства между людьми и искусственным интеллектом, подчеркивая ее положительное воздействие на художественное производство и авторство в цифровую эпоху, дополняя традиционные форматы работы [Manovich 2019]. ИИ в его теории выступает в качестве партнера, при этом отмечается необходимость изучения и создания этических вопросов об авторстве, оригинальности и интеллектуальной собственности. Манович вводит положение «алгоритмического авторства», когда алгоритмы не только помогают, но и активно участвуют в творческом процессе. Этот сдвиг требует переоценки эстетических критериев и художественных достоинств, поскольку взаимодействие человеческого творчества и машинного обучения порождает гибридную форму авторства. Многие из аспектов совместных практик в современных медиа еще в процессе формирования.

Подобным вопросам посвящены исследования других авторов разных эпох, которые будут рассмотрены в контексте природы авторства, приглашая к критическому анализу последствий технологических изменений для современного дискурса цифровой культуры. Например, Б. Стиглер отмечает, что мы не просто пользователи технологий; мы формируемся под их влиянием глубокими способами, и необходимо всегда задаваться вопросами сущности того, что создаем мы сами [Stiegler, Crogan 2010].

⁸ См.: *Беньямин В.* Производство искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / Ред. Ю.А. Здоровый. М.: Медиум, 1996. 240 с.

Связь концепции Р. Барта и современного творчества с ИИ

В современном мире в диалоге между художником, текстом и зрителем появляется новый актер – искусственный интеллект. Теперь не только текст и изображения формируют восприятие, но и ИИ, который наделен функцией анализа, интерпретации и даже реконструкцией уже существующих значений. Это транслирует динамику процессов границ традиционного восприятия культурных и творческих результатов.

То, что действительно следовало бы сделать, так это определить пространство, которое вследствие исчезновения автора оказывается пустым, окинуть взглядом распределение лакун и разломов и выследить те свободные места и функции, которые этим исчезновением обнаруживаются⁹,

предположительно, в таком свободном месте и появилась технология ИИ, в позитивном смысле, как свободная форма диалога и генерирования идей [Wilson 2015]. В рамках треугольника Барта, где взаимодействуют «автор-скриптор», читатель и текст, можно представить более сложную модель, учитывающую влияние новых технологий. Предлагается визуализировать эту концепцию как квадрат взаимоотношений, добавляя в уравнение искусственный интеллект. Таким образом, в новом формате будут представлены четыре ключевых элемента: «автор-скриптор», искусственный интеллект, читатель и текст.

Начальные концепции искусственного интеллекта, сформировавшиеся в 1990-х гг., ограничивались представлениями об автоматизации когнитивных процессов. Однако в современном контексте искусственный интеллект занимает центральное место в культурной практике, существенно влияя на поведение, воображение и процесс принятия решений людьми и даже творческими группами. ИИ становится не просто инструментом, но и активным участником в создании значений и интерпретаций [Lievrouw 2006]. Он может генерировать текст, анализировать его и даже предлагать новые формы взаимодействия с читателем. Таким образом, квадрат взаимоотношений (автор, ИИ, читатель, текст)

⁹ Фуко М. Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества в Колледж де Франс под председательством Жана Валя (1969). URL: <https://project2144738.tilda.ws/> (дата обращения 27 августа 2024).

подчеркивает динамичность и многогранность современного авторства, где роли участников творческого процесса могут меняться и переплетаться, создавая новые возможности для творчества и понимания.

Современную иллюстрацию интеграции искусственного интеллекта в творческие рамки документального кино можно наблюдать в фокус-сериале «Последние кинозвезды» (реж. Итан Хоук, 2022). В этой работе исследуется сложная жизнь и карьера творческих личностей Пола Ньюмана и Джоан Вудворд. Хотя искусственный интеллект не является главным двигателем этого проекта, применение ИИ заявлено сценарной группой в анализе архивных материалов и интервью, что способствует, по их мнению, тонкой реконструкции их повествования [Sun 2024].

Проанализируем изменения в современном формате поиска текстовой и визуальной информации с позиции читателя. Эволюция поиска текстовой и визуальной информации в цифровую эпоху значительно изменила опыт читателя и его взаимодействие с контентом. Эту трансформацию можно проанализировать по нескольким ключевым параметрам: доступность, интерактивность, мультимодальность и последствия алгоритмического курирования [Manovich 2019].

Благодаря Интернету информация стала доступнее, чем когда-либо. Текст публикуется не только в рамках издательств или литературных объединений, текст появляется в общественных цифровых сетях, позволив появиться различным точкам зрения, дав свободу комментированию, развив новую общественную реакцию. Кроме того, переход от пассивного чтения к интерактивному взаимодействию дает пользователям активно конструировать смысл посредством нелинейной навигации по контенту (тексту и изображениям). Мультимодальный подход – сочетание текста, изображений (в контенте) – усложняет представление и понимание знаний. Кроме того, алгоритмическое курирование (рекомендуемые технологией материалы к просмотру) персонализирует контент на основе поведения пользователей, что может повысить релевантность и, одновременно с тем, вызывает вероятность развития «эхо-камер», механизмов адресного распределения информации для пользователей Интернета [Петров, Прончев 2022]. Исследования «эхо-камеры» в цифровой культуре часто пересекаются с исследованиями в области теории медиа, визуальной культуры и влияния технологий на общество. Понимание этой динамики крайне важно для того, чтобы ориентироваться в сложностях информации в современном цифровом ландшафте. Общество стало свидетелем того,

как социальные сети не только являются хранилищами текстов и изображений, но и активно формируют наш опыт, предлагая пользователям тщательно отобранные фотографии, видео, музыкальные произведения и даже людей для образования виртуального диалога [Willoughby 2004].

В настоящее время применение ИИ достигло масштабов, сопоставимых с индустриальными процессами. В этом контексте интеграция искусственного интеллекта в повседневную жизнь множества людей поднимает важные вопросы о будущем культуры и этики. Искусственный интеллект, как инструмент, может приводить к гомогенизации литературных голосов, что становится последствием более глубокой культурной трансформации [Yang 2009]. Эта трансформация затрагивает как авторов, так и читателей. В условиях алгоритмизированной литературы и искусства эмоциональная привязанность и критическая вовлеченность могут уменьшаться. Богатство глубокого взаимодействия с текстом необходимо развивать и поощрять. Чтобы стимулировать подлинное взаимодействие с текстами, авторы могут использовать стратегии, основанные на современной теории литературы и когнитивной науке¹⁰. В то же время процессы создания визуального творчества в соавторстве с литературными авторами имеют более глубокий смысл и отвечают критериям интертекстуальности. Взаимодействие с многочисленными слоями смысла через отсылки к другим произведениям повышает когнитивную вовлеченность. Кроме того, сложность повествования бросает вызов линейному повествованию, побуждая читателя к активному участию, когда он ориентируется в запутанных структурах.

Таким образом, наблюдается не только изменение в производстве контента, но и перестройка отношений между автором, текстом и читателем, что ставит вопросы о природе творчества и влиянии технологий на восприятие литературы и творчества в современном обществе.

Заключение

Исследование концепции Ролана Барта о «смерти автора» дает многогранный ответ на вопрос о применимости и актуальности

¹⁰ Latour B. Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts // *Shaping technology/building society: studies in sociotechnical change* / Ed. by W.E. Bijker, J. Law. London; Cambridge, MIT Press, 1992. P. 225–259.

теории в современные дни. Оно фиксирует акторов литературного процесса написания текстов, где существует три стороны: автор, читатель и текст. Барт подробно описывает способ производства текста, выделяет особенное состояние идентичности и наделяет особенной ролью читателя в его восприятии литературы. Расширение «треугольника Барта» позволяет рассмотреть увеличение сторон, участвующих в творческом производстве, до четырех: автор, ИИ, текст, читатель. В этом контексте интертекстуальность рассмотрена как выход за рамки человеческого авторства и включение процессов машинного обучения. ИИ функционирует как новый «читатель» и «писатель» текстов, рекомбинируя фрагменты созданного человеком контента новыми способами, часто без явного авторства или намерения. На примерах практических творческих результатов ИИ рассматривается как часть современной интертекстуальности, поскольку он одновременно использует и генерирует тексты, которые формируются на основе существующих цифровых данных, размывая границу между человеческим и машинным дискурсом.

Обращаясь к тексту в настоящем, мы понимаем, почему тезис Барта о «смерти автора» применим на современном этапе цифровизации процессов творчества и культуры. Поскольку технологии искусственного интеллекта все чаще функционируют как генеративные инструменты, они бросают вызов традиционным представлениям об оригинальности автора или оригинальности ИИ.

Интермедийность текста становится актуальным вопросом современности, ведь текст близок к действию, а действие граничит с видимым. Появление ИИ в качестве «дискурсивного агента» усложняет существующие рамки и предлагает переосмыслить динамику между создателем, творчеством и интерпретацией в развивающейся сфере литературы и за ее пределами.

Источники

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс: Универс, 1994.
- Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе / Ред. Ю.А. Здравый. М.: Медиум, 1996. 240 с.
- Фуко М.* Что такое автор? Выступление на заседании Французского философского общества в Колледж де Франс под председательством Жана Валя. (1969). URL: <https://project2144738.tilda.ws/> (дата обращения 27 августа 2024).
- Latour B.* Where are the missing masses? The sociology of a few mundane artifacts // Shaping technology/building society: studies in sociotechnical change / Ed. by W.E. Bijker, J. Law. London: Cambridge, MIT Press, 1992. P. 225–259.

Литература

- Лазебникова 2009 – *Лазебникова И.В.* Концептуальные альбомы 1970-х годов: Илья Кабаков и Виктор Пивоваров // Вестник Челябинского гуманитарного университета. Филология. Искусствоведение. 2009. № 22 (160). С. 169–176.
- Ожигова 2022 – *Ожигова М.М.* Категория автора в исследованиях Мишеля Фуко: литературоведческий аспект // Филологический класс. 2022. Т. 27. № 4. С. 88–98.
- Петров, Прончев 2022 – *Петров А.П., Прончев Г.Б.* Динамическая модель дискуссии пользователей новостных онлайн-новых массмедиа // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2022. № 54–55. С. 104–128.
- Роуэр 2009 – *Роуэр А.* Александр Кальдер. Воздушные скульптуры // Журнал Третьяковская галерея. 2009. № 4 (25). URL: <https://www.tg-m.ru/articles/4-2009-25/vozdushnye-skulptury> (дата обращения 25 августа 2024).
- Lievrouw 2006 – *Lievrouw L.A.* New media design and development: Diffusion of innovations v. social shaping of technology // The Handbook of New Media. California: Sage Publishing, 2006. P. 246–265.
- Manovich 2019 – *Manovich L.* AI aesthetics. Moscow: Strelka Press, 2019. 57 p.
- Manovich 2024 – *Manovich L.* Make it new: GenAI, modernism, and database art. URL: <https://manovich.net/index.php/projects/make-it-new-genai-modernism-and-database-art> (дата обращения 27 августа 2024).
- Stiegler, Crogan 2010 – *Stiegler B., Crogan P.* Knowledge, care and trans-individuation: An interview with Bernard Stiegler // Cultural Politics an international journal. 2010. No. 6 (2). P. 157–170.
- Sun 2024 – *Sun P.* A study of artificial intelligence in the production of film // SHS Web of Conferences. 2024. No. 3. URL: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/03/shsconf_icpahd2024_03004.pdf (дата обращения 27 августа 2024).
- Willoughby 2004 – *Willoughby K.W.* Technological semantics and technological practice: Lessons from an enigmatic episode in Twentieth-century technology studies // Knowledge, Technology & Policy. 2004. No. 17 (3). P. 11–43.
- Wilson 2015 – *Wilson M.* How should we speak about art and technology? // Crossings: Journal of Art and Technology. 2015. Vol. 1. URL: <http://crossings.tcd.ie/issues/1.1/Wilson/> (дата обращения 27 августа 2024).
- Yang 2009 – *Yang G.* The internet as a cultural form: Technology and the human condition in China // Knowledge, Technology & Policy. 2009. No. 22 (2). P. 109–115.

References

- Lazebnikova, I.V. (2009), "Conceptual Albums of the 1970s. Ilya Kabakov and Viktor Pivovarov", *Bulletin of Chelyabinsk State University, Philology, Art Studies*, no. 22 (160), pp. 169–176.
- Lievrouw, L.A. (2006), "New media design and development: Diffusion of innovations v. social shaping of technology", *The Handbook of New Media*, Sage Publishing, California, USA, pp. 246–265.
- Manovich, L. (2019), *AI aesthetics*, Strelka Press, Moscow, Russia.
- Manovich, L. (2024), "Make it new: GenAI, modernism, and database art", available at: <https://manovich.net/index.php/projects/make-it-new-genai-modernism-and-database-art> (Accessed 27 August 2024).
- Ozhigova, M.M. (2022), "The Category of 'Author' in the studies of Michel Foucault", *Philological Class*, no. 27 (4), pp. 88–98.
- Petrov, A.P. and Pronchev, G.B. (2022), "Dynamical model of conversation of users of online news media", *Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*, no. 54–55, pp. 104–128.
- Rower, A. (2009), "Calder. Sculpturor of Air", *Tretyakov Gallery Magazine*, no. 4 (25), available at: <https://www.tg-m.ru/articles/4-2009-25/vozdushnye-skulptury> (Accessed 25 August 2024).
- Stiegler, B. and Crogan, P. (2010), "Knowledge, care and trans-individuation: An interview with Bernard Stiegler", *Cultural Politics an international journal*, no. 6 (2), pp. 157–170.
- Sun, P. (2024), "A study of artificial intelligence in the production of film", *SHS Web of Conferences*, no. 3, available at: https://www.shs-conferences.org/articles/shsconf/pdf/2024/03/shsconf_icpahd2024_03004.pdf (Accessed 27 August 2024).
- Willoughby, K.W. (2004), "Technological semantics and technological practice: Lessons from an enigmatic episode in twentieth-century technology studies", *Knowledge, Technology & Policy*, no. 17 (3), pp. 11–43.
- Wilson, M. (2015), "How should we speak about art and technology?", *Crossings: Journal of Art and Technology*, vol. 1, available at: <http://crossings.tcd.ie/issues/1.1/Wilson/> (Accessed 27 August 2024).
- Yang, G. (2009), "The internet as a cultural form: Technology and the human condition in China", *Knowledge, Technology & Policy*, no. 22 (2), pp. 109–115.

Информация об авторах

Ариана В. Прыгунова, соискатель, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; arianaonline@yandex.ru

Николай В. Литвак, доктор социологических наук, профессор, МГИМО-Университет МИД России, Москва, Россия; 119454, Россия, Москва, проспект Вернадского, д. 76; koloc1918@mail.ru

Information about the authors

Ariana V. Prygunova, applicant, MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454; arianaonline@yandex.ru

Nikolai V. Litvak, Dr. of Sci. (Sociology), professor, MGIMO-University of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia; bld. 76, Vernadsky Avenue, Moscow, Russia, 119454; koloc1918@mail.ru

Нейросетевые изображения и насилие взгляда по Дитмару Камперу

Александр В. Марков

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, markovius@gmail.com*

Оксана А. Штайн

*Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия, shtaynshtayn@gmail.com*

Аннотация. Немецкий теоретик медиа Дитмар Кампер соединил подходы Лакана и Лейбница, критикуя симулятивность и насилие образов. Цифровая симуляция для него означает исчерпание возможностей воображения и полагания Другого, так что реальность сможет только предъявлять себя и тем самым навязывать все новые картины мира. Но мысль Кампера не подразумевает неразличимости в цифровом мире: возможны техники взгляда, которые не могут быть исчерпаны как готовая образность. Исходя из этого, можно уточнить специфику изображений, созданных искусственным интеллектом. Это изображения не столько комбинирующие, сколько предъявляющие особую технику взгляда внутри уже начавшейся коммуникации. Если понимать создание таких изображений как диалог, то тогда эти изображения будут не только эвристически целесообразны, но и вдохновенны.

Ключевые слова: искусственный интеллект, визуальное, насилие, образ, образность, социальный опыт, Лакан, медиатеория

Для цитирования: Марков А.В., Штайн О.А. Нейросетевые изображения и насилие взгляда по Дитмару Камперу // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 101–110. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-101-110

AI-images and gaze violence according to Dietmar Kamper

Aleksandr V. Markov

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, markovius@gmail.com*

Oksana A. Shtayn

*Ural Federal University
Yekaterinburg, Russia, shtaynshtayn@gmail.com*

Abstract. The German media theorist Dietmar Kamper conflated the approaches of Lacan and Leibniz, criticizing the simulacrum and violence of imagery. For him, digital simulation implies the exhaustion of imagination and of the assumption of the Other, so that reality will only be able to present itself and thereby compel ever new pictures of the world. But Kamper's thought does not imply indistinguishability in the digital world: there are possible techniques of looking that cannot be depleted as ready-made imagery. With that in mind, we can refine the specific nature of images created by AI. The images are not so much combinations, but rather present a specific gaze technique within the communication that has already begun. If we understand the development of such images as a dialog, then the images will not only be appropriate, but also inspired.

Keywords: artificial intelligence, visual, violence, image, image, social experience, Lacan, media theory

For citation: Markov, A.V. and Shtayn, O.A. (2025), "AI-images and gaze violence according to Dietmar Kamper", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 101–110, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-101-110

Дитмар Кампер (1936–2001) принадлежит к тому же роду немецких теоретиков искусства и медиа, что и Фридрих Киттлер (1943–2011) и Зигфрид Цилински (р. 1951). Все они, начав с герменевтики текста и исследования социальных полей производства и потребления искусства, адаптировали к своему материалу подход Мишеля Фуко, обращаясь иногда и к другим достижениям французской теории, таким авторам, как Альтюссер, Лиотар и Делёз. Из Фуко все эти мыслители восприняли идею машины насилия, но распространили ее и на микрофизику медийных механизмов. Их интересовало не только как действуют идеологические аппараты насилия, но как сами техники производства, например, прямая

перспектива, масляная живопись, фотографический объектив или телевизионная трансляция, осуществляют систематическое насилие над взглядом и восприятием. Это насилие толковалось как постоянное и механизированное, как автоматизация давления, регулярное его повторение, – и тогда идеологические аппараты оказывались как бы встроены между какими-то двумя аппаратами технологий, например, пропаганда оказывалась между полицейской фиксацией лица фотоаппаратом и магией кинематографа. Сами медиа, в чем согласны Кампер, Киттлер и Цилински, не идеологичны; но зазор между ними в технологическом прогрессе и оказывается местом осуществления идеологии и власти.

Кампер был продуктивным автором, но его ключевой работой стало исследование способности воображения¹ через призму фукольдских *эпистем*. В этом труде он заявил, что понятие фантазии несколько раз меняло свой фокус: в возрожденческой эпистеме фантазия была материалом, роскошью, фантазийным как избыточным. В классицистической эпистеме фантазия стала порядком познания, формой моделирования, способом прорываться к неизвестному. Наконец, в современной эпистеме фантазия – это компенсаторная способность, способность восполнять нехватку представлений или эмоций. В этой схеме Кампера фантазия всегда визуальна, она имеет в виду некоторую картинку со своими очертаниями, так что мы всегда отличаем фантазийное от реального по конфигурации и месту. Это отличается от подхода к фантазии, который развивался во французской теории под влиянием Лакана, для которого фантазийное вовсе не обязательно визуально: фантазия или фантазм репрезентирует себя, предъявляет себя, но вовсе не обязательно визуализует себя.

Наоборот, в системе Лакана если что-то представляется нам вполне реальным, мы уже не визуализуем это, но принимаем это представление как данность, даже если оно ложно. Если нам представляется, что наш сосед злоумышляет против нас, мы вовсе не визуализуем его злой умысел, но начинаем что-то делать, чтобы как-то справиться с этим злым умыслом. Такой подход Лакана хорошо обозначен и в статьях Phantasia Жана-Луи Лабарьера и Fancу Жана-Пьера Клеро в «Европейском словаре философий»². Напомним, что в знаменитой триаде Лакана *Реальное-Символическое-Воображаемое* визуализация возникает только в связке (коль-

¹ Kamper D. Zur Geschichte der Einbildungskraft. München: Carl Hanser, 1981. 302 S.

² Vocabulaire européen des philosophies: Le dictionnaire des intraduisibles / B. Cassin (ed.) Paris: Seuil, 2004. 1530 p.

цах Борромео) всех этих трех вещей, когда мы что-то принимаем за призрак или за вещь как она есть: а так Реальное описывается психологией восприятия, Символическое – семиотикой, а Воображаемое – экономикой представления, и эти дисциплины вовсе не нуждаются в визуальном сопровождении, работая с функциями и отношениями.

Из понимания визуального как фантазийного у Кампера прямо следует понимание готового образа как насилия. В готовом образе те самые контуры и топоры визуализации оказываются жестко связаны *им самим же*; образ тогда выступает не столько как момент присутствия, сколько как момент навязывания своего присутствия. Это навязывание может быть реципрокным, например, в ответ на навязанное образом присутствие фотографии мы можем предъявить и даже навязать свою репутацию. Но Кампера в статьях, объединенных благодаря усилиям В.В. Савчука в книгу³, интересует как раз *неравновесие* таких навязываний, избыточность образов и атака образов. Исследователи Кампера обычно указывают [Neilmair, Junior 2019, p. 146–147], что это своеобразное исследование судьбы европейского нигилизма противоположно антропологии образа Ханса Белтинга, у которого образ никогда не может совпасть со своим контуром прагматического насилия, а равно как и теории образов Вилема Флюссера, для которого абстрагирование как редукция к миру чистого насилия связано с изобретением средств абстрагирования, начиная с письменности. Кампер в ценностных предпосылках согласен с Флюссером, но для него абстрагирование происходит изнутри самого образа, а не усилий по созданию медийных средств – что сразу заставляет вспомнить о *монадах* Лейбница, развертывающих свое сознание (и даже свою бессознательность) изнутри, о чем мы скажем далее.

Согласно Камперу, такое насилие образов создало в современном мире тотальный фронт, в котором картина мира, как сумма всех заявивших о себе, предъявивших себя образов, направляет мышление:

Сегодня участь мира принадлежит картинам мира; установлено, что они уничтожают телесность через абстракцию. Мышление должно саботировать эту участь, а именно: ради тела, то есть для тела, поскольку оно не есть образ, и для образов, поскольку они существуют физически⁴.

³ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей / Сост., пер. В. Савчук. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитар. академии, 2010. 174 с.

⁴ Там же. С. 102.

Таким образом, сопротивление возможно только телом, которое предъявило себя как живое. Кампер считал, что медиа устремлены к неразличению живого и неживого тела, человеческого тела и манекена. Даже если на отдельной бытовой фотографии мы различаем живое и неживое тело, то например, спецэффекты в кинематографе или же условия рекламной фотосъемки ведут к такому неразличению. Поэтому предъявление тела как живого оказывается единственной точкой, где *перестает действовать* контур образа, топологическая разметка. Например, улыбка или взгляд *замещает* лицо, живо на нас смотрит.

Цифровая культура, по Камперу, создает образ смерти, как единственный образ пребывания себя в качестве источника всех разграничений, средства, устанавливающего контуры вещей и представлений о них:

В качестве такой, она есть образ мёртвого Бога и больше ничего. Она больше не является никакой аналогией, но в возможности цифровых образов есть индифферентный двойник *homo significans erectus*, прямоходящие означающие. Каждый человек есть монада столь же большая, как универсум технических образов. Это теневая сторона тела, полностью ставшего образом⁵.

В такой тени взгляд и улыбка только цифра, и такая цифра исчерпана своей знаковой стороной и значением.

Тем самым, Кампер вводит понятие Лакана о Символическом, но понимает Символическое как исчерпывающее свой же смысл. Замечательно, что он берет термин Лейбница *монада*, но имеет в виду только монаду, по Лейбницу, обладающую *перцепцией*, то есть удерживающую собственные качества в их актуализации. Но Лейбниц говорил и об *апперцепции* внутри разумных монад, благодаря чему они познают вечные истины, – и мир как совокупность монад познает Бога. Кажется, что Кампер, соединяя Лакана и Лейбница, говорит о судьбе минералов и растений по Лейбницу, которые обладают мышлением, но бессознательным, постоянно спят. Для Лейбница это означает только то, что эти минеральные и растительные монады открывают истину механической необходимости, тогда как для Кампера цифровые образы прорываются от сновидения, как постоянного насилия образов, к картине мира, как мертвой тотальной символизации происходящего.

При этом лакановский термин «воображаемое» тоже есть у Кампера, но в значении, далеком от Лакана. Так Кампер называет

⁵ Там же. С. 100.

не момент тотализации, а момент индивидуализации цифрового образа, собственно, превращения его в монаду:

Тело, которое в качестве трупа делает карьеру, питает Воображаемое и влечет за собой образ человека, продвигающийся в фатальную вечность. Знаменитость объявлена, навсегда. Живое тело, которое может жить и умирать, напротив, выходит из употребления. Оно принадлежит конкретному месту и времени, чувству близости ошупи и внимающему чувствуванию⁶.

Тем самым, славный образ, тело-манекен-труп, создает некоторую мнимую апперцепцию, которая и оборачивается движением в фатальную вечность.

Но именно исходные предпосылки Кампера заставляют поставить вопрос, а существуют ли способы возвращения к Реальному, в котором фантазия освобождается от дихотомии тотализации и индивидуализации? Кампер дает подсказки, которые работают там, где мы вспоминаем современные изображения, созданные искусственным интеллектом.

Когда мы смотрим рекламу, например, клипы на телефоне, среди многих лиц непременно мелькнет лицо, которое мы назовем родным. Родное лицо идентифицируется через родовую ситуацию (например, ужин или поездка на автомобиле), но и через первичное различие, что какое-то лицо более «узнаваемо», чем другое. Свести это узнавание только к симуляции, манипуляции навязчивыми сходствами или случайному совпадению свойств невозможно – да, здесь включаются когнитивные механизмы опознания, но само это рекламное изображение не есть только симулякр. В нем можно увидеть и отблеск Другого, как постоянно ускользающего от нас, убегающего, отказывающегося от того, чтобы нас учреждать, позволяющего нам учредить самих себя.

Изображения, созданные искусственным интеллектом, также обладают этим свойством ускользания. Они создаются как комбинирование стилей, то есть большого массива изображений, обладающих общими визуальными, а не репрезентативными свойствами. Например, море будет создано на основе многих туристических фотографий моря. При этом взгляд туриста будет продолжать присутствовать, но уже не как взгляд потребителя, а взгляд Другого, который не вовлекает нас в туристическое приключение, но позволяет смотреть и на свой быт как на часть приключения, более свободного, чем наши предыдущие приключения.

⁶ Там же. С. 89.

Очень хорошо Дитмар Кампер увидел такое рождение стиля Другого в философии Гегеля, в противовес всеобщей эмпатии у романтиков. Романтики мыслили изображения как арабески, как игру воображения, в которой наше сознание узнает свои возможности. Но для Гегеля возможность смыкается с актом абстрагирования, именно для того, чтобы конкретность нашего бытия в конце концов была воссоздана конкретностью Духа. Поэтому для Гегеля фантазия и есть разум, способный соединять внутреннее и внешнее, превращать всеобщее и во внешнюю оболочку вещей, и во внутреннее переживание их сущности⁷.

В другой статье Кампер противопоставил *фантазию* Гегеля, как активную творящую силу, в которой конкретность возвращает нам наше духовное бытие как бы со спины, и *воображаемое* романтиков, которое макабрично.

Сам к себе приходящий в Воображаемом Дух есть способ мёртвого Бога, который через высвобождение мира и через новое искусственное небо идёт к господству⁸.

Согласно Камперу, воображаемое создает особый режим испуга, вроде испуга при виде мертвого тела, и этот испуг зрителем и принимается за обретение альтер-эго, некоего другого.

Тогда можно сказать, что картинки, созданные искусственным интеллектом, могут действовать в самом общем режиме *воображаемого*, когда мы их выбираем, работаем промпт-инженерами – мы находим то необычное сочетание образов, в котором сознание узнает свои возможности. Но когда картинка нас очаровывает, мы уже действуем исходя из *фантазии* Гегеля – мы принимаем наше сознание как свободно принятое другим сознанием. Например, мы трактуем взгляд изображенного на такой картинке человека как доброжелательный, фантазируем и тем самым смотрим, как наша доброжелательность позволяет нам принять еще некоторое число картинок как *вдохновляющих*.

Предвестием картинок, созданных искусственным интеллектом, можно считать фантазийное общение с использованием эмодзи. Когда мы употребляем эмодзи, мы создаем наш собственный эмоциональный профиль, который приемлем для другого. Мы фантазируем о себе, например, что сейчас нам очень смешно, а сейчас – очень больно. Но наш собеседник считывает это как наш характер, наш профиль, и соответственно, продолжает общение с нами – ему приятно общаться с веселым человеком.

⁷ Там же. С. 37.

⁸ Там же. С. 89.

Тогда картинки, созданные искусственным интеллектом – это переход на следующий уровень: другой здесь считывает не наш характер и его настроения, но саму нашу настроенность на восприятие окружающего современного мира. Раньше эту настроенность можно было считать, например, побывав у человека в гостях, теперь она считывается просто благодаря такому общению в картинках, где интерьер переживаний представлен как экстерьер внимания. Интерьер переживаний остается с нами, а представление его и есть *снятие*, синтез, полагающий и меня как Другого Другого.

Образ сетки и сети, как и образ паутины, не только становится основным в обсуждении цифровой коммуникации, но и ловушкой, как будто не оставляющей ничего нам кроме тотализации и индивидуализации. Современная социальная реальность тогда воспринимается как дискурс, представленный через текст, и кажется, когда Кампер говорит о теле и монадах, он сообщает только об этом. Но как только он начинает рассуждать о Гегеле, он вдруг начинает понимать Другого иначе. Это уже не упрощенное лейбницианство, из которого убраны монады разумные, обладающие апперцепцией, а оставлено только подчинение монад верховной монаде – но вполне развернутое гегельянство, в котором Другой и есть синтез, результат *снятия*.

Ведь текстовое общение в Сети – экспрессия не только языковая, но и визуальная, не только визуальные контуры, но как раз пробелы между такими контурами, чистые моменты перцепции своего настроения в общении и одновременно апперцепции чужого настроения. Множество смайликов и скобочек образуют характер и настроение автора, который привлекает внимание в ходе диалога, но и позволяет общению стать тем самым экстерьером внимания. Уже не *тотализующей образностью*, а особой *настроенностью на перформанс*. Другой, принимая нашу настроенность, позволяет нам превратить свою настроенность в синтез внимания и вызывающих внимание знаков. Это и есть перформативность индивидуальная, на коллективном уровне работающая как трансформативность, гегельянское *снятие*.

Картинка, созданная с участием ИИ, может облачить, но не может разоблачить. Можно сопоставить это с тем, как изучается архаика в структурной антропологии: между вещами и топосами нет строгой границы, между «лесным человеком» и «лесом». «Лесной человек» – это не понятие родовое или видовое, а это способ разметки топоса, который оборачивается новым топосом. Перформативность может регулировать отношения между топосами, архаический перформанс (магический ритуал или кукольный театр) может предъявить существо как топос, создав первичный синтез.

Вместо системы топосов-мест философский текст предполагает диалог, некое «мы» как совместность, совмещение мест, и тем самым создает уже вторичные синтезы. Мы способны понимать друг друга, существуя в совместном пространстве. Можно находиться в совместности профессиональном, субкультуральном, межличностном, интимно-близком. Социальное и персональное переплетаются в таком синхронизированном присутствии отсутствия, и синхронизация, как и конструирование новых изображений с помощью искусственного интеллекта, не может помешать синтезу.

Таким образом, подход Кампера может не только иметь в виду Символическое как исчерпанное и Воображаемое как случайное, но и Реальное как *трансформативное*, как не просто предъявившее себя нам, но уже изменившее ситуацию, примерно как смайлик меняет и содержание, и прагматику сообщения, когда мы втянуты в общение, а не просто считываем отдельные слова и знаки. Реальность как дистанция между образом и изображением – ссылка на то, что за аватарной публичностью скрывается теплое хрупкое Я. Искусственный интеллект может раскрыть это Я человека и не может до конца его разрушить.

Источники

Кампер Д. Тело. Насилие. Боль: Сборник статей / Сост., пер. В. Савчук. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитар. академии, 2010. 174 с.

Kamper D. Zur Geschichte der Einbildungskraft. München: Carl Hanser, 1981. 302 S.
Vocabulaire européen des philosophies: Le dictionnaire des intraduisibles / B. Cassin (ed.). Paris: Seuil, 2004. 1530 p.

Литература

Heilmair, Junior 2019 – *Heilmair A.F., Junior N.B.* The image as the body's other: considerations on image Anthropology in Hans Belting and Dietmar Kamper // *Matrizes*. 2019. Vol. 13. No. 3. P. 139–159.

Reference

Heilmair, A.F. and Junior, N.B. (2019), "The image as the body's other: considerations on image Anthropology in Hans Belting and Dietmar Kamper", *Matrizes*, vol. 13, no. 3, pp. 139–159.

Информация об авторах

Александр В. Марков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская площадь, д. 6; markovius@gmail.com

Оксана А. Штайн, кандидат философских наук, доцент, Уральский федеральный университет, Екатеринбург, Россия; 620083, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51; shtaynshtayn@gmail.com

Information about the authors

Aleksandr V. Markov, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125047; markovius@gmail.com

Oksana A. Shtayn, Cand. of Sci. (Philosophy), associate professor, Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia; bld. 51, Lenin Avenue, Yekaterinburg, Russia, 620083; shtaynshtayn@gmail.com

Конструктивизм и цифровой скульптинг

Сыцзя Люй

*Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна
Санкт-Петербург, Россия, lvsijia855@gmail.com*

Аннотация. Благодаря слиянию современного искусства и технологий цифровая скульптура постепенно становится важной областью исторических исследований современного искусства. Как новая форма художественного выражения, цифровая скульптура находится в периоде концептуализации и отделения от традиционной скульптуры. В статье анализируется влияние конструктивизма на формирование форм цифровой скульптуры; например, работы цифровых художников Джамы Джурабаева и Сюй Чжэлуна отражают применение конструктивистских принципов в цифровой скульптуре. Благодаря использованию цифровых технологий их работы деконструируют и реорганизуют форму и пространство традиционной скульптуры, создавая цифровые скульптуры с ощущением динамизма и интерактивности. Эти работы не только демонстрируют точность и гибкость цифровых технологий, но и отражают конструктивистскую концепцию социального конструирования знаний и форм искусства. В контексте цифровой эпохи цифровая скульптура – это комплексная форма искусства, объединяющая в себе темпоральность и динамизм, которая не только бросает вызов созданию и восприятию традиционной скульптуры, но и предоставляет художникам неограниченные творческие возможности и экспериментальное пространство. С непрерывным прогрессом цифровых технологий цифровая скульптура будет продолжать исследовать новые художественные выражения и концепции, приводя новые изменения и развитие в современное искусство.

Ключевые слова: конструктивизм, цифровая скульптура, принципы формообразования, цифровые художники

Для цитирования: Люй С. Конструктивизм и цифровой скульптинг // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 111–121. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-111-121

Constructivism and digital sculpting

Sijia Lui

*Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
Saint Petersburg, Russia, lvsijia855@gmail.com*

Abstract. Through the fusion of modern art and technology, digital sculpture is gradually becoming an important area of historical research of modern art. As a new form of artistic expression, digital sculpture is in a period of conceptualization and separation from traditional sculpture. The article analyzes the influence of constructivism on the formation of digital sculpture forms; for example, the works of digital artists Jama Dzhurabaev and Xu Zhelong reflect the application of constructivist principles in digital sculpture.

Through the use of digital technology, their work deconstructs and reorganizes the form and space of traditional sculpture, creating digital sculptures with a sense of dynamism and interactivity. The works not only demonstrate the precision and flexibility of digital technology, but also reflect a constructivist conception of the social construction of knowledge and art forms. In the context of the digital age, digital sculpture is a complex art form that combines temporality and dynamism, which not only challenges the creation and perception of traditional sculpture, but also provides artists with unlimited creative possibilities and experimental space. With the continuous progress of digital technology, digital sculpture will continue to explore new artistic expressions and concepts, bringing new changes and development to contemporary art.

Keywords: constructivism, digital sculpture, principles of shaping, digital artists

For citation: Lui, S. (2025), "Constructivism and digital sculpting", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 111–121, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-111-121

Введение

Термин «конструктивизм» широко используется для описания стиля искусства, развившегося из кубизма. Одним из основных постулатов конструктивизма является сочетание высокой функциональности с художественной выразительностью, использование комбинаций различных элементов, разнообразие форм, трансформация и слияние промышленных материалов с искусством. Несмотря на то что конструктивизм зародился в прошлом веке, его результаты и методологические подходы продолжают

оказывать влияние на современную архитектуру, скульптуру, графический и промышленный дизайн, а также новые формы искусства.

Целью данной статьи выступает выявление закономерностей влияния конструктивизма на развитие цифровой скульптуры как специфического вида пластического искусства, произведения которого не имеют физически материального предметного объема и формы, создаются и существуют в виртуальном пространстве.

Вопросам влияния конструктивизма на современное искусство посвящено не так много исследований. В частности, работы китайских авторов рассматривают Ван Си-Ци [Ван 2021], Рен Янь и Цзян Бинь [Рен, Цзян 2018], Ян Яньфань [Ян 2022]. Также для написания данной статьи была чрезвычайно полезна работа российского искусствоведа и архитектора С.О. Хан-Магомедова о конструктивизме как концепции формообразования [Хан-Магомедов 2003], В.Г. Власова о стилистике конструктивизма¹, Н.В. Филичевой об эстетике художников-конструктивистов [Филичева 2001]. Между тем исследования, рассматривающие влияние конструктивизма на формообразование цифровой скульптуры, в научном поле отсутствуют.

Результаты и обсуждения

Конструктивизм, благодаря своему акценту на базовых геометрических формах и ограниченному и концентрированному использованию цвета, материалов, пространственных коллизий и сложностей для формирования простого и чистого визуального центра, несет в себе определенный магнетизм и внутреннюю силу, которые невозможно объяснить с помощью разума. Он связан с чувством пространства, напряжением, текстурой и композицией, а также с выражением впечатлений и обращением к бессознательному.

Конструктивизм как теоретическая система постепенно вырабатал ряд основных принципов, которые задают новые направления для художественного творчества в скульптурном искусстве. В частности, к этим принципам относятся:

а) Структурная стабильность

Конструктивизм подчеркивает стабильность и структурную устойчивость, монолитность внешнего облика [Хан-Магомедов 2003]. Примером может служить «Угловой контррельеф» В. Татлина (1914), линейные элементы которого излучают и пронизыва-

¹ Власов В.Г. Стили в искусстве: Словарь. Т. 3. СПб., 1995. С. 69–70.

ют основную структуру скульптуры, сочленяясь одним концом со стеной, а другим – с деревянным брусом [Чэнь, Чжан 2023, с. 83];

б) Трансформация и слияние промышленных материалов и искусства

В практике конструктивизма промышленные материалы получают новую жизнь и смысл. Художники открывают новые визуальные и сенсорные ощущения через реорганизацию промышленных материалов. Этот процесс изучения и расширения возможностей материалов не только обогащает визуальное выражение скульптуры, но и усиливает ее способность передавать эмоции [Ван 2021, с. 57]. Например, работы Владимира Татлина «сконструированы» из промышленных материалов, которые он четко определял как источник красоты сам по себе, а на практическом уровне заявлял, что традиционные художественные методы более не нужны. Скульптуры В. Татлина показывают, что нет ничего невозможного в том, чтобы создавать искусство непосредственно из материалов, которые рабочие используют каждый день – прямая противоположность традиционным техникам и концепциям скульптуры. Находясь под глубоким влиянием Пикассо, мастера кубизма, В. Татлин начал использовать промышленные материалы, такие как дерево, стекло и металл, для создания рельефных скульптур, считая, что искусство не только двумерно и трехмерно, но и пространственно. Его интерес был связан с изучением физических свойств материалов и их сочетаний, и чем глубже он в них погружался, тем больше чувствовал, что первое, что он должен сделать как художник, – ознакомиться с техникой работы с материалами. В 1914 г. он создал работу «Контррельеф в углу», призванную привлечь внимание к объектам в пространстве, свойствам материалов и их напряжению, ощущению объема. Впервые в истории искусства произведение существовало не для имитации или воспроизведения реальной жизни, а как самостоятельный объект, открывая миру конструктивизм В. Татлина [Рен, Цзян 2018, с. 74–81];

в) Композиционная свобода

Конструктивистская концепция пространства имеет ритмический метр, воплощающий движение через повторяющуюся линейность, а также криволинейные формы [Чэнь, Чжан 2023, с. 82]. Согласно этой концепции, скульптор исследует и использует физические свойства, расположение и сочетание материалов, обращая внимание на то, как скульптура существует в пространстве, включая отношения между скульптурным объектом и пространством. Например, инженерное образование Наума Габо сыграло важную роль в создании его скульптур. Структурный подход Н. Габо к искусству позволил ему организовывать

пространство без создания твердых объемов, формируя его за счет уменьшения массы конструкции до использования линий, плоскостей и абстрактных геометрических форм – принципов, которые лежат в основе его подхода [Белов и др. 2016, с. 76]. Таким образом, Н. Габо обнаружил, что рациональное расположение материалов позволяет создавать ощущение движения в пространстве. Опираясь на татлинский «Контррельеф в углу», он не только эстетизирует фактуру материалов, как это делал В. Татлин, но и формирует пространство с помощью этих материалов, и называет это ощущение движения, вызванное расположением материалов, «динамикой» пространства;

г) Использование геометрических форм

Конструктивизм подчеркивает использование основных геометрических форм, таких как круги, квадраты и прямые линии. Эти базовые геометрические формы производят простой и чистый визуальный эффект за счет столкновения и наложения, становясь центром внимания [Ян 2022, с. 61]. Простой визуальный эффект не только привлекает внимание зрителя, но и создает ощущение расширения пространства и усиливает пространственное восприятие скульптуры. Например, скульптурные работы Антуана Певзнера, помимо следования базовой блочной структуре, представлены главным образом в виде различных форм, сложным образом разворачивающихся в пространстве. Они либо разворачиваются, как вентиляторы, либо складываются в спирали, либо изгибаются, неоднократно меняя направление. Во многом работы Антуана Певзнера направлены не столько на выявление формы и фактуры объекта, но и на то, чтобы через это выявление реализовать простоту и чистоту его сущности;

д) Ограниченное и концентрированное использование цвета

В практике конструктивизма благодаря тщательному подбору и использованию цвета художник усиливает визуальный эффект скульптуры, делая ее более заметной и привлекающей внимание. В то же время ограниченное использование цвета позволяет зрителю больше сосредоточиться на форме, структуре и пространственных отношениях скульптуры, чтобы лучше понять и оценить ее [Ван 2021, с. 58]. Отказ от цвета ради достижения глубины композиции за счет фактуры и тона отстаивал в «Реалистическом манифесте» Антуан Певзнер вместе со своим братом Наумом Габо [Gabo, Pevsner 2017].

Революционная практика конструктивизма, оказавшая воздействие на скульптурное искусство, применима и к цифровой скульптуре. Конкретные принципы включают в себя:

1) акцент на стабильность конструкции;

- 2) отказ от цвета, т. е. ограниченное и концентрированное его использование;
- 3) отрицание массы в скульптуре: глубина композиции формируется через текстуру и тон и рассматривается как мера пространства;
- 4) отказ от объема, вместо этого – идея о том, что объемы могут быть созданы из плоских поверхностей;
- 5) отказ от статичных композиций и смелое использование геометрических форм; геометрические элементы становятся выражением скрытых в композиции сил, внутреннего напряжения.

Влияние конструктивизма на цифровую скульптуру прослеживается в работах цифрового художника Джама Джурабаева. Через серию его работ из глины мы видим сочетание традиционных скульптурных техник с современными цифровыми технологиями. Например, в своей работе «Охота», выполненной в программном обеспечении VR, Джама использует интуитивный художественный язык, передавая жесты и динамику животных с помощью техники абстрактного моделирования. Зритель сразу же узнает сцену охоты сокола, не отвлекаясь на посторонние предметы, – выразительный язык, демонстрирующий чистоту и непосредственность художественного замысла (рис. 1).

Рис. 1. Джама Джурабаев. Цифровая скульптура «Охота», 2020

Источник: <https://www.artstation.com/artwork/rRmmXE>

Джама Джурабаев не стремится к реалистичному отображению деталей или цвета, а, скорее, подчеркивает основной замысел

скульптуры, упрощая форму. При последующей обработке он использует программу Blender для симуляции физических свойств глины, в результате чего получается совершенно случайная текстура (рис. 2), что еще больше подчеркивает естественность и оригинальность работы. Кроме того, благодаря использованию «бокового света», возникает визуальный эффект наклона влево, что не только усиливает ощущение объема и мощи скульптуры, но придает ей ощущение динамики и пространственной глубины.

*Рис. 2. Джамал Джурабаев. Цифровые глиняные шейдеры (детали)
Цифровая скульптура «Охота», 2020*

Источник: <https://www.artstation.com/artwork/rRmmXE>

Таким образом, обращение Джамалы Джурабаева к основным принципам конструктивизма (отказ от объема, цвета, массы, статической композиции) позволяет в цифровой скульптуре создать ощущение глубины пространства, напряжения форм, фактуры и композиции.

Принципы конструктивизма, как отмечалось выше, предполагают также акценты на основных геометрических формах (таких как круги, квадраты, прямые линии и т. д.), а также ограниченное, но концентрированное использование цветов, благодаря чему формируется минималистский и чистый визуальный центр. Чаще всего в традиционной скульптуре это обеспечивается использованием абстрактной геометрии и стилизованных силуэтов. В цифровой скульптуре этот эффект чаще всего достигается путем создания абстрактных концептуальных цифровых скульптур. Например, в работе китайского цифрового скульптора Сюй Чжелуна «Сон ба-

бочки Чжуан-цзы» большое внимание уделяется таким элементам, как линии, силуэты и точки (рис. 3).

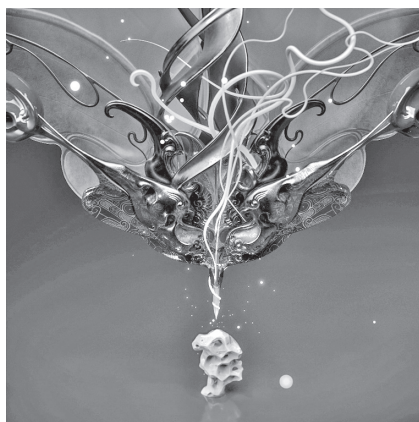

Рис. 3. Сюй Чжэлун. Цифровая скульптура
«Сон бабочки Чжуан-цзы», 2022

Источник: <https://www.artstation.com/artwork/xJkqyE>

Они становятся центрами силы и внутреннего напряжения, скрытого в композиции, но сами по себе не обладают функциональностью или описательностью. Сочетание этих простых геометрических элементов используется для рассказа философской притчи Чжуан-цзы, одного из самых известных философов древнего Китая, о распознавании реальности и иллюзии. Философу приснилась бабочка, и когда он проснулся, то понял, что он все еще Чжуан-цзы, однако задался вопросом: если ему снится, что он – бабочка, то может ли бабочке снится, что она – Чжуан-цзы?

Художник Сюй Чжелун обобщает и завершает образ бабочки с помощью абстрактных линий. Глубина пространства, ограниченность цветовой палитры и материалов сведены вместе, светящиеся точки и линии наслаиваются друг на друга, визуальнo вытягивая композицию сверху вниз и вперед, поддерживая ощущение пребывания в нереальном, фантазийном пространстве бытования древнего китайского философа.

Конструктивистский подход, возникший в первой четверти двадцатого века, был продолжен в формировании цифровой скульптуры. Этот подход подчеркивает использование основных геометрических форм, таких как круги, квадраты и линии, создавая

при этом простой и чистый визуальный язык через столкновение и ограниченное добавление цвета, материалов и пространства. Этот язык продолжается и развивается в цифровой скульптуре.

Цифровые скульпторы создали уникальный конструктивистский визуальный язык посредством рекомбинации и деформации основных геометрических форм, а также тщательного выбора и использования цветов, материалов и пространства. Этот язык не только лаконичен и понятен, но и полон оригинального и чистого художественного смысла. Он также позволяет людям увидеть скрытую красоту в цифровой скульптуре и почувствовать художественное очарование цифрового мира.

Хотя конструктивистский визуальный язык в цифровой скульптуре кажется простым на первый взгляд, на самом деле он содержит глубокую внутреннюю силу. Эта сила проистекает из тщательного понимания цифровыми скульпторами чувства пространства, напряжения, текстуры и композиции, а также их острого улавливания бессознательного притяжения. Благодаря умелому использованию этих элементов, произведения цифровой скульптуры обладают мощной притягательной и заразной силой. В заключение следует отметить, что цифровая скульптура не только наследует и расширяет языковую выразительность конструктивизма, но и непосредственно способствует развитию концепции скульптуры в XX в., а также является необходимой основной методологией в процессе развития цифровой скульптуры.

Литература

- Белов и др. 2016 – Белов М.И., Михайлова А.С., Надыршин Н.М. Творческий метод Наума Габо и его влияние на формообразование в архитектуре и искусстве // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета. 2016. № 18. С. 75–82.
- Ван 2021 – Ван Си-Ци. Влияние композиционизма на современный дизайн / Оценка искусства, 2021 (06): С. 57. 王司棋. 构成主义对现代设计的影响[C]. 设计艺术研究, 2021 (06): 57页.
- Рен, Цзян 2018 – Рен Янь, Цзян Бинь. Владимир Татлин мастер конструктивистской архитектуры / Обследование и проектирование в Китае, 2018 (08): С. 74–81. 任艳, 江滨. 弗拉基米尔·塔特林构成主义建筑大师[J]. 中国勘察设计, 2018 (8): 74–81页.
- Филичева 2001 – Филичева Н.В. К вопросу о художественном стиле 20–30-х гг. XX века в России и Западной Европе (конструктивизм) // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2001. № 2. С. 75–83.

- Хан-Магомедов 2003 – Хан-Магомедов С.О. Конструктивизм – концепция формообразования / (РААСН), НИИ теории архитектуры и градостроительства. М.: Стройиздат, 2003. 575 с.
- Чэнь, Чжан 2023 – Чэнь Юншуй, Чжан Вэньбо. От различий в пространственных концепциях к дифференциации форм: три ключа к пространственности конструктивистского искусства / 1994–2023 // Мировая архитектура. 2023 (02): С.083. 陈永帅, 张文波. 从空间观念差异到形式分化—构成主义艺术空间化的三条线索[C]. 世界建筑, 2023 (02): 83页.
- Ян 2022 – Ян Яньфань. Природа модернистского дизайна в свете конструктивизма // Обследование и проектирование в Китае. 2022 (02): С. 061. 杨艳芳. 从构成主义看现代主义设计的本质[C]. 中国勘察设计, 2022 (02): 061页.
- Gabo, Pevsner 2017 – Gabo N., Pevsner A. The Realistic Manifesto, 1920 // Russian art of the avant-garde theory and criticism 1902–1934 / Ed. and tr. by John E. Bowlt. London: Thames & Hudson, 2017. P. 208–214.

References

- Belov, M.I., Mikhailova, A.S. and Nadyrshin, N.M. (2016), “Creative method of Naum Gabo and his influence on the shaping of architecture and art”, *Izvestiya Kazanskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta*, no. 18, pp. 75–82.
- Chen', Yunshui and Chzhan, Ven'bo (2023), “From the differences in spatial concepts to the differentiation of forms. Three clues to the spatialization of constructivist art”, *Mirovaya arkhitektura*, no. 02, p. 083. 陈永帅, 张文波. 从空间观念差异到形式分化 – 构成主义艺术空间化的三条线索[C]. 世界建筑, 2023 (02): 83页.
- Gabo, N. and Pevsner, A. (2017), “The Realistic Manifesto, 1920”, J.E. Bowlt (ed., tr.), *Russian art of the avant-garde theory and criticism 1902–1934*, Thames & Hudson, London UK, pp. 208–214.
- Filicheva, N.V. (2001), “Questions about Russian and Western European art styles in the 1920s and 1930s (constructivism)”, *Nauchno-tehnicheskii vestnik informatsionnykh tekhnologii, mekhaniki i optiki*, no. 2, pp. 75–83.
- Khan-Magomedov, S.O. (2003), *Konstruktivizm – kontseptsiya formoobrazovaniya* [Constructivism – the concept of shaping], (RAASN), NII teorii arkhitektury i gradostroitel'stva, Stroiizdat, Moscow, Russia.
- Ren, Yan' and Tszyan, Bin' (2018), “Vladimir Tatlin Master of Constructivist Architecture”, *Obsledovanie i proektirovanie v Kitae* [Surveying and design in China], no. 8, p. 74. 任艳, 江滨. 弗拉基米尔·塔特林构成主义建筑大师[J]. 中国勘察设计, 2018 (8): 74 页.
- Van, Si-Tsi (2021), “The Influence of Compositionism on Modern Design”, *Otsenka iskusstva*, no. 6, p. 57. 王司棋. 构成主义对现代设计的影响[C]. 设计艺术研究, 2021 (06): 57 页.
- Yan, Yan'fan' (2022), “The Nature of Modernist in the light of constructivism. Design from Compositionism”, *Obsledovanie i proektirovanie v Kitae*, no. 02, p. 061. 杨艳芳. 从构成主义看现代主义设计的本质[C]. 中国勘察设计, 2022 (02): 061页.

Информация об авторе

Сыцзя Люй, аспирант, Санкт-Петербургский университет промышленных технологий и дизайна, Санкт-Петербург, Россия; 191186, Россия, Санкт-Петербург, Большая Морская ул., д. 18; lvsijia855@gmail.com

Information about the author

Sijia Lv, postgraduate student, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, Saint Petersburg, Russia; bld. 18, Bolshaya Morskaya Street, Saint Petersburg, Russia, 191186; lvsijia855@gmail.com

Музыкальный мир. Феноменологический анализ

Елена В. Косилова

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия,
implicatio@yandex.ru*

Аннотация. В статье вводится понятие музыкального мира в феноменологическом смысле слова. Любой мир имеет непосредственное отношение к субъекту, как и субъект к миру. Может быть физический мир, но и мир людей, и мысленный мир, и музыкальный мир. Одновременно субъект и живет в своем мире, и носит свой мир в себе. Акт любого понимания, в том числе музыкального, совершается через мир и посредством мира. В структуру любого мира входит данное, не-данное и ценности. Предлагается анализ структур музыкального мира. Это не музыкальные произведения, а музыкальные идеи, музыкальные смыслы. Единица музыкального смысла – музема. Примерами музем могут служить лад, мотив, мелодия, ритм. Ценности музыкального мира носят специфически музыкальный характер, например, предпочитаемые лады, интервалы. Описываются музыкальные миры двух типов: с преобладанием секунд и с преобладанием терций/кварт, что приводит к совершенно разной по духу музыке. Кроме того, важной характеристикой музыкального мира является конфликтность и динамичность. Они сопоставляются с характером мышления западного человека. Ставится вопрос, каким образом музыкальный мир субъекта может оказывать влияние на миры его отношений, мышления и т. п.

Ключевые слова: феноменология музыки, музыкальный мир, музыкальный субъект, музыкальные ценности, музыкальный лад, музема

Для цитирования: Косилова Е.В. Музыкальный мир. Феноменологический анализ // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2025. № 1. С. 122–142. DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-122-142

Musical World. Phenomenological analysis

Elena V. Kosilova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
implicatio@yandex.ru

Abstract. The article introduces the concept of musical world in the phenomenological sense. Any world has a direct relation to the subject, as well as the subject to the world. There can be a physical world, but also a world of people, a mental world, and a musical world. At the same time the subject both lives in its world and carries its world within itself. The act of any understanding, including musical understanding, is realized through the world and by means of the world. The structure of any world includes the given, the non-given and the values. An analysis of the structures of the musical world is offered. They are not musical pieces, but musical ideas, musical meanings. The unit of musical meaning is the museme. Examples of museme are harmony, motif, melody, rhythm. The values of the musical world are specifically musical, such as preferred harmonies, intervals. Two types of musical worlds are described: the seconds-dominated and the tercets/quarts-dominated, resulting in very different kinds of music. In addition, an important characteristic of the musical world is conflict and dynamism. They are juxtaposed with the nature of Western thinking. The question is raised how the subject's musical world can influence the worlds of his relationships, thinking, etc.

Keywords: phenomenology of music, musical world, musical subject, musical values, musical harmony, museme

For citation: Kosilova, E.V. (2025), "Musical World. Phenomenological analysis", *RSUH/RGGU Bulletin. "Philosophy. Sociology. Art Studies" Series*, no. 1, pp. 122–142, DOI: 10.28995/2073-6401-2025-1-122-142

Понятие мира

Что такое мир как философское понятие? Нас не будет здесь интересовать мир как вселенная, физический мир, земной мир. Нас будет интересовать, что такое тот мир, в котором мы живем.

Сразу приходит в голову «мирность мира» из гл. 3 «Бытия и времени» Хайдеггера¹. Но и она нам не подходит. Хайдеггер слишком большое внимание уделяет сущему в форме вещей, рассматривает «подручное» и в целом мир как пространственный. Эту

¹ Хайдеггер М. Бытие и время / Пер. В.В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997.

пространственность он толкует сложно: близость у него не физическая, а скорее практическая, выводимая из применения вещей. Но в его «мире» нет ни людей, ни чувств, ни мыслей. Понятие «музыкальный мир» в теорию Хайдеггера тоже вписать нельзя.

Может быть, «музыкальный мир» – это просто метафорическое употребление слова «мир»? Я так не думаю. В частности, обратимся к понятию «жизненный мир» у Гуссерля². Гуссерль определяет жизненный мир как предданное, далеко не сводящееся к вещам. «Мир есть единственный универсум само собой разумеющегося, которое дано заранее»³. Этот мир существует «в том числе со всеми науками, искусствами, со всеми социальными и персональными формами и институтами»⁴. В частности, Гуссерль все время подчеркивает интерсубъективность жизненного мира:

Он естественным образом заранее дан всем нам как отдельным лицам в горизонте нашей со-человечности, т. е. в каждом актуальном контакте с другими как «этот» мир, общий нам всем⁵.

И при этом «мир» у Гуссерля – это мир смыслов, именно смыслы передаются от одного человека к другому. Мир у Гуссерля – это то, что конституируется, как субъектом, так и общностью субъектов. При этом, в некотором смысле, сам мир тоже конституирует субъекта, делая это через других. В отличие от объективного идеального мира смыслов Г. Фреге, жизненный мир Гуссерля субъективен и интерсубъективен. Он и субъект взаимозависимы.

Например, каков мой жизненный мир, и даже просто – мой мир? Я живу в Москве, но мой мир – не Москва. Я приезжаю на работу в МГУ, но мой мир – не МГУ как здания. Мой мир – это философский факультет МГУ как институция, как совокупность людей и их действий. Это лекции, конференции, обсуждения. В мой жизненный мир входят и социальные сети, в которых также возникают важные обсуждения. В него входят тексты, которые я читаю, мысли, которые в этих текстах содержатся. Немного к этому добавляются и мои собственные мысли, а они основаны на моем опыте, моих переживаниях, поэтому мысли, опыт, переживания – это тоже мой мир. Едва ли не большая часть моего мира имеет мысленный характер.

² Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004.

³ Там же. С. 242.

⁴ Там же. С. 251.

⁵ Там же. С. 167.

Мысленный мир, разумеется, особенно интерсубъективен. Я могу в одиночестве пить чай, но рассуждать в одиночестве гораздо сложнее. Мысль может родиться в одинокой голове, но очень редко она может жить в ней. Мысли обычно живут в пространстве между головами. Они требуют речи, обмена, хотя бы письменного изложения. Мышление почти любого субъекта имеет социальную природу. Может быть, исключением являются субъекты с аутизмом, да и некоторые крайние интроверты, но их мало, большинство мыслителей к ним не относятся. Мы находимся как бы в окружении мысленных собеседников, даже когда пишем статью, даже когда пишем дневник. Наша интенциональность почти всегда триадическая: Я, мой интенциональный предмет и мой Другой.

Сказав эту важную вещь о жизненном мире и мысленном мире, поставим вопрос: какие неотъемлемые структуры входят в мысленный мир? Очевидно, что это должны быть мысли. И прежде всего это данное, то есть те мысли, которые субъекту уже известны. Это его образование, эрудиция, багаж знания. Понятно, что никакое новое мышление не существует без этого багажа. Но понятно также, что многознание уму не научает. Что же еще есть в мысленном мире, откуда в нем берется новизна, откуда акты понимания?

Труднейший вопрос о природе философского вопрошания мы решить не сможем, и у нас нет такой цели. Авторы-философы на собственном опыте обычно знают, что есть что-то, что интересно, о чем хочется думать. Оно еще неизвестно. Неизвестно не только как пропозиция, являющаяся ответом на вопрос – неизвестно даже, как поставить вопрос.

Довольно часто вопрос задан в виде противоречия между какими-то двумя теориями, каждая из которой кажется истинной по-своему, но неполной. Похожую вещь описал Гегель в схеме тезис-антитезис-синтез. Нам хочется разрешить противоречие, создать из двух – поначалу несовместимых или несопоставимых – теорий одну цельную, охватывающую обе. Думаю, таким способом рождается множество ценных мыслей, об изначальной конфликтности которых авторы просто не рассказывали. Кроме того, даже в самую лучшую теорию опыт обычно не укладывается целиком. Я очень люблю экзистенциальную философию, но мне не хватает в ней объяснения математики и музыки. А феноменология Гуссерля их прекрасно объясняет, но в ней не хватает идеи ужаса и смерти. И так далее.

Поэтому, я полагаю, в любом мышлении задействована еще одна принципиальная часть структуры мысленного мира – ценности. Ценности как предмет любви, интереса, как движущая сила, точка притяжения. Когда мы начинаем создавать свою теорию (пусть даже размером с одну статью), нас ведет желание высказать что-то, что

нам интересно. Если это не так, то текст отрывается от жизненного мира, и наступает все то, что описано Гуссерлем в «Кризисе».

И вот этот наш мысленный мир с его данным, его неизвестным и его ценностями, и является, наряду с субъектом, неотъемлемым элементом мышления. Прекрасно выразил это В.В. Бибихин: «мир в целом есть то, *чем*, а не то, *что* мысль мыслит»⁶. Несколько продлевая высказанное здесь, можно отметить: субъект понимает свой предмет своим миром. И при этом мир составляет часть субъекта, даже большую часть, поэтому субъект понимает как бы всем собой. Понимание преобразует мир субъекта и преобразует самого субъекта. И поэтому также можно сказать, что понимает, собственно, мир. Мир был одним до акта понимания, а после этого акта стал другим, расширился, изменился, абсорбировал нечто. Мы увидим ниже, что к музыкальному миру и музыкальному пониманию это относится непосредственным образом.

Конечно, полностью приравнять субъекта и его мир нельзя. Субъект и мыслит, и действует часто спонтанно, он в своем мире может как бы двигаться, жить в нем. Некорректно было бы формулировать «это мир живет сам в себе». Согласно Гуссерлю, субъект, то есть трансцендентальное Эго, находится в центре своего мира (в Картезианских медитациях это названо горизонтом⁷). Но мне важно подчеркнуть, что субъект редко бывает отстранен от собственного мира. Он может его рефлексировать, совершать в отношении него эпохэ. А может не совершать. И тогда его мир – это практически часть его самого.

Музыкальный мир

Музыкальный субъект и его мир

Прежде чем анализировать непростое понятие музыкального мира, поговорим о понятии музыкального субъекта. Более-менее ясно, кто это: любитель музыки, слушатель, исполнитель и интерпретатор, композитор. Поскольку я рассуждаю на примерах из рок-музыки, композитор и исполнитель там обычно одно лицо, хотя функции это разные. В ситуации совместной игры на гитарах и совместного пения на какой-нибудь вечеринке даже и функции могут смешаться. Субъекты тут и любители, и авторы, и интерпре-

⁶ Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995. С. 141.

⁷ См.: Гуссерль Э. Картезианские медитации / Пер. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010.

таторы. Поэтому в дальнейшем я не буду делать различия между разными типами музыкальных субъектов.

Что совершенно точно надо сказать о музыкальном субъекте – это то, что музыка является его интенциональным предметом. Это было бы тавтологией, если бы не было широкого распространения фоновой музыки. Фоновая музыка звучит в супермаркетах, такси, парикмахерских, кабинетах дантистов и восточных целителей. Единственный способ от нее избавиться, какой мне известен – это наушники с собственной музыкой (но в парикмахерских, увы, это возможно не всегда).

Из этого ясно, что музыкальный субъект – это не всегда тот, кто просто слушает музыку. Музыка может быть для него фоном, а его интенциональный предмет в это время может быть другим. Мы же будем говорить о «разомкнутом» к музыке субъекте. Это тот, кто в данный момент слушает музыку, потому что хочет ее слушать. Ему не все равно, что слушать. Музыка как одна точка связи и субъект как вторая точка (то есть, говоря словами Гуссерля, ноэма и ноэзис) неразрывны. В отечественной традиции первым стал исследовать феноменологические структуры музыкального субъекта философ и композитор М.А. Аркадьев⁸.

С понятием субъекта всегда связана проблема понимания. Субъект слушает музыку и хочет понимать, что слышит. Что означает понимать музыку? Это сложнейший вопрос, относительно которого имеется масса литературы как в аналитической философии музыки, так и в феноменологии ([Clark et al. 2015; Covach., Boone 1997; Fiske 2008; Huovinen 2011; Smith 1989; Tighe, Dowling 1993; Yudkin 2016]). Но все перечисленные авторы не рассматривают субъекта в связи с его миром. Думаю, уже в первом пункте стало ясно, что любое понимание должно как-то преобразовывать и субъекта, и его мир. Не исключено, что понимание обычно можно свести к каким-то действиям с понятыми смыслами. Ниже я предложу собственные критерии музыкального понимания.

В данном случае мы примем вариант, который можно считать парадигмальным: музыкальный субъект – это человек, принимающий музыку всерьез, любящий ее, эмоционально к ней глубоко неравнодушный.

Музыкальный мир – это мир музыкального субъекта. О нем можно сказать многое из того, что было сказано в первом пункте

⁸ Аркадьев М.А. Временные структуры новоевропейской музыки. Опыт феноменологического исследования. М.: Библос; 1993; *Он же*. Фундаментальные проблемы музыкального ритма и «незвучащее». Время, метр, нотный текст, артикуляция. М.: Lambert Academic Publishing, 2012.

о мире. Во-первых, это культурный бэкграунд. Он формируется в явном виде той музыкой, которую человек слышал в детстве, например, по радио. В неявном виде он может формироваться, например, общекультурными ценностями окружения, отношением к другим видам искусства, атмосферой в семье и многими тонкими влияниями. В любом случае, в Европе наш музыкальный бэкграунд – западная классическая музыка, народные песни, английский и американский рок и так далее (однако не думаю, что в бэкграунд России или Германии входят джаз и рок-н-ролл). В общем смысле это мажоро-минорный звукоряд, разрешение неустойчивых ступеней в устойчивые, опора на консонансы, ритмические фигуры с преобладанием четверок («квадратная» музыка), повторы мотивов и так далее.

Разумеется, музыкальный бэкграунд в других культурах будет другим. В Турции, например, распространена как европейская музыка, так и ближневосточная, в которой другой лад (так называемый макам⁹), другие мелодии. Иногда в подобных случаях возникает очень интересный синтез двух культур. В турецкой рок-музыке это привело к появлению великолепного анатолийского рока.

Можно подумать, что музыкальный мир состоит из множества известных субъекту музыкальных произведений. Но это будет упрощением. Музыкальный мир состоит не из произведений, а скорее из музыкальных идей. Что такое музыкальная идея – отдельный сложный вопрос, я немного коснусь его ниже.

Как обычно, можно сказать, что музыкальный мир конституирует музыкального субъекта, формирует его привычки и склонности. Но и субъект конституирует свой музыкальный мир. Понятно, что если он композитор, то он сочиняет, если интерпретатор – выражает в своей игре свое понимание. Но и пассивный слушатель сам выбирает, что слушать, как к этому относиться. Почти у всех музыкальных субъектов в России есть опыт слушания блатных песен на трех аккордах, так называемого русского шансона, но некоторые из нас активно исключают его из своего музыкального мира. Аналогичное происходит с поп-музыкой. Наоборот, любимую музыку мы повторяем про себя, ищем подобную ей, воображаем какие-то ее трансформации и т. д.

Музыкальный мир, как и любой мир субъекта, интерсубъективен. Об этом было уже достаточно сказано, и надо заметить, что эта интерсубъективность далеко не абсолютна. Совсем не обязательно, например, субъект будет любить то, что любят вокруг него, и ценить

⁹ *Аммар Ф.Х.* Ладовые принципы арабской народной музыки. М.: Советский композитор, 1984.

то, что его научили ценить. Ценности и предпочтения субъекта всегда формируются таинственным образом. В этом много личного, уникального для каждого человека. Это так даже в случае абстрактных ценностей (Ницше, например, переоценивал мораль). Тем более это так в случае музыки, поскольку личная музыкальность любого человека может быть завязана на его природные склонности, буквально на физиологию мозга. Она может быть сформирована не окружающими, а соответствовать его темпераменту. Более того, музыка сама несет в себе послание, и иногда человек может расслышать в нем то, что не расслышал никто другой.

Слишком большой упор на важность бэкграунда приводит к утверждению о том, что музыка, подобно языку, конвенциональна, полностью зависит от своей истории. В истории нашей музыки возник минор, а в истории африканской музыки он не возник. Отсюда вытекает идея, что никакой, так сказать, внутренней правды в миноре быть не может.

В музыке, действительно, есть много конвенциональных элементов. Но никак нельзя назвать ее абсолютно конвенциональной. Уже Пифагор заметил, что в музыке есть элементы математики. Вопрос о внутренней структуре музыки мы сейчас не будем разбирать, но что она есть и что у нее есть свои внутренние законы, надо иметь в виду обязательно.

Теперь кратко рассмотрим, или скорее только поставим, сложный вопрос о связи музыкального мира с остальными мирами субъекта: моральным, философским, миром общения, общим жизненным миром. Что эта связь есть, представляется очевидным. Люди, относящиеся к образованной и высококультурной страте, будут слушать оперу, симфонию, академический авангард. Заключенные на зоне будут слушать шансон. Подростки будут слушать музыку своей субкультуры – например, рэп. Отсюда, конечно, очень хочется сделать вывод о превосходстве одной музыки над другой и одного жизненного мира над другим. Этим путем идти легко, но далеко он, как кажется, не уведет. Я, например, слушаю турецкий рок. Среди моего социума таких людей больше нет, поэтому со вкусами окружающих это не связано. Это вообще ни с чем не связано, кроме чисто музыкальных качеств турецкого рока (его мелодии, аранжировки, лад). Как это может быть связано с моим мысленным миром, с моим отношением к людям или моей этикой? Я на этот конкретный вопрос ответить не могу, я не знаю, как это связано, хотя чувствую, что связано. Но можно попытаться выдвинуть некоторые общие соображения.

Есть целое большое исследовательское поле психологии музыки, которое изучает корреляции музыкальных предпочтений с темпера-

ментом человека и даже некоторыми его интеллектуальными качествами. Доводилось читать, что любители кантри консервативны, а у любителей рока низкая самооценка ([North 2010]). Это, конечно, поверхностные исследования. Даже кантри может быть разное, не говоря о роке. Если мы хотим исследовать более тонкие связи, надо и музыку анализировать более тонко. Некоторые исследования движутся по этому пути ([Greenberg et al. 2022]), выделяя «мягкую», «интенсивную» и т. п. музыку, но это мне представляется недостаточным. Надо анализировать музыку с музыкальной точки зрения.

Например, попытаемся представить человека, который любит минорную музыку и не переносит мажор. Минорная музыка очень разная, от трагического «Похоронного марша» Шопена до «Польки» А. Шнитке, вызывающей в исполнении В. Спивакова и Д. Мацуева неудержимый смех. В минорной тональности соседствуют мягкие светлые мелодии, как «Серенада» Шуберта, и мрачные песни в стиле “heavy metal” Р.Д. Дио. Однако наш субъект предпочитает любой минор любому мажору исключительно за то, что первая терция в нем малая, а не большая. Это выглядит несколько нелепо, но автор статьи знает подобные случаи. И в чем разница между малой и большой терцией? И между окраской минора и мажора вообще? Я полагаю, что это связано с чем-то типа склонности к индивидуализму / социальности. Мажорное трезвучие просится, чтобы его сыграли на площади во время праздника. Минорное гораздо лучше звучит в одиночестве слушателя.

В философии сложная авангардная музыка хорошо сочетается с изучением текстов великих авторов. А дерганный ритм, несложные композиции, плотная аранжировка тяжелого рока – с анализом не текстов, а проблематики как таковой, рассмотрением экзистенциальных вопросов...

Все это, разумеется, мои интуиции, очень проблематичные и открытые для обсуждения.

Анализ музыкального мира

Теперь пришло время посмотреть на музыкальный мир не со стороны субъекта, а со стороны музыки. Здесь важна ее структура, ее свойства, ее онтология. Каким-то образом надо попытаться понять, что такое содержание музыки, при том, что она не несет вербальной информации и не является языком для передачи внешнего содержания. Эту мысль явным образом выразил Э. Ханслик¹⁰,

¹⁰ *Rothfarb L., Landerer C. Eduard Hanslick's On the Musically Beautiful. New York: Oxford University Press, 2008.*

и сейчас она в целом общепринята среди философов музыки [Jackendoff 2011]. Музыка – это повествование, сообщение. Но она сообщает только саму себя. Каким образом она тогда может быть понятной и вообще как-либо относиться к субъекту?

И здесь надо обратиться к концепту «музыкальной идеи». Что такое музыкальная идея? Что такое идея в обычном смысле относительно понятно: у Платона это некий идеальный образ (идея красоты, идея человека). Несколько похож на это концепт «смысла» у Фреге (смысл слова «стол»). В современной семантике под идеей чаще понимается пропозиция: «идея о том, что... [А есть Б]». Но все эти словоупотребления нельзя перенести на музыку непосредственно. В ней нет слов и пропозиций. Идеи же в музыке есть. Например, музыкальной идеей можно назвать красивую и яркую мелодию, необычную аранжировку, появление атональной музыки... При этом не обязательно считать идеей появление чего-то нового, нас просто сбивает с толку частое выражение «в голову пришла идея». Мажорная гамма содержит в себе идею мажора, это некая чисто музыкальная идея, далее неразложимая на части. Пониженная вторая ступень в миноре – это идея фригийского лада, с которым связана и некоторая эмоциональная окраска (мрачность, напряженность). Лады – примеры идей, прекрасно всем знакомых. Мелодия «Турецкого марша» Моцарта – пример гениальной идеи другого типа. Иногда даже хочется задать вопрос, связана ли музыкальная идея с уникальным автором, не могла ли она прийти в голову кому-то еще? Ведь она чем-то сродни идее геометрической фигуры. Но рассмотрение этой проблемы уведет нас слишком далеко.

Британский музыковед Ф. Тэгг ввел понятие «музема» ([Tagg 1979, p. 14]). Оно обратило на себя внимание, его стали упоминать, но, насколько мне известно, его пока никто детально не разъяснил. Думаю, под муземой в строгом смысле разумно понимать некую неделимую единицу музыкального отрывка, единицу смысла. Например, гамма – это музема, это единица смысла, ее нельзя разбить на куски без потери смысла гаммы, то есть лада. В данном случае в одну музему входят 8 звуков. Не 7, потому что единица смысла должна быть замкнута, кончаться на чем-то «логичном», устойчивом. Поэтому верхняя тоника в эту музему также входит.

Является ли муземой трезвучие, ведь оно тоже по-своему замкнуто и может не требовать других трезвучий? Думаю, нельзя сказать, что отдельное трезвучие само по себе есть музема, поскольку одно и то же трезвучие имеет разный смысл в разных ладах. А вот четыре трезвучия, если это аккорд на тонике, субдоминанте, доминанте и опять на тонике, уже составляют вполне замкнутый,

осмысленный отрывок. Большой красоты в нем нет, но для муземы эстетическое содержание не требуется.

Мы приближаемся к мелодии. Насколько отдельная мелодия является муземой? Здесь, видимо, надо отойти от понятия муземы в строгом смысле. Мелодия может состоять из нескольких отрывков, имеющих относительную самостоятельность. Аналогия с фонемой, лексемой и т. п. здесь не пригодна. В произведении Генделя «Сарабанда» явно звучат краткие муземы по 5 звуков, имеющие собственную целостность, но полный смысл включает 4 таких отрывка, повторенные 4 раза. Можно ввести для таких случаев понятия микромуземы, просто муземы, макромуземы или придумать еще какой-нибудь термин.

Впрочем, в состав музыкальной идеи входят не только звуки разной высоты (составляющие лады, мелодии, гармонии). Отдельной музыкальной идеей является также ритм. В той же «Сарабанде» ритм трехчастный, с двумя сильными долями. Это явная музема, у этого ритма есть свой отдельный особый смысл. А если такой необычный ритм – музема, то и обычный размер 4/4 тоже надо считать отдельной муземой, входящей в состав музыкальной идеи произведения. Разумеется, ритмы в размерах 3/4, 6/8 или, как у Пинк Флойд в Money, 7/4 – особые муземы.

Не будем уходить в теорию музыки. Стало примерно понятно, как надо анализировать содержание музыкального мира субъекта. Вспомним, что неотъемлемой частью любого мира являются ценности. Что такое ценности в музыке? В первую очередь приходят в голову общекультурные и социальные ценности. Для знатока ценностью академической музыки является ее сложность. Для подростка ценность музыки определяется предпочтениями его субкультурной группы (обычно поп и рэп, но могут быть и альтернативные виды). Для тяжело работающего человека ценность музыки в том, чтобы отвлечься и расслабиться. Для интровертированного и самостоятельного слушателя ценностью может стать какая угодно музыка, но чаще всего все же это некоторое ограниченное поле. И тут уже социальные и культурные соображения могут не иметь никакого значения.

Поэтому, я полагаю, музыкальный мир субъекта, который настоящему любит музыку, следует рассматривать с точки зрения чисто музыкального содержания. Это предпочитаемые лады, например, минор, как в вышеприведенном примере. Это любимые ритмы и темп, например, медленная музыка в размере 3/4 или быстрая в размере 2/4, акцентированный ритм или мягкий ритм. Стил подчеркивать сильные доли ударными инструментами или не подчеркивать их. Для многих важны аранжировки, количество басов, например.

Особо надо отметить интервалы. Музыка по духу очень явно делится на два вида: с преобладанием секунд, малых и больших, и с преобладанием терций и кварт (квинты есть везде, шестые ступени везде редки, седьмые по звучанию аналогичны вторым¹¹). Речь идет не только о преобладании этих интервалов в ходе мелодии, но и о ключевых гармониях на соответствующих ступенях. Музыка секундного типа очевидно более «задушевная», мягкая, женственная. Мелодии более гладкие за счет движения по близким ступеням, более очевидные, в них меньше скачков. Терцовая и квартовая музыка производит куда большее впечатление холода, логичности, неэмоциональности, мужского начала. Переход от первой ступени к третьей и затем к пятой (могут быть другие варианты: от четвертой к первой и так далее) – это не гладкость, а скачок, и он диктуется логикой. Его и предсказать труднее.

Имеется хорошо прослеживаемый «градиент»: секундная музыка преобладает на юге и востоке, терцовая/квартовая – на севере и западе (исключение Франция). В качестве музыкального примера первого типа можно взять цыганские напевы, романсы. Второй тип обычен в англо-американском роке. Такого рода предпочтения и ценности, я полагаю, являются важнейшими для конституирования музыкального мира субъекта. Тот, кто слушает музыку терций/кварт, может музыку секунд буквально не переносить. Она будет казаться ему сентиментальной и примитивной. Если я сказала о себе, что предпочитаю терции, я сказала очень много о глубоком строении моего музыкального мира. Если же рассматривать более сложные случаи любви к доминантсептаккордам и т. п., то такой музыкальный мир уже практически этим охарактеризован.

Наконец, коснусь еще одной важной черты музыкальной идеи, конституирующей музыкальный мир. Это некая конфликтность или проблемность музыки в отличие от бесконфликтности и покоя. Для почти любой западной музыки конфликтность очень характерна. Традиционная восточная музыка, наоборот, конфликтности избегает.

Что такое конфликт и проблема в музыке? Здесь я имею в виду не диссонансы, вернее, не только и не столько их. Некоторая доля конфликтности всегда присутствует во всем, что развивается, а западная музыка обычно имеет в себе то или иное развитие. Поскольку тема развития в классической западной музыке хорошо

¹¹ Это некорректное выражение выбрано для краткости, имеется в виду, что с седьмой ступенью (от си до нижнего до) мы имеем дело крайне редко, си почти всегда разрешается в верхнее до, то есть это не седьмая ступень, а, если можно так выразиться, минус первая.

исследована, в качестве материала я сосредоточусь на рок-песнях. Но суть понятия музыкального конфликта или музыкальной проблемы применима к любому типу музыки.

Прежде всего, понятная нам западная музыка четко построена на чередовании напряжений и разрешений. Обычное музыкальное произведение, без специальной музыки «обрыва», всегда заканчивается на тонике. Перед тоникой часто бывает или пятая ступень, или седьмая, или вторая, в качестве введения. Трезвучие на пятой ступени может быть в конце какой-нибудь внутренней музыки, как некий возглас, имеющий вопросительную или как-то эмоционально заряженную интонацию. Обычно ему будет соответствовать симметричная схема, в конце которой будет уже тоническое трезвучие, это частая схема типа вопрос-ответ. В турецком роке в рефрене часто встречается схема 4-1-5-1. Тоническое трезвучие входит, как видим, два раза, но в разных позициях имеет совершенно разную окраску: после субдоминанты оно подводит к доминанте, а после доминанты на нем все заканчивается. Все вместе производит впечатление некоторой закругленности. Но турецкий рок в принципе отличается мягкостью. Если рассмотреть Black Sabbath, то в песне, например, The Sign of the Southern Cross встречается зигзаг от пятой ступени до первой, которая звучит в данном случае очень напряженно. Такие развития, включающие в себя напряжения – это основа западной музыки. Это музыка конфликта. Еще частая схема в рок-песнях: сначала в первой и второй строках строфы повторяется один и тот же мотив, затем в третьей строке он же, но на кварту выше. Четвертая строка повторяет две первые. Тогда общее напряжение возникает в третьей строке («вопрос») и снимается в четвертой («ответ»). Я упомянула, что турецкий рок мягок. Он вобрал в себя элементы традиционной турецкой музыки. Однако это все-таки рок, музыка западная. Разумеется, и в нем есть свои напряжения-разрешения. Схема вопрос-ответ часто реализуется внутри одной строки, состоящей из двух симметричных частей. Естественно, могут быть и другие варианты.

Если мы теперь, наслушавшись рока, включим традиционные турецкие народные мелодии, мы будем поражены, что эта музыка как будто никуда не движется. Бесконечно повторяются простые мотивы. В каждом таком мотиве основное музыкальное внимание обращается на одну-две ноты. Лад включает в себя четвертые части тона, следующие друг за другом без отделения, что для европейского уха воспринимается как монотонность. Мы не можем вынести из этой музыки какую-либо музыкальную идею. Нам скучно в течение 5 минут слушать опевания двух нот. В этой музыке нет

конфликта, нет «проблемы», нет вопросов-ответов, нет развития. Она медитативна.

Я рискну предположить, что такого типа конфликтный музыкальный мир соответствует общему настрою сознания человека Нового времени, начиная с XVI–XVII в. Нововременному сознанию нужна последовательность, прежде всего, *причины-следствия*. Два шара столкнулись потому, что таковы были их траектории. Нота до прозвучала потому, что до нее была нота си. Все имеет свою причину, все имеет достаточное основание. Об этом очень хорошо писал Хайдеггер¹². Западная музыка, таким образом, по существу своему логична. Таков же и музыкальный мир западного музыкального субъекта. Что же касается музыкального мира восточных людей, как и их жизненного мира, то для этого нужны специальные исследования. Но было бы разумно предположить, что музыкальный мир у них другой и определенно более статичный.

Субъект и его музыка

В заключительной части я бы хотела еще раз подумать о связи мира и субъекта в понимании музыки, отношении к ней. Есть большое количество литературы по феноменологии музыки ([Berger et al. 2024; Dufrenne 1973; Høffding 2018; Lochhead 1986; Smith 2019; Szyszkowska 2018]), но везде музыка и субъект рассматриваются в отрыве от музыкального мира. Понятия «музыкальный мир» в феноменологическом смысле в англоязычной литературе я не встречала.

Музыкальный мир – это основа для отношения к музыке. Мы понимаем музыку из своего личного музыкального мира. Субъект, если это настоящий музыкальный субъект, понимает музыку всем собой. Не только он живет в своем мире, но, можно сказать, и его мир живет в нем. Я могу заниматься разными вещами, но внутри меня – мой музыкальный мир, я слышу какую-то любимую музыку, и даже, как было сказано во второй части, иногда это не конкретное музыкальное произведение, но какой-то любимый лад, какие-то отдельные муземы, которые меня особенно трогают.

Недавно вышло интересное исследование психологии самоидентификации в отношении к музыке (Fingerhut et al. 2021). Авторы вводят понятие «Эстетическое Я» (*Aesthetic Self*). Это со-

¹² См.: Хайдеггер М. Положение об основании. Статьи и фрагменты / Пер. О.А. Коваль; Лаборатория метафизических исследований филос. фак. СПбГУ. СПб.: Алетейя, 2000.

знательная область отношения человека к самому себе, в которой он определяет себя как человека, имеющего такой-то эстетический вкус. Мой пример: у какого-то человека, которому важно быть (или казаться) высококультурным, в его самоотношение входит любовь к классической или академической авангардной музыке. Это нельзя назвать ни трансцендентальным Я, ни субъектностью в полном смысле слова. Это скорее Я-концепция: «я знаток музыки», «я люблю сложную музыку», «мой вкус в музыке развит и утончен». Причем этот человек вполне может действительно искренно любить эту музыку.

Затем в попытках процитированной группы исследователей испытуемых просили вообразить, что они вдруг полюбили совсем другую музыку. Например, человек всю жизнь считал себя любителем классики, и вдруг ему захотелось слушать только поп. Авторы интересовало, насколько глубокий эффект будет такое изменение вкуса иметь на всю личность и на отношение человека к самому себе. Их вопрос к респондентам был сформулирован так: «Останусь ли я тем же самым человеком?». Значительная часть респондентов ответила «Нет». То есть люди воспринимали любовь к музыке как часть себя: если моя любимая музыка изменилась, то это значит, что изменился я сам. Авторы статьи не слишком глубоко анализируют полученный результат. Их главное предположение: субъект ощущает изменение самого себя, потому что с изменением предпочитаемой музыки изменилось его социальное окружение. Это, мне кажется, не то, что происходит с субъектом, если он любит музыку всерьез.

Мое объяснение: прежде всего, изменился музыкальный мир. А это значит, что в какой-то степени изменился и весь жизненный мир субъекта, по крайней мере его мысленный мир. Изменение музыкального мира для музыкального субъекта и значит изменение себя, поскольку субъект и мир связаны теснейшим образом. В личном опыте автора данной статьи именно такое изменение однажды имело место. Турецкий рок у нас мало известен, и мой музыкальный мир состоял из английского и шведского рока. Это музыкальный мир несколько холодный, терцово/квартовый, довольно конфликтный – немало можно о нем сказать с музыкальной точки зрения. Важно, что турецкий музыкальный мир другой. Он намного теплее, нежнее, тоньше, изысканней, более секундный, менее конфликтный. (Разумеется, речь никогда не идет о шведском/турецком роке вообще, речь всегда идет о конкретных авторах; в данном случае это были швед Joakim Thåström и турок Barış Manço.) И состоявшееся в результате изменение моего мира было драматическим. Оно постепенно коснулось всего, от моих интересов в философии до отно-

шения к людям. Изменилось Я, изменились какие-то субъектные структуры, но в основе лежало изменение музыкального мира.

Мне хочется также кратко рассмотреть вопрос о проблеме понимания музыки. Сейчас в англоязычной литературе это очень обсуждаемая тема (см. сноски выше), но к ней мало кто подходит с точки зрения феноменологии. Исключение – замечательный автор Р. Скрутон [Scruton 2009].

Мы видели, что в понимании субъект совершает некие акты схватывания смысла, исходя из своего мира. Он обладает феноменологическим горизонтом. Звучащая в данный момент музыка отождествляется с известными ранее структурами, в ее смысл входит ее лад, ее ритм – все хорошо знакомые вещи. Улавливая музыкальные структуры, мы улавливаем связи звуков, напряжения и разрешения, повторы и симметрии, схемы и рисунки.

Однако есть и чисто субъектные акты понимания. Что значит вообще что-то понять? Что значит понять текст, например? Что значит понять доказательство теоремы? Это настолько сложный вопрос, что было бы самонадеянно давать даже приблизительный ответ на него. Все, что тут можно сказать – что это как-то связано с переживанием субъектом смысла своего предмета.

И все же в специальном случае музыкального понимания можно предложить несколько предварительных критериев. Прежде всего слушатель понимает музыку, если он чувствует эстетическое переживание ее красоты. Это совершенно субъективное чувство, у разных людей оно относится к самой разной музыке, но если его нет, то сомнительно, что данная музыка вообще станет у субъекта интенциональным предметом.

Следующий важный критерий понимания – возможность воспроизвести музыку, хотя бы во внутреннем слухе. Что она оформляется, так сказать, в какое-то высказывание. Это, правда, далеко не абсолютный критерий понимания. Текст, например, можно зазубрить и воспроизвести, вообще ничего не поняв. В музыкальной школе иногда такое зазубривание происходит и с музыкой.

Затем специфический музыкальный критерий транспонирования. Если слушатель воспринимает бессмысленный набор звуков, то при хорошей памяти он может его воспроизвести, но транспонировать в другую тональность ему удастся с большим трудом. Цельная мелодия из одной тональности в другую переносится легко и целиком, это примерно похоже на перенос фигуры на плоскости. Набор звуков же не имеет целостности, каждый звук приходится переносить отдельно. Следовательно, акт понимания состоит также и в том, чтобы конституировать целостную «фигуру» (чаще всего это мелодия).

И последний критерий понимания, который хочется предложить – это импровизация, вариация. Не следует думать, что сам композитор знал все смыслы, которые можно извлечь из его музыки. Некоторые народные мелодии, будучи обработаны для профессионального исполнения, начинают звучать по-новому, сохраняя при этом и первоначальный смысл. Народные мелодии обрабатывали и классические композиторы, например, Чайковский, и рок-музыканты, и барды. Существует такое явление, как каверы в рок-музыке – музыканты предлагают свою версию какой-то песни других авторов, и иногда это бывает очень интересно. Думаю, именно это и говорит о понимании, поскольку в нем всегда так или иначе задействована интерпретация.

Закончить я хочу совсем общим вопросом. Почему мы хотим жить в музыкальном мире? Что музыка нам дает такого, чего без нее нам не хватает? Ведь та или иная музыка существует во всех культурах. Она была и есть спутник человека.

В ней есть интеллектуальный компонент, поскольку она в некотором смысле близка к математике. Когда мы улавливаем ход какой-то мелодии и структуру какой-то музыки, очень часто они напоминают фигуру, например, квадрат или круг. Разумеется, в музыке есть эмоциональный компонент, мы радуемся ее красоте, она может дать выход нашей печали. Есть и телесный компонент, ритм. И они не находятся в противоречии, в музыке они тесно слиты. А у человека интеллект, душа и тело очень часто живут отдельной жизнью. И вот человек ищет в музыке целостность, которая отсутствует у него. И мир его музыки – это иногда островок гармонии и понимания среди хаотического и непредсказуемого внешнего мира.

Заключение

Мы рассмотрели понятие музыкального мира, в котором существует музыкальный субъект. Мир и субъект тесно связаны. Отчасти субъект конституирует свой мир, отчасти мир конституирует субъекта, это взаимные процессы. Музыкальные миры иногда очень различны даже в рамках одной культуры. Как и любой другой мир, музыкальный мир в значительной степени интерсубъективен, его история начинается с того, какую музыку человек слушал в детстве. Однако нельзя назвать его интерсубъективным абсолютно. Субъект живет в своем мире иногда замкнутой, автономной жизнью, и музыкального мира это касается так же. В любом мире, в том числе музыкальном, есть какой-то элемент данного и есть что-то как бы потенциальное, еще не данное, существующее в виде желания.

Оно определяется ценностями субъекта. И, разумеется, у разных субъектов могут быть разные ценности. Для кого-то музыкальной ценностью является спокойная музыка, для кого-то сложная, для кого-то минорная или мажорная, для кого-то громкая или плотно аранжированная, для кого-то – атональная. С музыкальной точки зрения западный музыкальный мир Нового времени был охарактеризован как сущностно конфликтный и динамичный, в отличие от восточного – статичного, медитативного. Разумеется, это очень приблизительные и общие характеристики, из которых может быть много исключений.

Была сделана первая попытка рассмотреть музыкальный мир с точки зрения понятий музыкальной идеи и отдельной музыки. Однако это требует огромной дополнительной работы: понять, что такое вообще музыкальная идея, какие бывают музымы и т. д. Данная статья посвящена понятию музыкального мира вообще, а для его характеристики нужно обращаться к теории музыки. А вот что можно подумать о музыкальном мире с точки зрения исключительно философии и феноменологии – это то, связан ли он с другими мирами субъекта и если да, то как. Я утверждаю, что это по меньшей мере возможно. Иногда резкое изменение музыкального мира приводит к заметному изменению общего мировоззрения, в том числе через преобладание новых эмоций. Это может оказать влияние на отношения с людьми, на интересы, мысли и так далее.

Думаю, что структуры музыкального мира и музыкального субъекта надо исследовать дальше. Мне кажется, музыка со временем будет играть в жизни человека все большую и большую роль (если человечество выживет). И существование музыкального мира станет совершенно наглядным, как и существование других миров. Особенно интересным мне представляется взаимодействие музыкального мира субъекта с его общим мысленным миром. Что на что тут оказывает влияние? Об этом надо будет думать в дальнейшем.

Источники

- Аммар Ф.Х. Ладовые принципы арабской народной музыки. М.: Советский композитор, 1984. 184 с.
- Аркадьев М.А. Временные структуры новоевропейской музыки. Опыт феноменологического исследования. М.: Библос, 1993. 170 с.
- Аркадьев М.А. Фундаментальные проблемы музыкального ритма и «незвучащее»: Время, метр, нотный текст, артикуляция. М.: Lambert Academic Publishing, 2012.
- Бибихин В.В. Мир. Томск: Водолей, 1995. 144 с.

- Гуссерль Э.* Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Пер. Д.В. Складнева. СПб.: Владимир Даль, 2004. 396 с.
- Гуссерль Э.* Картезианские медитации / Пер. В.И. Молчанова. М.: Академический проект, 2010. 229 с.
- Хайдеггер М.* Бытие и время / Пер. В.В. Биbihина. М.: Ad Marginem, 1997. 227 с.
- Хайдеггер М.* Положение об основании: Статьи и фрагменты / Пер. О.А. Коваль; Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ. СПб.: Алетейя, 2000. 290 с.
- Rothfarb L., Landerer C.* Eduard Hanslick's On the Musically Beautiful. New York: Oxford University Press, 2008.

Литература

- Berger et al. 2024 – The Oxford Handbook of the Phenomenology of Music Cultures / Ed. by H.M. Berger, F. Riedel, D. Vanderhamm. Oxford: Oxford University Press, 2024. 752 p.
- Clark et al. 2015 – *Clark N.A., Heflin T., Kluball J., Kramer E.* Understanding Music: Past and Present. Dahlonega, GA: University of North Georgia Press, 2015. 322 p.
- Covach, Boone 1997 – Understanding Rock: Essays in musical analysis / Ed. by J. Covach, G.M. Boone. New York: Oxford University Press, 1997. 240 p.
- Dufrenne 1973 – *Dufrenne M.* The phenomenology of aesthetic experience. Evanston, Ill: Northwestern University Press, 1973. 578 p.
- Fingerhut et al. 2021 – *Fingerhut J., Gomez-Lavin J., Winklmayr C., Prinz J.J.* The Aesthetic Self. The Importance of Aesthetic Taste in Music and Art for Our Perceived Identity // Front. Psychol. 2021. Vol. 11. 577703. DOI: 10.3389/fpsyg.2020.577703.
- Fiske 2008 – *Fiske H.E.* Understanding Musical Understanding: The Philosophy, Psychology and Sociology of the Musical Experience. Lewiston, New York: Edwin Mellen Press, 2008. 311 p.
- Greenberg et al. 2022 – *Greenberg D.M., Wride S.J., Snowden D.A., Spathis D., Potter J., Rentfrow P.J.* Universals and Variations in Musical Preferences: A Study of Preferential Reactions to Western Music in 53 Countries // Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences. 2022. Vol. 122 (2). P. 286–309.
- Höfding, 2018 – *Höfding S.* A Phenomenology of Musical Absorption. Cham, Switzerland: Palgrave Macmillan, 2018. 304 p.
- Huovinen 2011 – *Huovinen E.* Understanding Music // The Routledge Companion to Philosophy and Music / Ed. by Th. Gracyk, A. Kania. New York: Routledge, 2011. P. 123–133.
- Jackendoff 2011 – *Jackendoff R.* Music and Language // The Routledge Companion to Philosophy and Music / Ed. by Th. Gracyk, A. Kania. New York: Routledge, 2011. P. 101–112.

- Lochhead 1986 – *Lochhead J.* Phenomenological Approaches to the Analysis of Music: Report from Binghamton // Theory and Practice. 1986. № 11. P. 9–13.
- North 2010 – *North A.C.* Individual Differences in Musical Taste // The American Journal of Psychology. 2010. № 123 (2). P. 199–208. URL: <https://doi.org/10.5406/amerj-psyc.123.2.0199> (дата обращения 15 ноября 2024).
- Scruton 2009 – *Scruton R.* Understanding Music: Philosophy and Interpretation. London; New York: Continuum, 2009. 253 p.
- Smith 2019 – *Smith E.* The Experiencing of Musical Sound: Prelude to a Phenomenology of Music. New York: Routledge, 2019. 256 p.
- Smith 1989 – *Smith F.J.*, ed. Understanding the Musical Experience. Musicology: A Book Series. Montreux, Switzerland: Gordon and Breach Science Publishers, 1989. 230 p.
- Szyszkowska 2018 – *Szyszkowska M.A.* Musical Phenomenology: Artistic Traditions and Everyday Experience // AVANT. 2018. Vol. IX. № 2. P. 141–155. <https://doi.org/10.26913/avant.2018.02.09>.
- Tagg 1979 – *Tagg, P.* Kojak – 50 seconds of television music: toward the analysis of affect in popular music. Göteborg: Musikvetenskapliga inst., Göteborgs univ Publ., 1979.
- Tighe, Dowling 1993 – *Tighe T.J., Dowling W.J.* (Eds). Psychology and Music: the Understanding of Melody and Rhythm. New York; London: Psychology Press, 1993.
- Yudkin 2016 – *Yudkin J.* Understanding Music. Boston: Pearson Education, 2016.

References

- Berger, H.M., Riedel, F. and Vanderhamm, D. (eds.) (2024), *The Oxford Handbook of the Phenomenology of Music Cultures*, Oxford University Press, Oxford, UK.
- Clark, N.A., Heflin, T., Kluball, J. and Kramer, E. (2015), *Understanding Music: Past and Present*, University of North Georgia Press, Dahlonega, GA, USA.
- Covach, J. and Boone, G.M. (eds.) (1997), *Understanding Rock: Essays in musical analysis*, Oxford University Press, New York, USA.
- Dufrenne, M. (1973), *The phenomenology of aesthetic experience*, Northwestern University Press, Evanston, Ill., USA.
- Fingerhut, J., Gomez-Lavin, J., Winklmayr, C. and Prinz, J.J. (2021), “The Aesthetic Self. The Importance of Aesthetic Taste in Music and Art for Our Perceived Identity”, *Front. Psychol.*, vol. 11, 577703, DOI: 10.3389/fpsyg.2020.577703.
- Fiske, H.E. (2008), *Understanding Musical Understanding: The Philosophy, Psychology and Sociology of the Musical Experience*, Edwin Mellen Press, Lewiston, New York, USA.
- Greenberg, D.M., Wride, S.J., Snowden, D.A., Spathis, D., Potter, J. and Rentfrow, P.J. (2022), “Universals and Variations in Musical Preferences: A Study of Preferential Reactions to Western Music in 53 Countries”, *Journal of Personality and Social Psychology: Personality Processes and Individual Differences*, vol. 122 (2), pp. 286–309.

- Hoffding, S. (2018), *A Phenomenology of Musical Absorption* (New Directions in Philosophy and Cognitive Science), Palgrave Macmillan, Cham, Switzerland.
- Huovinen, E. (2011), "Understanding Music", Gracyk Th. and Kania A. (eds.) *The Routledge Companion to Philosophy and Music*, pp. 123–133, Routledge Publ., New York, USA.
- Jackendoff, R. (2011), "Music And Language", Gracyk Th. and Kania A. (eds.) *The Routledge Companion to Philosophy and Music*, Routledge Publ., New York, USA, pp. 101–112.
- Lochhead, J. (1986), "Phenomenological Approaches to the Analysis of Music: Report from Binghamton", *Theory and Practice*, vol. 11, pp. 9–13.
- North, A.C. (2010), "Individual Differences in Musical Taste", *The American Journal of Psychology*, vol. 123 (2), pp. 199–208, available at: <https://doi.org/10.5406/amerjpsyc.123.2.0199> (Accessed 15 November 2024).
- Scruton, R. (2009), *Understanding Music Philosophy and Interpretation*, Continuum, London, New York.
- Smith, E. (2019), *The Experiencing of Musical Sound. Prelude to a Phenomenology of Music*, Routledge, New York, USA.
- Smith, F.J. (ed.) (1989), *Understanding the Musical Experience*. Musicology: A Book Series, Gordon and Breach Science Publishers, Montreux, Switzerland.
- Szyszkowska, M.A. (2018), "Musical Phenomenology: Artistic Traditions and Everyday Experience", *AVANT*, vol. IX (2), pp. 141–155. <https://doi.org/10.26913/avant.2018.02.09>.
- Tagg, P. (1979), *Kojak – 50 seconds of television music: toward the analysis of affect in popular music*, Musikvetenskapliga inst., Göteborgs univ Publ., Göteborg, Sweden.
- Tighe, T.J. and Dowling, W.J. (eds.) (1993), *Psychology and Music the Understanding of Melody and Rhythm*, Psychology Press, New York and London.
- Yudkin, J. (2016), *Understanding Music*, Pearson Education, Boston, USA.

Информация об авторе

Елена В. Косилова, доктор философских наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119234, Россия, Москва, Ломоносовский пр., д. 27, к. 4; implicatio@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Kosilova, Dr. of Sci. (Philosophy), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bld. 27/4, Lomonosovskii Avenue, Moscow, Russia, 119234; implicatio@yandex.ru

Научный журнал
Вестник РГГУ
Серия «Философия. Социология. Искусствоведение»
№ 1
2025

Дизайн обложки
Е.В. Амосова

Корректор
П.М. Смоктунова

Компьютерная верстка
Н.В. Москвина

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет
125047, Москва, Миусская пл., 6

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-73403 от 03.08.2018 г.
Периодичность 4 раза в год

Подписано в печать 20.03.2025
Выход в свет 27.03.2025
Формат 60 × 90 ¹/₁₆
Уч.-изд. л. 8,8. Усл. печ. л. 9,0
Тираж 1050 экз. Свободная цена
Заказ № 2129

Отпечатано в типографии Издательского центра
Российского государственного гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru